

ЛЕН
КАРПИНСКИЙ
ВАЛЕРИЙ
ПИСИТИН

ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ
ДИНОЗАВРОВ
статьи последних лет

МОСКВА 1996

ЭПИцентр

Серия «Между прошлым и будущим:
политика, экономика, социология»
основана в 1995 году

*Составители сборника выражают благодарность
Ю. Г. Буртину за помощь и важные рекомендации при
подготовке и издании этой книги*

Составители:
В. Ф. Писигин,
Л. Ф. Чеботкевич-Карпинская ©

Ответственный за выпуск Н. А. Орлов
Редактор Е. В. Лерман

Художник И. Гурович
(ИМА-Пресс)

ISBN 5-89069-003-5

Светлой памяти дорогого
Лена Вячеславовича
Карпинского

Валерий Писигин

ГРАЖДАНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ЛЕНА КАРПИНСКОГО

(вместо предисловия)

Лен Вячеславович Карпинский родился 26 ноября 1929 года в Москве в семье Вячеслава Карпинского, члена РСДРП с 1898 г., одного из близких сподвижников Ленина. Н.К.Крупская даже назвала его Леном в честь вождя русской революции.

В 1952 г. закончил философский факультет МГУ. После XX съезда — на ответственной комсомольской работе: первый секретарь Горьковского горкома ВЛКСМ, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, главный редактор журнала «Молодой коммунист», в 1958 — 1962 гг. — секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1962-1967 гг. — член редколлегии «Правды».

В 1967 г. вступил в конфликт с властью. За статью «На пути к премьеру», критикующую практику цензуры в СССР, уволен из газеты. После назначен спецкором «Известий», однако выступление на редакционной летучке с критикой процесса «ресталинизации», начавшегося после смещения Хрущева, влечет за собой новое увольнение. В 1969-1973 гг. работает в Институте конкретных социальных исследований АН СССР, который был в те годы одним из очагов свободомыслия. После его разгрома, совершенного ЦК и МГК КПСС, Карпинский — заведующий редакцией в издательстве «Прогресс».

В 1969 г. под впечатлением вторжения советских войск в Чехословакию пишет статью «Слово — тоже дело», позднее изъятую органами КГБ. Эта статья, а также работы других вольнодумцев должны были составить содержание первого из серии «самиздатовских» сборников, которые Лен и сложившийся вокруг него кружок единомышленников задумали издавать в начале 70-х годов. Сборники должны были

стать формой коллективного исследования советского общества и его истории с независимых, демократических позиций. Замысел, однако, не удалось претворить в жизнь: о нем еще на ранней стадии осуществления стало известно властям. В 1975 году Карпинский был исключен из КПСС и уволен из издательства «Прогресс». Не увидел света и сборник его статей о литературе и театре, подготовленный для издательства «Искусство». С этого времени возможности печататься и заниматься всякой публичной деятельностью для него наглухо закрыты.

В годы перестройки Лен Карпинский — в числе ее активнейших деятелей как публицист, социолог, журналист, редактор. С 1989 года — политический обозреватель газеты «Московские новости», с августа 1991 по октябрь 1993 года — главный редактор этой газеты, затем председатель редакционного совета. Автор многочисленных публикаций в отечественной и зарубежной прессе.

* * *

Идея написать совместную книгу родилась незадолго до того, как Лена Вячеславовича не стало, а её содержание обсуждалось во время нашей последней встречи. Никаких трудностей в этом предприятии ни он, ни я не видели, так как у нас был опыт нескольких совместных статей и многочасовых бесед, а кроме того, еще и многолетнее общение, я даже могу сказать — дружба.

У Карпинского были друзья, что называется, по жизни, такие, например, как Егор Яковлев или Геннадий Лисичкин, с которыми он был тесно связан более 30 лет. Но последние свои два года Лен Вячеславович едва ли с кем из друзей общался больше, чем со мной. Мы и жили-то рядом, но я еще любил ездить к нему на дачу, а кроме того — телефон, по которому мы разговаривали буквально после каждого выпуска теленовостей, перемывая кости всем, кому только можно. Так, между прочим, рождались многие идеи, статьи, какие-то практические действия.

Одним словом, сыгранность была несомненная, и очень хотелось реализовать ее во что-нибудь практическое. Я также хотел «расшеве-

лечь» Лена после того, как он остался без ноги: вытаскивал его на какие-то мероприятия, встречи, заседания и, конечно, очень хотел, чтобы он что-нибудь писал. А кроме того, я просто очень его любил, и мне хотелось что-нибудь сделать вдвоем. Сначала — статью, затем — книгу.

Работать с Леном мне было очень непросто. И, наверное, не только мне. Его технология была для меня невыносимой: он сначала записывал себя на диктофон, затем машинистка эту запись воспроизводила на бумаге, после чего огромный текст дорабатывался и сокращался самим Леном, при этом из него выбрасывались целые страницы. Лен, отодвигая все прочие дела, орудовал клеем, ножницами и чем-то еще и был постоянно недоволен тем, что получалось в итоге. Он мог вновь и вновь изменять текст, менять местами абзацы, предложения, слова. Все это делалось вызывающе не спеша, невзирая на подгон редакции. В результате его тексты получались блестящими и безукоризненными. Он их лепил, как скульптор, из каких-то несклеивающихся кусочков и обрывков. И еще. Если текст редактор не печатал, а бывало и такое, то Лен всегда считал виноватым себя. Он говорил: «Ерунда. Текст-то действительно неважный. Напишем еще, подумаешь».

Я же работаю иначе. У меня не бывает черновиков. Почти готовый текст рождается в моей голове, после чего я лишь вношу его в компьютер и затем правлю его сто раз, пока не выведу на бумаге. Если мой текст не печатают — у меня всегда виноват редактор, который просто не понимает меня. Вероятно, это оттого, что я слишком избалован: много лет, перед тем как нести статью в редакцию, я носил свои тексты Михаилу Яковлевичу Гефтеру, Юрию Федоровичу Карякину, тому же Лену, и они их просматривали, редактировали, — как же после таких мэтров можно прикасаться к моим текстам? Михаил Яковлевич так и говорил: «Валерчик, чем позволять кому-то нас править — так лучше уж не печататься вовсе» — и тут же предлагал создать свою газету, редакцию, издательство...

Карпинский поступал совсем по-другому. Он был совершенно не ревнив к своим текстам и воспринимал спокойно (по крайней мере, внешне), печатают их или не печатают, купируют или нет. Он активно не отстаивал свое право быть услышанным. Весь его фантастический

заряд, редкий политический темперамент, неумная страсть были подчинены самим текстам, а не их продвижению в массовое сознание или даже в сознание близких ему людей. Скажу больше: Лен охотнее продвигал мысли других, чем агитировал за свои. Собственно, за свои он не агитировал вовсе. Карпинский был эталоном ненавязчивости.

А между тем было бы не вредно иные мысли Карпинского навязать, заставить слушать и понять. Посмотрите, кто еще так сегодня пишет? Кто так глубоко мыслит, смело и ясно излагает? Кто с такой точностью предсказывает и кто так безошибочно предупреждает?

В феврале 95-го мы с Леном Карпинским написали для «Московских новостей» статью в память о М.Я.Гефтере. Еще через месяц - статью, приуроченную к первой годовщине со дня смерти В.А.Тихонова. Я предлагал: «Может, напишем теперь о ком-нибудь живом?»

Карпинский, соглашаясь в принципе, отмахивался: «Еще успеем». А еще через три месяца, в июне, я писал о нем самом. Уже один... Эта статья была опубликована в «Московских новостях» от 18 июня, и я считаю уместным начать нашу совместную книжку именно этой статьей, сделав некоторые добавления.

* * *

С уходом Карпинского для меня заканчивается эпоха так называемых «шестидесятников». Может, для кого-то она закончилась раньше, для меня же, пока был жив Лен, «шестидесятники» продолжались, главным образом — в нем. Карпинский персонифицировал собою это поколение не только своим внешним видом усталого и даже измученного человека, но и внутренним миром, состоявшим из странных противоречий, несовместимых вопросов и поистине детских представлений об идеальном.

Главная тема, которая звучала в продолжение всех лет нашего с ним общения, это тема «гражданского сопротивления». Мне неизвестно, когда именно Лен Вячеславович открыл для себя неизменяющуюся сущность традиционного российского авторитарного государ-

ства и что явилось поводом для такого глубокого и последовательного неприятия им любых проявлений в пользу усиления этого государства. Еще в молодости он прекрасно усвоил букву, а особенно — дух молодого Маркса и антибюрократическую сущность его фантастически привлекательных для пытливого ума ранних работ. Он изучал Маркса не через посредников, превративших Марксову мысль во «всепобеждающее учение», и, не стесняясь своих привязанностей, как бы спрашивал: «Ну кто лучше Маркса показал нам сущность бюрократии?!»

Из всех, с кем мне приходилось близко общаться, никто в такой степени, как Карпинский, не чувствовал, не понимал и не разоблачал наше чудовище — Левиафана. За любым частным проявлением Лен улавливал глубинные тенденции и своими статьями, беседами, советами — упреждал об опасности. Он неустанно следил за действиями властей, не оставляя без внимания ни одно из них. Он всегда как бы говорил нашему чиновничеству: «Маска, мы тебя знаем!»

Карпинский с самого начала перестройки понимал, что основная борьба с тоталитарным государством проходит не на «палубе нашего государственного корабля, а в его машинном отделении», не на митингах и демонстрациях, необходимость которых он, впрочем, не оспаривал, но в кропотливой каждодневной работе по «перекачке» капитала из-под контроля государства — под общественный контроль. Отсюда его поддержка кооперативного движения, к которому он пытался привлечь многих, включая А.Д.Сахарова.

Лен провозглашал: «Надо переходить от демократии слов к демократии дела» — и, восхищаясь академиком В.А.Тихоновым, всегда ставил его в пример как действительного и самого почвенного демократа. Карпинский, быть может, первым обратил внимание на то, что августовский путч 91-го в действительности был своеобразным «перетеканием» союзной бюрократии в оформляющиеся «российские гостьёмкости». Лен внимательно следил за миграцией иерархий: из аппаратов КПСС в Советы, далее в исполкомы, затем в коммерческие структуры, потом опять во властные... Он безошибочно отслеживал потоки бюрократии и по ним определял действительную, а не мнимую политическую реальность.

Лен всегда говорил, что КПСС является лишь удобной ширмой, таким «красным одеялом», под которым благополучно пребывает настоящий монстр — российское тоталитарное государство. Он никогда не обманывался «антикоммунизмом» на государственном уровне и считал борьбу властей с «коммунизмом» лишь хитрой уловкой. «Чего нас страшат будущим Зюгановым, когда мы уже имеем Ельцина и Черномырдина?» — возражал Карпинский на статью одного нашего старого друга буквально за пару дней до своей смерти. Ельцин, по мнению Карпинского, «расправился» именно с дырявым красным одеялом — КПСС. Что же касается главного — старого государства и его институтов, то он в принципе оставил все как есть, став, по сути, не реформатором, а реаниматором обанкротившихся госструктур.

В создании предвыборного блока «Наш дом — Россия!» Карпинский видел не столько складывающуюся партию начальства, сколько воссоздание политической государственной корпорации, того самого «одеяла» (теперь уже, разумеется, другого цвета), которое поспешили выбросить на свалку некоторые самонадеянные политики.

Люди в нашей стране, считал Лен Вячеславович, в своем абсолютном большинстве делятся не по политическим признакам, они состоят не из «демократов» и «недемократов». Люди делятся так, как они традиционно делились здесь всегда: на начальство и нена начальство. Вот в чем дело.

Карпинский предвидел войну властей в октябре 1993 года, понимая, что «без дифференцированной экономики не может оформиться и дифференцированная власть», то есть представительная, исполнительная, судебная. При моноэкономике чиновничьи стороны, считал Карпинский, ведут борьбу не за разделение и сочетание ветвей власти, а за то, чтобы ухватить всю эту власть без остатка и безраздельно ею пользоваться. Лен ставил одним из основных упреков «демократическому» правительству то, что оно, игнорируя развитие негосударственного сектора экономики, так и не создало канализационные потоки для бюрократии, которая, стремясь к самоидентификации, всегда встраивается в существующую экономическую модель.

Карпинский все больше говорил о том, что избранная Горбачевым, а затем и Ельциным президентская исполнительная вертикаль — есть прямое повторение аппаратной структуры КПСС, и потому она так легко была принята и поддержана отечественным чиновничеством. В то же время, приходил к выводам Карпинский в свои самые последние дни, для России (а не ее начальства) самая необходимая модель государственного устройства — парламентская республика.

В стране с гипертрофированным восприятием центра и первого лица, в стране, где исторически утверждались и реализовывались лишь деспотические режимы, именно поэтому и не нужна более централизованная вертикаль с «держимордой» на самом верху. То есть необходима такая государственная модель, которая бы выражала интересы не чиновничества, а интересы общества, каждого человека и давала бы возможность обществу влиять на власть, держать ее под контролем и периодически менять.

Карпинский много и часто размышлял о Конституции. Он утверждал, что слепое следование статьям Конституции еще не есть утверждение конституционного строя. Более того, сама Конституция может быть антиконституционна, если не содержит в себе статей и положений, поддерживающих баланс между государством и гражданским обществом, не очерчивает круг полномочий государства и его ответственности перед обществом.

«Неправовое общество, — пишет Карпинский в блокноте буквально накануне своей смерти, — не то, где нет права... а там, где иерархия стоит над правом и где право вместе с государством — частная собственность бюрократии...»

Карпинский обращал внимание на опасность «утилитаризации и фетишизации права». Он страшно негодовал, когда услышал по ТВ председателя Конституционного суда, с апломбом объяснявшего нам, телезрителям, как сенаторы из Совета Федерации неправильно оформляют свои обращения в высокий Суд относительно «конституционности военных действий в Чечне» и, что его, председателя, секретарша будет «заворачивать» такие документы назад. А в это время федеральные войска «брали» Самашки...

Сущность тоталитарных режимов Карпинский знал едва ли не лучше всех. Задолго до начала военных действий в Чечне он отмечал, что естественной средой обитания и полем самореализации всех властных иерархий тоталитарного государства является «чрезвычайка». Воспроизводство чрезвычайных ситуаций для поддержания своей власти — едва ли не основная функция всех тоталитарных режимов. В этом смысле Афганистан и Чечня были предопределены, как были предопределены до того «московские процессы» и холодная война. Карпинский не считал войны и конфликты следствием распада СССР, как это пытаются механически представить нам иные госмыслители. Эти напасти были и остаются естественной потребностью тоталитарного государства. Из этого ряда — трагедия Буденновска, Кизляра, Первомайского, и сколько еще таких трагедий впереди!

Но если так, то вся проблема — в трансформации российского государства и его полномочных институтов. Вот вопрос, над которым размышлял Карпинский. Не могут старые и обанкротившиеся институты обслуживать новую жизнь, не могут не сопротивляться преобразованиям, не воспроизводить насилие и ложь. Старое, нереформированное государство тащит назад в прошлое страну и живущих в ней людей. «Кто способен заняться проблемой трансформации этого государства? Кому по плечу такая сверхзадача?» — такими вопросами задавался Лен Вячеславович.

Но и не только в государстве дело. Все больше и чаще Карпинский обращался к другому субъекту общественного бытия — российскому народу. Все больше задумывался над тем, что есть наш народ и почему он столь равнодушен к себе, к своему будущему. Почему не реагирует на вековые издевательства над собой, почему терпим к унижительному и беспросветному существованию, к невежеству, отчего не воспринимает кровавые уроки. Лен все чаще задумывался над этой глобальной проблемой, увязывая ее со всеми напастями в стране. Он понимал, что вместе с трансформацией государства необходимо и социальное реформаторство и что без разрешения этой грандиозной, расчитанной на десятилетия задачи ничто не сдвинется с места.

Лен — и, может, это будет для кого-то откровением — был глубоко религиозным человеком. В последнее время он много думал о Христе, обзавелся литературой и был на пороге новых для себя открытий. Разумеется, он был далек от всего того напыщенного и фетишизированного комплекса, который сопровождает нынче само понятие о религии. Он тихо и незаметно носил свою веру в сердце и очень редко высказывался на эту тему.

Все последние месяцы Лен Вячеславович жил под постоянным психологическим прессом войны в Чечне. Он страдал не на шутку. Война не была для него телесериалом. После каждого выпуска новостей он звонил, высказываясь стройными и четкими фразами, как будто выступал перед аудиторией. В то же время он не мог писать. Его разум был не способен воспроизвести печатно то негодование, которое охватывало его всякий раз, когда разговор заходил об очередном «бомбометании» или захвате населенного пункта.

Как-то на заседании ассоциации «Общество и политика» после очередной дискуссии слово предоставили Карпинскому. Но он лишь сказал: «Я не знаю, о чем говорить. Я не могу мыслить, мои мозги парализованы тем, что я вижу и слышу. Это делает меня бессильным и у меня опускаются руки».

Перечитывая его последние статьи, и особенно те абзацы, которые были вычеркнуты, вырезаны, выброшены и которых никто, кроме редактора, не прочел, я думаю сейчас о том, правильно ли поступал Лен, что не боролся за то, чтобы быть напечатанным.

Может быть, прочитав эти вычеркнутые строки, многие сейчас по-другому относились бы к войне в Чечне, к власти вообще и к президенту в частности — и не было бы таких трагедий?

Да нет же. Все бы осталось по-прежнему. Люди как жили, так и живут своими заботами, до остального же им дела нет. И вот здесь кроется разгадка внешней меланхолии Карпинского. Он понимал, что услышанным быть не может, поскольку слушателей — нет! Карпинского, как и Гефтера, окончательно поразила и подкосила не столько сама война в Чечне, сколько беспомощность и рабское молчание народа, особенно тех его представителей, которые именуют себя «интеллек-

цией». Через ельцинские бомбометания по городам, через кровь детей и стариков внутри Карпинского произошло крушение не просто надежд на демократическое устройство в его родной стране, произошло в какой-то степени крушение всего человечества как разумной и гуманной инстанции. Лен говорил часто, что человек все еще дикий, что он, в общем-то, еще зверь, причем худший, и ему стыдно оттого, что и сам он принадлежит к этому виду.

Он часто спрашивал, восклицая: «Ну, где все эти наши оракулы перестройки? Где Церковь? Почему молчит Солженицын? Где наша демократическая общественность?»

Представляю, как воспринял бы Карпинский поистине комсомольский почин по сбору подписей против войны в Чечне с последующим массовым челобитьем Ельцину. Для Лена Вячеславовича вопрос о войне в Чечне был решенным, и приговор властям он вынес еще в самом начале этой войны. Также как ясно угадывал истинные мотивы чеченской бойни:

«В чеченской акции Москвы можно предположить некую сверхзадачу. Незавершенный ("бархатный") авторитаризм из Москвы вывозится в Чечню, доводится здесь до нужной кондиции, превращаясь в настоящую диктатуру на почве оккупационного режима, и затем ввозится обратно в Россию, обеспечивая таким образом "целостность" ее репрессивной политической машины. Не исключено, что эта экспортно-импортная операция и являлась главным мотивом чеченской войны».

Карпинский бы задал сейчас вопрос подсуетившимся комсомольцам: «Постойте! А как же быть с убитыми, покалеченными, изуродованными? Как быть с разрушенными городами, поселками, селами? Кто ответит матерям за гибель сыновей: русских, чеченских, теперь уже дагестанских? Кто ответит за разрушение и унижение армии?»

Мы же сейчас видим, как предприимчивые политические дельцы ставят в зависимость от решения Ельцина его дальнейшую политическую карьеру: мол, уберешь войска — будем тебя поддерживать на президентских выборах, не уберешь — еще посмотрим. Здесь же на подхвате и бесчисленные кремлевские аналитики и политологи, те, кого Карпинский называл «интеллектуальными соколами» Ельцина, и пеку-

щаяся о собственной стабильности мосинтеллигенция, и мастера пера, к ним подтягиваются и совсем молодые... И все хотят «оставить все как есть» с непременным условием: «Только Ельцин. Альтернатив – нет». Лен Вячеславович считал позорными и нелепыми ссылки на отсутствие альтернатив нынешнему президенту.

«Конечно, Ельцин вошел в историю. Вопрос в другом: что нужно сделать, чтобы он поскорее из нее вышел и, таким образом, опять бы появились шансы на демократическую Россию? Кто придет на смену Ельцину — решат избиратели. И это решение относится к будущему. К настоящему же относится нечто иное: то, что Ельцину категорически больше не место в президентах».

Карпинский не мог вступать в какие-либо дискуссии по поводу действий властей, потому что считал эти действия не дискуссионными вообще. Он не мог сохранять спокойствие и благочинность, свойственную людям, «все понимающим». Война в Чечне разъедала его организм, разрывала сердце и в конце концов убила его, как за три месяца до того убила М. Я. Гефтера.

Его последние дни были насыщены планами, и не только публицистическими. Он намеревался активно участвовать в политике и все последнее время размышлял о том, каким образом быть в ней полезным. Когда началась война в Чечне, мы с ним попытались создать некий клуб, ядро которого составили бы те представители интеллигенции, которые собственно и привели Ельцина к президентству и в разной степени участвовали в структурах власти. Среди тех, кого удалось собрать, были Николай Шмелев, Егор Яковлев, Гавриил Попов, Отто Лацис, Святослав Федоров, Олег Богомолов, Татьяна Заславская, Юрий Карякин... Карпинскому было трудно передвигаться даже по квартире. Тем не менее он приходил на эти встречи. Была еще одна наивная надежда, что создастся некий авторитетный костяк, вокруг которого вырастет движение. Увы, политического запала, вызванного шоком от начала военных действий, хватило ровно на три заседания. После чего все разошлись по своим углам. На этом «шестидесятники» для меня закончились. Оставался лишь один Лен. Увы, ненадолго...

При жизни Лена Вячеславовича не вышла ни одна из его книг. Но они у него были в его планах и представлениях, они заполняли его голову, сердце, душу, и к одной из них он даже придумал название: «Заповедник для динозавров».

«Заповедник» — это наша измученная, усталая страна, не только города и веси, но сами люди, живущие в ней.

«Динозавры» — российское государство, с его обветшалыми властными институтами, с мириадами чиновников-паразитов в них и с жестокими нравами мезозоя.

Перечитывая тексты Карпинского, восхищаясь его мастерством публициста и философа, можно представить, какая это была бы книга!

Так вот, когда в свою последнюю встречу мы обсуждали с Леном Вячеславовичем планы на ближайшее будущее, мы, кроме прочего, обсудили и тематику будущей совместной книги. Внезапная его смерть остановила эту затею...

Спустя полгода я решил еще раз прочесть последние работы Лена и убедился, что они продолжают жить, да еще как! После этого, и с разрешения жены Лена Вячеславовича — Людмилы Федоровны, я решился на подобный шаг, будучи абсолютно убежден, что сам Лен Вячеславович сказал бы: «Давай, валяй. Был бы прок».

* * *

Моя дружба с Леном Вячеславовичем продолжалась неполных семь лет: с того момента, когда я впервые познакомился с ним в доме у итальянского журналиста Джульетто Къезы, и до той минуты, когда на Троекуровском кладбище я накрыл его лицо покрывалом. И я счастлив, что судьба подарила мне возможность быть рядом с Леном Карпинским. Он перешел для меня в высший ранг, который определил однажды Гефтер — «живые мертвые», став частью моей биографии, частью жизни, и я буду всегда обязан ему.

Февраль, 1996 г.

Лен Карпинский

Как защитить демократию от демократов

Не дай нам Бог впасть в удобную одностороннюю схему, удовлетвориться тем, что черное не может быть белым, а белое — черным, искать один ответ на множество разных вопросов. Да, в рядах погромщиков торчали красные флаги. Это не случайное соседство, а глубокое взаимопроникновение коммунистической утопии и насилия, социальной демагогии и мародерства.

Однако остается множество вопросов типа: «Кто виноват?» Коммунистическая идеология причастна, но в гораздо большей степени мы наблюдали концентрированный выброс продуктов разложения общества после августа 1991 года. Разложения, отлитого в пули и построенного в шеренги озверевших боевиков. Разложения в сфере власти, превратившего политику в инструмент издевательства человека над человеком и грабежа государственного имущества.

Москва запомнила этих профессионалов-налетчиков, запомнила и своих подростков, которым взбренило сыграть в «настоящую войну». И огромную толпу празднующих у Белого дома, что явились любопытствовать, как их сограждане сосредоточенно убивают друг друга.

Множество людей оказалось заложниками этих кровавых эпизодов. Боюсь, по этому случаю объявится туча любителей уличить ближнего в пособничестве мятежникам. Любителей выявить и заклеить. Иными словами - измазать самостоятельно мыслящую часть общества пролитой погромщиками кровью.

«Раздавить гадину»? Хорошо, согласен, но необходимы точные объемы и совершенно конкретные адреса этого загадочного существа. Кто, где, как и когда? Нет, например, никаких оснований считать тысячи членов Больших и Малых Советов в регионах, где не согласились с

указом президента, участниками кровавой авантюры вождей Белого дома.

Роспуск или бойкотирование Советов как политический прием изобрели те же большевики. В июле 1917 года, когда им не понравился партийный состав и политика Советов; в 1918 году, когда Советы были заменены комбедами, потому, что начали было отстаивать действительные интересы крестьян. Так что дело не в том, чтобы распустить данные Советы, и не только в том, чтобы порушить советскую структуру вообще. Речь идет об искоренении монопольной власти, которая, действуя помимо закона, маскируется под закон.

Но для того чтобы новый парламент не унаследовал советского всевластия, необходима свободная атмосфера, при которой происходят выборы. Не совсем ясно, как в ситуации запрета широкого спектра левых политических партий и движений, вместе с их печатными органами, возможен политический плюрализм в качестве органического звена демократии?

После 21 сентября мы уже были свидетелями информационного произвола на всех каналах ТВ. Введение цензуры хотя и формально было законным, но необходимости в нем не было. Подстрекательские издания уже приказали долго жить, значит, удар направлялся по независимым, демократическим газетам. Похоже, побеждающая государственно-бюрократическая структура - а именно таковой являются аппараты президента и правительства - немедленно устремляется на охоту за властью, стараясь извлечь из чрезвычайного положения максимум чрезвычайных полномочий. Победа демократов из лагеря президента, судя по всему, выдвигает проблему защиты демократии от самих победителей.

С самого начала президентский указ от 21 сентября втащил Россию в слишком знакомую ситуацию двойного права. Права, которое «нам нужно», и права, которое «нам не нужно». Была нарушена даже конституция, нанесен ущерб такому коренному институту демократической цивилизации, как выборное лицо и выборный орган. Народных депутатов отправили не просто в отставку, а буквально в небытие. Лишив социальных функций, объявили как бы несуществующими физи-

чески. Можно сколько угодно - и убедительно - говорить о необходимости (вынужденности) роспуска Верховного Совета и съезда, но заноза антиправового действия глубоко засела в теле молодой, неуверенной в себе демократии. И нарывать начала не когда-нибудь потом, а сразу. Искушение к произволу было посеяно. Какими будут всходы?

Правительство получило уникальные возможности дать жить всем, кто хочет и умеет жить, и дать тихо умереть тем, кто жить не хочет и не умеет. Понятна радость правительства, над которым перестал висеть этот съезд и этот псевдопарламент. Но не живет ли среди чиновников и другая радость — радость свободы от всякого контроля со стороны любых представительных органов власти? Теперь цена резолюции столоначальника становится абсолютной величиной. Укоренилось — «победителей не судят». Сегодня было бы крайне опасным следовать этой поговорке. Момент произвола, заложенный изначально, может вырасти на дрожжах самодовольства победителей в законченное политическое самодурство.

Вообще говоря, можно и не стараться оберегать демократию от административной атаки победителей. В конце концов, экономическая реформа, от которой мы в первую очередь ждем лучшей жизни, не обязательно напрямую связана с политической демократией. Перебьемся. Но хорошо бы помнить, что президентство в нашей стране и сам Борис Ельцин возникли на почве мощного демократического подъема. Также известно, что поддержка действий Ельцина главами ведущих держав мира обусловлена расчетом на демократическое развитие России. Уже не говорю об условиях поддержки своего президента думающими соотечественниками.

*«Московские новости»
N 42, 17 октября 1993 г.*

Лен Карпинский

Возбуждение унтерпришибеевских начал

Участники предвыборного забега с почти спринтерской скоростью достигли заключительного этапа. Теперь претендентам на парламентские кресла предстоит себя показать и чистосердечно перед всеми признаться: зачем им, собственно, так понадобилось попасть в Государственную Думу?

Не за тем, надо полагать, чтобы перенести в новый парламент конфронтационный опыт прежнего Верховного Совета. Исчерпывающим образом доказана связь между разновидностями гражданского противостояния: ожесточенными перебранками в залах и ожесточенными перестрелками на улицах. Но и не для того, хочется надеяться, чтобы страна заимела в лице парламента очередного аппаратного прихвостня, избавляющего президента и правительство от всякого догляда. Ни к чему тогда было весь демократический огород городить. Словом, перед рассуждениями о том, как обустроить Россию, уместно помыслить о том, как «обустроить» сам парламент.

Или опять двинемся спасать страну, не протерев окна в собственном доме? Возможно, высокое призвание предстоящего парламента - создать, а также «встроить» в обиход власти и политическую структуру России - цивилизованную демократическую оппозицию. Ее общие контуры полезно наметить еще до выборов.

Сегодня есть ряд сильнодействующих обстоятельств, придающих установке на оппозиционность незаурядное значение. Преобладание критического отношения к власти оправдано, когда явно ощущается перевес бюрократических интересов этой власти над интересами общества. К числу упомянутых обстоятельств прежде всего относится внутренняя противоречивость проекта Конституции. Так, стоя на позициях коренного раздела: «О правах и свободах гражданина», нельзя не

усомниться в доброкачественности некоторых других разделов, посвященных государственному устройству. В отличие от президента, считающего соотношение властей в будущей Конституции хорошо сбалансированным, большинство аналитиков утверждает обратное.

Парламент не наделен правом контролировать бюджетный процесс: займы, кредиты, валютные запасы и их расходование — все это останется для депутатов за семью печатями в бесконтрольном распоряжении исполнительной власти.

Существует перечень законов, которые могут рассматриваться парламентом только с разрешения исполнительной власти. В проекте не определены функции контроля за деятельностью исполнительной власти, то есть нет главного, ради чего, собственно, и существует представительная власть. Проект не предусматривает парламентских расследований и обращений с запросами к правительству.

Перекося власти в президентскую сторону, отмечаемый специалистами, оценивается ими по-разному. Одним это очень не нравится, другие все же считают, что в наших условиях парламентская республика — излишняя и опасная роскошь. Так, небывалый размер президентских полномочий сам Борис Ельцин растолковывает следующим образом: «А как бы вы хотели? В стране, привыкшей к царям и вождям, в стране, где не сложились четкие группы интересов, не определены их носители, в стране, где чрезвычайно слаба исполнительская дисциплина и гуляет правовой нигилизм, и в такой стране делать ставку на парламент? Никак нельзя!»

Выходит, привыкли сидеть под вождями и начальниками — и отвыкать нечего.

Теперь важное: внутренние противоречия Конституции не случайны. Смею думать, они воспроизводят характерный раздел в умах и сердцах создателей проекта, некий реальный изгиб в их политической судьбе. Проект создавался учеными чиновниками из демократов, но прямо-таки физически чувствуется, как демократическое происхождение авторов на каждом шагу подавлялось и деформировалось их нынешним бюрократическим положением.

Демократическая оппозиция к демократической власти (или власти, которая без устали, как заведенная, подчеркивает свою демократичность) — не абсурдно ли? Но не первый день заявляют о себе многообразные тупики демократического процесса в стране. Того и гляди корабль российской демократии, едва начав плавание, окажется на приколе в какой-нибудь ближайшей заводи. На то есть свои причины. Разве еще не изведена проблема невольных оборотней в политике: одно дело, когда «один раз взыскуем», а другое — когда «один раз взят»?

Эльдар Рязанов в телевизионной беседе с Президентом все побуждал его к воспоминаниям о друзьях-товарищах по демократическому делу. Но превращения личности в случае изменившейся роли столь же естественны, как и преломление светового луча при переходе из одной среды в другую. Войдя во власть и глубоко увязнув в ее хитросплетениях, человек становится, что называется, сам не свой. Тот же Эльдар Рязанов принялся было выговаривать Борису Ельцину за то, что демократы засели в тех же кабинетах, поселились в тех же дачах, куда катаются на тех же машинах, что и старая номенклатура. В ответ, конечно, сумрачное молчание Президента. И, как это всегда бывает, «А Васька слушает, да ест». И правильно, между прочим, делает.

Мы живем под началом победившей бюрократии с интересами в настоящем, демократическими воспоминаниями о прошлом и демократическими обещаниями на будущее. (Существуют четкие цифровые показатели: разбухание российского бюрократического аппарата с 8 до 20 миллионов чиновников. На содержание этой канцелярии уходит около 30 триллионов рублей в год, или 63% всего государственного бюджета.)

В эти дни часто сетуют на дробление демократических сил, их развод по разного рода блокам и движениям. Действительно, общее поражение демократических сил на выборах вполне возможно. Но в чем причина этого феномена — в отличие от былой сплоченности демократов? А дело простое. Сегодня демократы собрались не в поход за демократией с ее общими объединяющими ценностями, а — за властью, которая разделяет (властью делиться даже среди демократов не принято.) И усиление единоличной власти президента не является, вопреки види-

мости, снижением коллективной власти бюрократии. Наоборот, этот сдвиг служит первейшим признаком свершившейся в России бюрократической — по своим объективным результатам — революции. Возможно, как джентльмен политической удачи, Борис Ельцин требует не просто согласия со своими решениями, но и ждет от подчиненных верноподданнических изъявлений. То, что называется «президентским окружением», — это своего рода кооператив по изготовлению власти, организованной по законам иерархии вокруг «первого». Здесь основную роль играют даже не материально-бытовые привилегии (иногда можно летать обычным рейсовым самолетом). Сама власть тут является основной потребительской ценностью, и процесс ее ассимиляции становится ведущим мотивом в жизни чиновника. Жизнь обуславливается предписанием места в иерархии, где приходится исполнять роль вопреки запросам действительности и собственным желаниям. Корпоративная подневольность вице-премьеров и министров — то, что может сыграть с парламентом, переполненным правительственными чиновниками, злую шутку.

Классический (и одновременно прискорбный) пример такого беспощадного угнетения личности человека его же должностной ролью преподнес Сергей Шахрай: «Я указ Президента 1400 не визировал, потому что считал: есть другие пути решения проблемы». Ах, как нужны, как жизненно важны были для действительно верного выбора России эти «другие пути»! Но нет: оставшись в правительстве, не подав в отставку, вице-премьер не имел и не имеет права критиковать этот указ. В итоге формой решения проблемы взаимоотношения властей стал «указ на поражение» одной из них. Российскому парламентаризму нанесен буквально физический удар, но, как всегда, «вначале было слово». Показав «кузькину мать» законодательной структуре, исполнительная власть, казалось бы, только избавила общество от реакционного суррогата парламентаризма. На самом деле удар коснулся его коренных принципов.

Пресса обсуждала проблему законности (или незаконности), целесообразности (или нецелесообразности) разгона федерального парламента. Но сравнительно мало внимания обращала на такие правовые

проступки исполнительной власти, как запрет избрания населением глав местной администрации, роспуск местных Советов и другие действия, которые открыто нарушали Федеративный договор и конституционные права субъектов федерации. Триумфальное шествие антисоветской власти по стране означает, что Советы заменяются не другими органами представительной власти непосредственно, а неким административным аппаратом, который на время будет выполнять роль всеобщего старосты. Но очевидно, что действовать в этой роли он сможет лишь на своем языке, в своей принудительно-приказной системе координат. Новая представительная власть, не получив возможностей эволюции — как на федеральном, так и на местном уровнях, — возьмет трудный старт с разрушения и дискредитации представительной власти в образе Советов.

В другом образе ее просто не существовало.

Трагедия такого «скачка» в том, что образуется опасный провал в государственной структуре, способный стать западней для демократии: угроза двоевластия тут же сменилась угрозой моновластия. И теперь очень трудно оспаривать тех, кто утверждает, что Верховный Совет и съезд были распущены президентом не столько потому, что мешали реформам, сколько потому, что, являясь все-таки представительной властью, мешали растущей бюрократии бесконтрольно утолять карьерно-приватизационные аппетиты. Учитываем ли мы массовый психологический резонанс событий 21 сентября — 4 октября?

«От Москвы до самых до окраин» проскочила искра соизволения помыкать неприкосновенностью граждан, которых и за граждан-то, оказывается, не обязательно принимать. Сработал закон социального усиления первичного импульса. Поданный сигнал к произволу подхватывается огромной массой людей из аппарата принуждения. Насилие катится снежным комом, разрастаясь за счет включения властолюбивых стремлений миллионов рядовых, прапорщиков и тому подобной чиновной армии. Совершается нечто вроде кооперативной карьеры бюрократии с увеличением «валового дохода» ее власти, распределяемой по месту в иерархии.

Казалось бы, разрозненные эпизоды свидетельствуют о дружном оживлении унтерпришибеевских начал. Существует вполне определенная и опасная связь между зуботычинами как излюбленным языком общения (формой объяснения) миллионеров с гражданами и, допустим, снятием губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя с должности без всякого предупреждения, путем уведомления по факсу да еще с предварительным отключением телефонов на работе и дома. Если подумать, то устранение от эфира президента телевизионной компании «ВИД» Александра Любимова и ведущего телепередачи «Политбюро» Александра Политковского также ложится в этот ряд.

Нынешний взлет «административности» падает на хорошо подготовленную почву. По аналогии с известной формулой, можно сказать, что в сегодняшней атмосфере силовой аппарат порождает произвол ежеминутно, повсюду и в массовом масштабе. Генератором усилия сознательного противостояния стихийному скатыванию страны к полицейскому режиму, борьбы против властей, правового нигилизма может стать именно парламент. Ибо что же такое права человека, если не реальная возможность защищаться от произвола со стороны чиновников — больших и малых? И как себе представить систему такой защиты отдельного человека от действий государственной машины без сильного парламента как особого законотворческого звена государства?

Одновременно явно вырисовывается невеселая сплошная перспектива бюрократизации представительной власти, когда парламент и правительство, законотворческая и исполнительная власти рекрутируются из одного и того же круга лиц, в числе которых министры и вице-премьеры. Тем самым мы воспроизводим именно советский тип власти, о «бесславном конце» которой только что громогласно объявлено. Или мы смирились (вопреки протесту президента) с повторным умерщвлением одного из основных принципов демократии — разделения властей?

Глава администрации президента Сергей Филатов пытается внушить публике мысль о возможности разделения функций при совмещении ролей и постов, что выглядит просто смехотворно. Вспомним курьезный эпизод с поездкой Егора Гайдара (в сопровождении двух других

представителей блока «Выбор России») в Красноярск. Вылетел из Москвы он как частное лицо, вернее — лишь в качестве агитатора за блок, а приземлиться в Красноярске пришлось все-таки в роли вице-преьера — местная элита так и встретила. И почести, и услуги, и разговоры состоялись уже как правительственные. Не многим от этого отличался и «партийный» визит Сергея Шахрая в Новгород, хотя приехал он туда в вагоне обычного поезда.

Сергей Шахрай не напрасно отказался признать свою партию в оппозиции к «Выбору России», то есть к Гайдару. Даже если очень придирааться, то серьезных разногласий между этими правительственными отроутками не просматривается. Обе эти группировки представляют высокопоставленных чиновников — московского или регионального разлива, — для которых святым местом является их должностное кресло. Если прогноз о засилье администраторов разного рода в составе депутатов парламента оправдается, то о самом парламенте можно будет говорить лишь условно. Это будет, так сказать, антипарламентский парламент. Правительственная оппозиция представительной власти, заседающая в ее недрах, очевидно, будет работать так, чтобы эта власть влачила декоративное существование и постоянно дышала на ладан. В самом деле, чем еще заняться в парламенте правительственной компании?

Возможно, чтобы поддерживать впечатление о наличии законодательной власти в стране. Но более всего — чтобы употребить представительную власть для своего собственного продвижения в структурах исполнительной власти. Есть основания предполагать, что проправительственная группировка в Государственной Думе (и Совете Федерации) явится структурой-паразитом в отношении представительной власти, некой «пятой колонной» в парламенте, ориентированной на самообслуживание бюрократии. В ином случае лица, действующие сразу в двух альтернативных ролях, вынуждены будут постоянно изобличать и одновременно оправдывать себя. Пусть кто-нибудь из будущих министров-депутатов объяснит, как это будет выглядеть.

Егору Гайдару придется горячими аплодисментами поддерживать министра социальной защиты Элли Памфилову, когда она с трибуны

парламента непременно скажет то, что говорит всегда: «Все социальные проблемы воспринимаются правительством как второстепенные. Все, что касается социальной сферы, всяких выплат пособий, воспринимается как тормоз экономических реформ». Придется, придется кивать головой: ведь отныне мы любим реформу за ее социальную направленность! А что, представим себе, вице-премьер и министр экономики будет делать, вернувшись из парламента в свой правительственный кабинет?

Пригласит сюда обозревателя «Известий» Отто Лациса и по старой дружбе откровенно порадуется предстоящему повышению квартплаты? С точки зрения первого вице-преьера, это поможет «снять бремя с государственного бюджета и сдержать инфляцию». Очень это и либерально, и социально — снимать бремя с государства за счет перекалывания его на население!

Вообще, «либерализм» Гайдара — особая тема из области современной мифологии. (Сам Гайдар, между прочим, сомневается в возможности своего сидения на двух стульях, заявляя, что либо останется в правительстве, либо найдет себя в парламенте.)

Имидж реформатора не является абсолютным аттестатом демократического политика. Вполне реально встретить в коридорах власти радетелей за антитоталитарные, но не демократические, а бюрократические реформы. Не первый день общество задается вопросами: реформы, но какие? Припадающая на одну ногу государственная структура, уверен, не может предотвратить развития авторитарной тенденции. Новая демократическая оппозиция должна блокировать эту тенденцию, сохранить демократическую перспективу, укрепляя и раздвигая демократические заделы.

Кому-то было и остается выгодным считать, что всякая оппозиция является «непримиримой», а значит, реакционной. В течение 1992-1993 гг. политические полюса были искусственно разведены под личное противостояние политических фигур. Вышло, что и сама представительная власть — это реакция, хотя синонимы исполнительной власти — реформа и демократия. Отсюда вытекает, что любая оппозиция

по определению опасна и подлежит запрету. Таким путем перечеркивается сам принцип оппозиционности как важнейшая правовая категория.

Весьма выгодно, например, считать основным оппонентом правительства в парламенте так называемый аграрно-коммунистический блок. Этим как бы заведомо отрицается возможность демократической оппозиции правительству, так как, дескать, именно правительство вообрало в себя все варианты демократизма. Однако нынешнему курсу правящих демократов существует альтернатива, и тоже демократическая.

Новая демократическая оппозиция работает не для завоевания своей доли власти, а за общее выживание демократии в стране. Оппозиция необходима хотя бы для того, чтобы кто-то в организованной и легализованной форме мог бороться за выживание парламентаризма, судьба которого оказалась сегодня под вопросом. Вряд ли за создание новой демократической оппозиции с ядром в парламенте может взяться какая-нибудь одна партия или отдельное движение. Нет, это должно быть межрегиональное и межпартийное формирование.

И тут, пусть кому-либо это и покажется странным, я с надеждой смотрю на президента. Будучи главой государства, а не только исполнительной власти, именно президент может поддержать весь спектр демократических движений. Из всего, что сказано Борисом Ельциным в последнее время, наиболее ценной для меня была речь, произнесенная президентом 2 ноября в Кремле при открытии заседания правительства. Мне показалось это выступлением о восстановлении всех конституционных демократических норм и институтов в стране, своего рода покаянием после танковой атаки на парламент и стремлением к искуплению.

Существует, правда, одна неувязка с представлением о демократии. В ответах на вопросы газеты «Известия» от 16 ноября президент говорил: «Наличие представительного органа власти вовсе не обязательно означает демократию. Демократия — это власть народа над всеми государственными институтами».

Здесь — ошибка: не «над», а в них самих.

Власть народа без «упаковки» в государственно-правовые институты не является демократией. Демократия — это воля народа, прелом-

ленная и оцивилизованная в законах, обработанная правовыми отношениями. Как скульптура возникает из каменной глыбы только в результате прикосновения резца мастера. Иначе — не демократия, а некий первобытно-коммунистический самосуд, произвол толпы. Заявление президента о собственной совести как регуляторе и движущей силе российского возрождения, конечно, не может не тронуть сердца соотечественников. Однако не хотелось бы опять оказаться в плену средневековых порядков.

В этом смысле новая демократическая оппозиция должна быть формально-демократической. Неструктурированная демократия, демократия без государственно-правовой «кожи» — ничто. Форма и есть внутреннее содержание демократии.

Декабрь 1993 г.

Лен Карпинский
Валерий Писигин

Мавроди — сводный брат Гайдара?

Конфликт АО «МММ» с правительством, притихший только внешне, многие комментаторы не без умысла именуют «скандалом» и сводят к столкновению всего лишь «одной частной компании» с государственной налоговой службой. Между тем в виде этой частности мы имеем дело с противоречием предельно общим: между раздосадованным своей участью народом и самонадеянной властью.

* * *

Как говорится, нет худа без добра: конфликт АО «МММ» и подобных ему компаний с государственными службами проливает дополнительный свет на состояние демократических реформ и физиономию самой российской власти.

Во время одного из митингов по случаю трехлетия провала ГКЧП, где участвовали также и акционеры «МММ», самый пламенный «большевик» нашего уезда — Виктор Анпилов, решив, видимо, пригвоздить акционеров к позорному столбу, назвал президента АО «МММ» г-на Мавроди «дитем реформ Гайдара». Однако оскорбления не получилось, получилась чистая правда. АО «МММ» и подобные фирмы действительно плоть от плоти правительственного реформаторства: вытекают из него, но его же и оспаривают. Продолжая и дополняя реформу, они если не противостоят ее официальному варианту, то по крайней мере резко корректируют его. АО «МММ» — естественная составляющая гайдаровской реформы, запущенной сверху государством, и одновременно - нечто вроде контрреформы, вырастающей снизу от общества. Непосредственно разногласия относятся к опрометчиво на-

значенной властями доле граждан в стоимости государственного имущества (цена ваучера), а также к темпам и уровню индексации доходов населения. В сущности, население в явочном порядке нашло свою систему нейтрализации (или по крайней мере ослабления) издержек казенного, негуманного реформаторства. Что-то похожее на обращение к народной медицине, где удачливый «знахарь» Мавроди применил свою кустарную терапию по случаю устроенного властями высоконаучного шока. Родилась стихийная форма компенсации (в каком-то смысле и индексации) безостановочно съедаемых доходов в обстановке инфляционной холеры и анемичности защитных сил государства. Что же до произвола в котировке акций АО «МММ», то он в точности отражает общий ценовой произвол (или даже беспредел) на торговых прилавках, а захватывающие воображение денежные приобретения с помощью купли-продажи акций разных АО представляются бледным отражением сумасшедших сумм, получаемых при мафиозном расхватывании настоящих государственных богатств на уровне властей.

Даже самые вдумчивые, объективные аналитики не избежали искушения выдать шлепок своим нерадивым соотечественникам: приохотились, дескать, вылавливать без труда рыбку из пруда. По мнению Дмитрия Быкова («Общая газета»), АО «МММ» символизирует очередную всенародную утопию, охватившую страну в виде «беспрецедентной сверхъестественной халявы». Есть, мол, такая особенная привычка в народе: до седьмого пота валять дурака, лишь бы не работать. Отчетливее других клеймо «халявщиков» поставил Михаил Поздняев (журнал «Столица», N 33): «Работать — тяжело, делать бизнес — мозгов и нахрапу маловато, пойти во власть — связи не те». Образно, высокохудожественно... но, увы, неверно. Кажется, еще чуть-чуть — и услышим родное: «Труд есть дело чести, доблести и геройства! За работу, товарищи!» Но работа сегодня не тем плоха, что тяжела, а прежде всего тем, что безденежна. Жить не позволяет. Вот и все! Остальное уже потом. Статистика показывает, что абсолютное большинство акционеров «МММ» работают или уже свое отработали. А что делать профессорам и студентам, учителям, инженерам и врачам, рабочим и крестьянам, пенсионерам и (особенно) госслужащим, если немалая их часть получа-

ет на «основной» работе 35—50 тысяч рублей? Если доходы россиян вообще издевательски малы по сравнению с доходами в развитых странах, а цены уже мировые и даже выше мировых? С чего бы Лене Голубкову с братом смиренно горбиться на государство, отбывая свои года в зоне полунищеты?

Советское паразитарное государство — самый выдающийся пример «халявы» в мировой истории. Дело не только в том, что это государство безбожно обирало своих работников, но и в том, что превращало сам труд, безразличный к ценности произведенного продукта, в «трудовую халяву». Стоять у станка или в очереди у обменного пункта «МММ» принципиально одно и то же: создавай какой-нибудь процесс и получай за процесс. Современное российское государство никак не может (или не желает) отказаться от этого липкого развращающего наследия.

* * *

Пока идут отвлеченные словесные изыскания модели социального государства, в жизни предлагаются его реальные наброски, выстраивается альтернативный механизм социального обеспечения. Сергею Мавроди и другим удалось начать нечто такое, что не получилось, несмотря на искренние старания, у бывшего министра социального обеспечения Эллы Памфиловой.

Только один пример. В АО «МММ» пишет мать-одиночка, воспитывающая двоих детей. Тянула лямку сразу на трех работах, но все равно бедствовала. «Еле-еле хватало на самое простое пропитание, из одежды не могла купить даже носки. Вы спрашиваете, что принесли в нашу жизнь акции АО "МММ"? Да вы Генке джинсы подарили. Дочери моей — кожаную куртку. Теперь мы каждый день едим творог, молоко, суп на мясном бульоне, а на бананы не только смотрим, но иногда и покупаем...» Подобных фактов — великое множество.

На той же полосе «Общей газеты», где Дмитрий Быков высказывается насчет великой «халявской» утопии, приводятся данные, согласно которым более 40 процентов всех покупателей акций АО «МММ»

поддались не рекламе, а советам родственников и знакомых. Вряд ли эти советы опирались на общие предложения. Пока пропаганда твердит о «надувательстве простодушных», сами «простодушные» дружно утверждают: «Мавроди нас еще ни разу не обманывал!»

«Не обманывал — так обманет, — не сдаются критики. — Откуда у него деньги, если он в производство ничего не вкладывает? Вот если бы г-н Мавроди, к примеру, соорудил прокатный стан длиной с Невский проспект!.. » Отсутствие у АО «солидных инвестиционных проектов» — претензия серьезная, но не смертельная. Под определенным углом зрения она может быть оспорена.

Главные инвестиции здесь осуществляются в человека, живого индивида, реализующего свой потенциал благодаря участию в игре. Как и положено бюрократическому мышлению, критики оперируют канцелярскими чучелами реальности, усматривая в движении акционерного капитала исключительно бумажную круговерть: «деньги - акции - деньги». Упускается основное звено этой циркуляции: вся обменная динамика проходит через человека, поддерживая, а то и повышая его трудоспособность. Вот где источник участия акционерного капитала АО «МММ» в создании товарных стоимостей. Как-то неловко напоминать, что еще в классической политэкономии XVIII — XIX вв. вложения в человека назывались потребительным производством (в отличие от производственного потребления).

То и дело страшат публику финансовыми пределами деятельности АО «МММ». Но кто может указать эти пределы? Даже сообразительный дошкольник спросит: а почему бы «пирамиду» не перевернуть — последним не поживиться за счет первых, повторно вступивших в игру с более крупными деньгами? Скатерть-самобранка, конечно, из области сказок. Но универсальный мир реального в определенном смысле тоже соткан из чудес. Шар, скатившийся с некой высоты, с разгона закатывается точно на такую же высоту — это исключено только в ньютоновской механике, но вполне возможно в механике квантовой. То, что недопустимо с позиции кондовой советской бухгалтерии, может найти место в более высокой методологии экономического расчета. По данным АО «МММ», уже одиннадцать миллионов граждан были в иг-

ре, а закольцованный процесс, как бы «закусив кончик собственного хвоста», не иссякал. Вряд ли доказуемо, что количественный рост акционеров «МММ» достигнет предела раньше, чем начнется их качественное преобразование. Да, если угодно, «пирамида». Но только не из учебника по элементарной геометрии. Причудливое динамическое построение, растущее, так сказать, у основания: за счет расширения и упрочения опорных акционерских слоев. Тот же Леня Голубков (вместо покупки дома в Париже) выкупит и отремонтирует экскаватор и откроет свое дело. Мировая практика знает примеры подобных финансовых конструкций. Они принимались или не принимались на той или иной почве. Но при этом все участники игры знают, на что идут, и рассудить их вправе только естественное развитие событий.

Нет, недаром раздражен Анпилов, обвиняющий Мавроди в родственных отношениях с Гайдаром. АО «МММ», вытаскивая граждан из-под бюрократического государства, оттягивает их и от непримиримой «ностальгической» оппозиции, ставит в мирные очереди тех, кто бы мог остервенело самоутвердиться в толпе слушателей Зюганова или даже среди боевиков Баркашова. В контексте коренных сюжетов истории Мавроди действительно может считаться братом Гайдара, лучше сказать — сводным братом. Их сводит (однако и разделяет) объективная двойственность самой нашей реформы, которую, с одной стороны, требуется поддерживать и развивать в духе Гайдара, а с другой — уравнивать компенсационными мерами, в частности в духе Мавроди. Президент АО «МММ» представляется своего рода антиподом-продолжателем недавнего лидера правительственных реформаторов. Без последнего Мавроди был бы невозможен; но, когда бы было достигнуто более высокое качество реформ и обеспечена более «мягкая пересадка» трудового населения на новую социально-экономическую почву, Мавроди был бы не нужен.

И так же, как сегодняшняя откровенная бюрократизация общества и, как следствие, оказывание реформы вытолкнули ее главного автора — Гайдара — из правительства, так тот же самый реставрационный процесс выдавливает из экономического обихода страны АО «МММ» и его конструктора Мавроди.

* * *

Всю историю с АО «МММ» можно определить одним известным понятием — зависть. Зависть государства к более умным, расторопным управляющим народной жизнью. Уплывают от правительства не только денежки, безнадежно уплывает народное доверие — фундаментальная основа власти. Однако и денег исключительно жалко. Кончилась клоунада с ваучерами, на очереди решающий «хваток», в ходе которого номенклатурный капитал должен реально оформиться и монопольно утвердиться. Но как этого добиться, если больше половины денег, находящихся в обращении на фондовом рынке, оказывается вне номенклатурного ведения?

В этой связи показательно высказывание замминистра финансов Андрея Казьмина («МН-Бизнес», N 35). Пожутив «профессионалов рынка» за то, что они приняли «акциеобразные» бумаги АО «МММ» за «чуть ли не единственные достойные внимания финансовые инструменты», заместитель министра настойчиво рекомендует переключить внимание на «формирующийся рынок акций приватизированных предприятий» и, конечно же, на рынок «государственных ценных бумаг». Таким образом, своими словами и делами государство объявляет себя таким же АО, но только очень большим и исключительно важным, к тому же обладающим властью и не терпящим конкурентов.

Странная получается линия у государства, изо всех сил стремящегося преподать себя в качестве правового и демократического института. Точнее — линии и не выходит. Слухи о финансовом авантюризме АО «МММ» никак не доказаны. Акции ликвидны, к персоналу и руководству компании жалоб со стороны акционеров нет. Отсутствие соответствующего законодательства — упрек государственным учреждениям, а не руководству АО «МММ» (и тем более не акционерам). У адвокатов АО «МММ» есть достаточно веские контрдоводы против обвинений, выдвинутых налоговой инспекцией. Однако органы правопорядка хватаются за дубинку раньше, чем суд определил вину подданного, бьют наотмашь только по подозрению.

Да, налоги надо платить при всех условиях. Взыскивать с неплательщиков, стало быть, следует неукоснительно. Но как, на каком юридическом основании и в какой форме это делать — вот что важно. На этот раз действия властей приняли форму карательной экспедиции. Это значит, что против АО «МММ» оцетинилось не демократическое правовое государство, о «строительстве» которого все время твердит начальство, а именно старое, переполненное погромными рефлексами государство — наследник тоталитарного строя.

Сегодняшнее российское государство еще не образовалось, происходят судорожные телодвижения умирающего советского государства. Голодный взгляд такого государства падает, как у допотопного ящера, на все, что живет, движется и шевелится. Так власть выслеживает и добывает свою пищу. Эдакий политический парк юрского периода. Теперь подготовлен пакет документов о совершенствовании государственного регулирования рынка ценных бумаг. По своему обычаю государство принимает горделивую позу отличника управленческого труда и, как всегда, заявляет о «совершенствовании» какой-нибудь своей деятельности, которой до этого вообще никто не наблюдал. Наверняка категорическое требование к АО из уст государства об «открытости информации» и предоставлении «бухгалтерских отчетов об инвестициях» должно означать облегчение условий для сыска, а не для коммерческих операций. Всякая инспекция в этом государстве ведет себя точно так же, как автоинспекция на дорогах, расставляя знаки и посты не так, чтобы помочь водителю, а для того, чтобы превратить его в нарушителя и оштрафовать.

Исключительное значение АО «МММ» и других атакованных властью АО выявляется в том, что их существование позволяет почувствовать предел государственного самоуправства.

Организовавшись в союзы, акционеры, очевидно, легко не отступят, так как защищают свое кровное: не только свои деньги, но и свою свободу, свое будущее в стране, которая, как ни странно, тоже может стать по-настоящему своей.

Пока политики стремятся «опознать» черты демократического выбора России — в чем он и когда произойдет? — у всех на глазах та-

кой выбор нащупывается самим населением. Перед нами естественная строка в ткани будущего гражданского общества. Сумма индивидуальных или частных капиталов в их взаимосвязи, переплетении и обращении образует общественный капитал. Только опираясь на него, гражданское общество может принудить государственные институты, захваченные ныне чиновничеством, к соблюдению существующих норм права и выполнению демократических процедур.

Тут возникает ряд вопросов. Например, к Гавриилу Попову и Анатолию Собчаку с их Движением демократических реформ; федеральному министру Николаю Травкину с его Народной Демократической партией; яркой поборнице политического и экономического плюрализма Ирине Хакамаде, с ее парламентской фракцией; помощнику президента по безопасности, высокообразованному юристу и переводчику детской литературы Юрию Батурину; реформаторам-демократам Анатолию Чубайсу и, разумеется, Егору Гайдару. Ко всем, кто внес запоминающийся вклад в рождение рыночных и правовых начал в нашей стране, а теперь страдает от фактического неисполнения своих идеалов.

Где вы? Почему из партий и движений демократического спектра только «Демроссия» — и по сию пору остающаяся единственной общественно-политической силой, показавшей себя когда-то на деле, — вступилась за АО «МММ» против распустившего руки государства? Ведь то, что произошло с АО «МММ», может одновременно случиться с любым предприятием, как говорится, независимо от формы собственности и даже уровня законопослушания. Или никто не желает оказаться рядом с Жириновским, который опять перехватил у демократов лакомый почин, поддержав Мавроди?

Да, наш народ ближе к Лене Голубкову и Марине Сергеевне. Это, может, коробит иной взыскательный вкус, но не беда: Черномырдин наш тоже не Александр Македонский из рекламы банка «Империал».

Дело Мавроди — ваше кровное дело, уважаемый Егор Тимурович! Поистине ваше партийное дело, если, конечно, партия «ДВР» всерьез намерена отстаивать либеральные ценности. Вам же прекрасно известно, что частная собственность в России все еще не священна, поэтому весьма прикосновенна. Если ваучер Чубайса проигрывает по

всем статьям «мавродику», то нельзя же быть настолько уязвленными, чтобы не подать свой голос в защиту самого принципа. Разве АО «МММ», при всем его несовершенстве, не является опорной точкой либерального строя вещей против строя бюрократического?

Печально, что в некоторых предпринимательских кругах сочли возможным броситься вслед за прокурором и ОМОНОм «добивать» своих коллег из АО «МММ». Это более чем выразительная оценка наших «новых русских» с их старой природой, позволяющей душить «ближнего» конкурента в расчете на благосклонность государства. Задуматься бы: о ком так настойчиво звонит колокол? Впрочем, вроде бы уже задумались, когда вслед за Сергеем Мавроди затолкали в кутузку Льва Вайнберга и Александра Хомякова. Тут, кажется, всполошились все, и определенный результат налицо.

Очевидна взаимосвязь между арестами финансистов Мавроди, Вайнберга, Хомякова и одновременным оправданием генерала Вареникова. Противоположные решения выражают некую общую тенденцию деградации государства (которая самому государству кажется расцветом). С другой стороны, абсолютно закономерно и то, что среди собравшихся 19 августа у Белого дома по случаю трехлетия победы над путчистами акционеры АО «МММ» составили большинство. Два противостоящих ряда событий. Чья возьмет — покажет будущее.

«Мегаполис-Экспресс», N26, 21 сентября, 1994 г.

Лен Карпинский

Боевой залп в честь конституции

Верховный заведующий связью времен и событий остроумно совместил годовщину принятия российской конституции и выборов в федеральный парламент с чеченским кризисом. И действительно, происходящее в маленькой Чечне вписано в огромное пространство России и берет свое начало в Москве. Здесь же, очевидно, состоится и основной политический финал событий.

Путь к расстрельному методу решения чеченского кризиса, по моему убеждению, был открыт использованием этого метода 3-4 октября 1993 года в Москве при штурме Белого дома. Отметим и психологический импульс («Получилось!» и «с рук сошло»), и глубинные механизмы превращения одного события в другое.

Президент, благословив милитаристскую авантюру в Чечне, повторяет довод об «установлении в республике конституционного порядка». Но что-то не припомню, чтобы президент (при поддержке весьма уважаемых интеллигентов), который в любом случае будет отвечать за действия авантюристов, очень щепетильничал в отношении конституции год назад, когда разгонял парламент и выдавливал известными средствами депутатов из Белого дома. Тогда конституцию откровенно определили в служанки «народных интересов», истинное понимание которых, по обыкновению, принадлежит лично самому президенту.

Уместно об этом вспомнить, поскольку, как говорится, лиха беда начало. Стоит только начать попирать Закон в угоду власти, а не власть соотносить с Законом, как уже безразлично, в каком направлении это «дышло» вращают.

Сейчас в Чечне — те же самые танки, что год назад были у Белого дома. Сегодня насилие в Грозном под предлогом защиты конститу-

ционного порядка является прямым продолжением прошлогоднего насилия в Москве под предлогом негодности конституционного порядка.

Откуда такие превратности и почему они возможны?

Устойчивым сквозным стержнем этого растянутого во времени, но единого по сути события выступает именно насилие, а его общей пружиной — законодательно оформленная жажда неограниченной власти. Как тогда, так и теперь кризис разразился по поводу средств, а не целей как таковых. В обоих случаях из всех имеющихся в распоряжении государства и общества средств высшая исполнительная власть предпочла вооруженное насилие. При наличии многих вариантов мирного урегулирования конфликта — путем переговоров и компромиссов — и в том, и в другом случае ни один из этих вариантов всерьез не был испробован. И вот вопрос: хотели ли попробовать? Не является ли для новообразованной административно-командной системы демонстрация силы самой целью — тем устрашающим боевым кличем, с которым она врывается во владение страной?

Большинство граждан, возможно, еще полагают, что отметили годовщину принятия конституции и демократических выборов. Однако это была годовщина легализации насилия как важнейшего метода управления российским государством.

Группа видных интеллигентов недавно призывала президента и общество не забывать о случившемся в сентябре-октябре 1993 года. Но что такое «случилось» и чего не следует забывать?

Случилась трагедия, но не победа. Фундаментальное стратегическое недомыслие (или близорукий расчет) состоит в том, что президент все-таки счел свою физическую победу над депутатским корпусом победой исторической в высоком смысле этого понятия. В знак этого события он организовал триумфальное шествие административного воинства и «стрельбу» на поражение представительной власти как таковой. Несмотря на то что Советы были отягощены многими пороками тоталитарной системы, они в то же время были единственной существующей формой эмбрионального развития представительных структур, которые должны были развиваться в нечто более цивилизованное.

Плод президентской «победы» оказался с самого начала отравленным, и его надлежало немедленно уничтожить. От результатов примитивного выигрыша следовало отказаться. Вместо того чтобы упиваться победой, наращивая при этом административно-бюрократический аппарат (как свою единственно верную опору), следовало активно возделывать почву под всходы представительной власти — той самой, которая потерпела поражение. Насущно необходимым было резкое погашение административной эйфории и решительный обратный ход в сторону строительства представительной власти, включая развитую систему местного самоуправления.

Однако такая диалектика оказалась «победителю» не по зубам или вовсе не входила в его личные планы. Он соблазнился грубыми, простыми и короткими решениями. Представительная власть на местах либо полностью ликвидирована, либо влачит жалкое существование в виде придатков региональной администрации. О том, в каком незавидном положении, уготованном ему конституцией, находится федеральный парламент, достаточно ярко свидетельствует то унижительное, испепеляющее душу бессилие депутатов как-либо сдержать безумные действия милитаристов в отношении Чечни. Таким образом, осенью 1993 года не только пролилась кровь, но и началась трагедия отката страны к авторитаризму.

Демократический механизм власти и управления — чрезвычайно точное, сложнозависимое устройство. Стоит выбить или даже чуть сместить одно звено или нить взаимодействия, как возникает злокачественная аритмия, и вся система быстро распадается.

Удар был направлен на представительные органы, однако и правительство оказалось в положении «вне игры». Во всяком случае, если вести речь о ключевых политических вопросах. И мне не кажется случайным, что премьер Черномырдин, которого умело толкают на роль скромного «завхоза всея Руси», до последнего времени публично себя не проявлял в чеченском кризисе. Правительство, оттесненное от большой политики (за исключением силовых министров-членов Совета Безопасности, выделенных в качестве самых больших политиков в стране и противопоставленных правительству в целом), в свою очередь,

отыгрывается на парламенте, демонстративно пренебрегая его требованиями, да и самим его существованием. И законных-то прав, например, запрашивать у бюрократических ведомств материалы, характеризующие их действия, ни Дума, ни Совет Федерации не имеют.

Предусмотренная ельцинской конституцией немощь представительной власти, начиная с федерального уровня, фиктивность полномочий законодательных органов — развращают и выбивают из колеи «парламентскую номенклатуру». Спикеры палат и их заместители, председатели комитетов и комиссий, руководители фракций — с одной (формальной) стороны, остаются ответственными перед избирателями депутатами, но с другой (фактической) — поддаются бюрократическому давлению и нередко пристраиваются в фарватере исполнительной власти. Разрываясь между ответственностью перед избирателями и зависимостью от чиновников, некоторые из генералов от парламента становятся агентами административного корпуса в большей мере, чем членами корпуса депутатского. Думаю, например, Владимир Шумейко больше представляет президентскую структуру в Федеральном Собрании, чем последнее — перед президентом. Таким образом внутри представительной власти закономерно образуется «пятая колонна» бюрократии, склоняя к отступничеству от принципов парламентаризма. Подчеркнем, так происходит именно при слабой законодательной власти, когда ее руководителям и активистам невозможно реализовать свои политические амбиции и сделать собственную карьеру на основе парламентской деятельности.

Но что такое урезанные полномочия представительной власти? Это, само собой, урезанные права избирателей, то есть народа. Парламент не может достучаться до президентских и правительственных чиновников, не в состоянии не только спросить с них, но даже и видеть. Это значит, что подобная стена власти вырастает перед каждым гражданином во всех концах необъятной России. Урезанные права депутата есть не что иное, как урезанные права избирателя — то есть бесправие народа.

Открылось, что президентская власть сама по себе не гарантирует успех демократии. Президент избрал путь к слиянию властей, тот са-

мый порочный принцип, где чиновник сам себе закон и судья, а закон практически глаголет только устами административного начальства. В результате местом реваншистских авторитарных устремлений стали необъятные президентские и правительственные апартаменты, а также части административной вертикали от Москвы до самых до окраин.

Президентская модель государственной власти и управления представлялась пришедшим к власти демократам мощным рычагом демократических реформ. Но президентству присуща и другая тенденция, связанная с возможностью накопления под его сводами реваншистских сил, «обломков» тоталитарного аппарата, способных склеиваться в серьезное политическое целое. Таким образом, президентская модель содержит также возможность для контрреформ, сокрушения демократии. Без сильного парламентаризма этот негатив президентской структуры неотвратно реализуется.

Совет Безопасности при президенте, который сыграл решающую роль в чеченском кризисе, по строгому демократическому счету можно отнести к незаконным формированиям. Причем, сами понимаете, к хорошо вооруженным. Оно не укладывается в рамки правового государства с сильным парламентом, обладающим достаточными возможностями для контроля исполнительной власти. Вне контекста сильного парламента подобный орган становится замкнутой, стоящей над всеми институтами власти структурой. Хотя и называется эта структура «Советом Безопасности», на самом деле она проявила себя источником огромной опасности, исходящей от государства в общество. Все, что происходит сегодня на наших глазах, вокруг Чечни особенно, не случайно. Все имеет свои корни и ростковые почки в недалеком прошлом. По-прежнему государством правят лица, а не законы. Бюрократическая иерархия позволяет вышестоящим лицам подавлять волю и достоинство нижестоящих. Поэтому и вся государственная пирамида отыгрывается на рядовых гражданах.

Совсем не случайно в последнее время в высших сферах все делается при закрытых дверях. Все действия разнообразного начальства по отношению к СМИ свидетельствуют о горячем желании российской власти, все еще лицемерно именующей себя демократической, поста-

вить граждан в положение неких слепоглухонемых существ, лишенных возможности ориентироваться в политическом пространстве и не способных к самостоятельному волеизъявлению.

...Итак, годовщина взятия неких заметных демократических рубежей в новой России отмечается нами в обстановке опасного силового противостояния в одной из российских республик. Если чеченский позор сойдет с рук его инициаторам, которые голосовали, формулировали и подписывали соответствующие решения, то выход из чеченского противостояния неизбежно станет входом всей страны в диктаторский режим. В сущности, состоятся похороны славных демократических начинаний в великой стране. Всему миру, кроме, кажется, российского президента и российских генералов в ранге министров, известно, что на крови здание «конституционного счастья» не стоит.

И тут начинаешь сомневаться, действительно ли конституционный порядок - та цель, которую поджигатели русско-чеченской войны перед собой ставят. А может быть, сама война им и нужна? И то, что принимается нами за неверно выбранные средства для достижения благой цели, и есть сама цель, поставленная с точным расчетом? Не всем ведь нравится перспектива сокращения и реформирования армии, не всех устраивает размер военного бюджета; дела ВПК тоже хотелось бы поправить: дух войны порождает склонность к чрезвычайному положению, которое, в свою очередь, интересно тем, что позволяет получать чрезвычайные полномочия, а возможно, и отменить выборы... Да мало ли какие соображения о пользе войны можно подобрать. Поворот к силовым методам прямым путем увеличивает и укрепляет власть и ее аппарат как самоцель. Пока разные мечтатели ждут появления «среднего класса», некое «третье сословие» уже тут как тут: человек с автоматом и в маске.

Попытались повернуть дельце украдкой, с подставными фигурами и «без опознавательных знаков». Глупцы! Сама эта повадка орудовать в маске, скрывающей лицо, в перчатках, чтобы не оставить отпечатков пальцев, служит уликой первого сорта. Кто же еще, кроме родного советского (или постсоветского, что оказалось одним и тем же) го-

сударства с его всевозможным «спецназом», способен работать в такой захватывающей криминальной манере?

Ускользая от ответственности и валить на других - давняя традиция партии начальства. Но сегодня в ходу наиболее варварская ее разновидность: смывать свою вину чужой кровью. Мы видим, что высокопоставленные политические сорванцы, оставленные без присмотра, оказываются гораздо опаснее обычных уличных шалопаев.

Над российским жителем висит много угроз: экологическая и экономическая, криминальная и радиационная... Но теперь на первый план опять вышла угроза политическая. Она вытекает из самого факта сосуществования с подобными людьми, обладающими властью в так устроенном государстве. Вроде как находишься в чумном бараке или, если больше нравится, сидишь на пороховой бочке.

Уже поставлен вопрос о личной ответственности президента за исход чеченских событий. Для проведения демократических реформ — да, нужен сильный (искусный) президент, умело направляющий развитие страны, поскольку реформы как бы внедряются в чуждую им посттоталитарную среду. Наоборот, для номенклатурной реставрации пригоден и слабый президент, поскольку бюрократическая регенерация происходит сама собой, по тем же законам иерархии, какие ее организуют и регулируют. Только бы ей не мешали.

Сумбур президентских и околопрезидентских поступков демонстрирует постоянное противоречие между происхождением президента, поднятого к власти демократической волной, и бюрократического положения, в которое он не без собственных усилий себя поставил. Этот политик на словах отрицает то, что на деле давно принял на вооружение.

О перспективе утраты демократии и впадения России в авторитарно-карательный режим высказались почти все мыслящие политики страны. Но не очередная ли это иллюзия — относить к будущему то, что в значительной мере уже произошло вчера и отчетливо проявляется сегодня? Чеченская война — предшественница реакции, но она же и следствие, поскольку в самом государственном устройстве год назад было заложено поражение демократии.

Вот почему радикальная переработка ряда глав действующей конституции стала делом первостепенного значения для предстоящих выборов — как президентских, так и парламентских. А они после чеченского кризиса, очевидно, должны быть досрочными.

Готовиться к новым выборам парламента и президента сегодня — это не просто выдвигать новых людей, не только дополнять и обновлять программы, развивать партийные структуры и добиваться объединения демократических сил. Необходим парламент новый и по положению в общей структуре власти. Необходим новый президент не только в персональном смысле, но и новая президентская структура, адекватная политической системе демократии. Необходима обновленная конституция, обеспечивающая более гармоничное соотношение ветвей власти и разумное распределение властных полномочий. Что касается предоставления парламенту, в частности Думе, полномочий по контролю деятельности исполнительных, прежде всего силовых, структур, то оно должно быть осуществлено немедленно, до реализации всяких широких законодательных мер.

Таким образом, Чечня служит полигоном, где репетируется расстрел демократии во всей России. Мы имеем дело с чеченским катализатором общероссийской драмы. Различные выходы из чеченского кризиса — мирным или военным путём, путём равноправных переговоров с властью Чечни или жесткого подавления свободолюбивого населения республики — приобретают значение развилки в судьбах самой России.

Как в Чечне аукнется, так и по всей России откликнется. Каков будет выход из чеченского кризиса, таков будет и вход в будущее всей России.

«Московские новости» №63, 11-18 декабря, 1994 г.

Лен Карпинский

Утопический коммунизм Хрущёва (к 100-летию со дня рождения)

И после того, как более чем 20-летний (1964-1985) заговор молчания вокруг имени Хрущева был разрушен горбачевской гласностью, эта историческая фигура, мне кажется, все еще остается не вполне понятной. В качестве символа укоренился образ как бы двух Хрущевых, оспаривающих друг у друга силуэт темный, олицетворяющий коммунистический деспотизм, и силуэт просветленный, означающий некое начало свободы. Между тем представление о «противоречивом» или «половинчатом» Хрущеве, отнесенное к самой его личности, следует считать недостоверным. Со временем все больше убеждаюсь в исключительной внутренней цельности Хрущева — политика и человека.

Он делал то, в чем был совершенно убежден, во что сам беспредельно верил. А верил этот энергичный человек в нечто такое, что с юных лет было в него заложено: в абсолютную истину коммунизма. Коммунизм в его глазах обнимал собой «все хорошее», в нем совмещались все первичные человеческие ценности, которые при желании можно найти и в заветах христианства. Коммунизм для Хрущева и был синонимом подлинной человечности, строем высшей справедливости и полного счастья.

Значит, считал лидер, следовало решительно идти дальше путем Октября, устраняя на ходу ошибки и отклонения: на свете нет и не может быть «крепостей», которые бы не покорились большевикам, если, конечно, большевики очень постараются...

Сталин и мертвый оставался грозным противником. Высший эшелон власти кишел прямыми содельцами покойного тирана. Самое трудное для Хрущева заключалось в том, чтобы победить Сталина в

самом себе: ведь он тоже был выпускником сталинской школы. Это сражение Хрущев выиграл.

Оспаривая пословицу, утверждают: «И один в поле воин». Особенно, видимо, это верно, если воин — генсек (тогда — Первый секретарь) правящей партии в нашей иерархической системе, где до недавнего времени все сходилось к первому лицу, проходило через него и, по сути, исходило от него. Метод Хрущева вообще можно назвать методом «штурма и натиска». И там, где такой метод годился, где требовалась мощная концентрация воли и боевой энергии, он принес немалые плоды. Даже прогрессивно настроенные и высокообразованные люди не сразу оценили эту победу Хрущева.

Вскоре после XX съезда один преподаватель философии сказал мне: «Хрущев все испортил! Он не разобрался со Сталиным на философском уровне! Его сумбурная речь на съезде только слегка задела фигуру Сталина, но сталинизм и так уже готов был внутренне разложиться. Критику сталинизма должны были осуществить люди науки, а не этот выскочка Хрущев».

Меня изумила речь Хрущева: ведь никто, кроме него, не помышлял о подобном, ни у кого не оказалось для этого политической воли. Она оказалась у Хрущева, и в этом историческом факте — ядро его человеческого образа. Как человек он стал выше своей роли коммунистического лидера.

Утверждали также, что выступление Хрущева на съезде против Сталина состоялось по чисто тактическим расчетам, чтобы отодвинуть мощных соперников: Кагановича, Молотова, Маленкова. Поэтому, дескать, он и решил дискредитировать Сталина. Но если и были похожие соображения, двигало Хрущевым чувство сострадания, главным образом к безвинно погибшим и сидящим за решеткой, чувство поруганной справедливости, которую ему, коммунистическому лидеру, надлежало восстановить.

Здесь мы как раз подошли вплотную к «загадке» Хрущева. Почему же эта цельная натура вошла в память людей как натура двойственная и противоречивая? Не странно ли, что общество словно раз и навсегда удовлетворилось объяснением феномена Хрущева, воплощен-

ным Эрнстом Неизвестным в надгробном памятнике в виде двух контрастных сводов, сомкнутых замком над головой усопшего?

Символ на могиле в высшей степени точен, но противоречия Хрущева — это противоречия между человеком и социальной ролью коммунистического предводителя, которая выпала на его долю в политике. Это противоречие между коммунизмом в реальности (общественной системой, созданной на его основе) и теми идеальными, утопическими представлениями о коммунизме, которые владели Хрущевым, как и другими активистами поколения.

С доктриной и практикой, с начала и до конца враждебными человеку, погубившими миллионы жизней, парадоксальным образом связывались самые светлые человеческие надежды, самые гуманные цели. О том, как превращаются понятия в рамках коммунистического универсализма, свидетельствует следующий пример. На одной из встреч с московской интеллигенцией Хрущев прекрасно описал некую догматическую схему: «Кто у нас главный? — спрашивал он, и сам же отвечал: — Народ. Кто выражает интересы народа? — Партия. А кто решает в партии? — Мы решаем».

Так демократия (власть народа) предстает под давлением коммунистической парадигмы в виде законченной тоталитарной конструкции.

Такие принципы, как права человека, либерализм, конституционализм, свобода, равенство и демократия, верховенство закона и т.п., слабо воспринимаются, например, исламской и православной культурами. Но возможна вывернутая логика: точно таким же универсальным значением нагружалось сторонниками марксизма понятие коммунизма, тогда как указанные заказные принципы здесь лишь декларировались, практически же, наоборот, активно вытеснялись противоположными, связанными с верховенством классовых интересов и соображений «революционной целесообразности».

Хрущев сверял избранный путь к человеческому счастью по компасу, под который изначально был подложен топор палача. Ему, несомненно, принадлежит такое нежизнеспособное изобретение, как коммунизм (социализм) «с человеческим лицом». Он намеревался придать человеческое лицо той самой идеологии и системе, которая закономерно

но обернулась звериным оскалом сталинизма. Освобождая своих сограждан из сталинских застенков, он мог одновременно стрелять в других своих сограждан — бастующих рабочих. Он разорвал колючую проволоку вокруг ГУЛАГа, но не допускал и мысли, что подобием ГУЛАГа, в сущности, остается вся страна. Хрущев выпалывал стебли и не добирался до корней, боролся со следствиями без устранения причин. Благие начинания Хрущева быстро выдыхались, поскольку основывались на уверенности в принципиальном совершенстве общественной конструкции, созданной за годы сталинской диктатуры под именем социализма. В глазах Хрущева она была в общем куда как хороша, была самой прекрасной в мире; плохой эта конструкция представлялась только в частностях.

Наиболее злобедная ее «деталь» — сам Сталин: его людоедская практика подлежала искоренению. Говоря сегодняшним языком, сталинизм (Хрущев, конечно, не мог бы признать этого понятия) без Сталина возродился бы как полноценный социализм, избавленный от «деформаций» и готовый к стремительному прыжку к заветной коммунистической цели. Для того времени, взятого по отношению к предыдущему, это была великая освободительная идея; с точки зрения нашего исторического времени подобная идея выглядит предельно беспомощной.

Отсюда следует, что хрущевские реформы с самого начала были попыткой с негодными средствами. Монопольно властвующая бюрократия сталинского покроя поворачивала любое начинание на себя, подгоняла под свои интересы. В результате отсутствия «обратной связи», которая возможна лишь в демократическом обществе, кипучие действия главы партии и правительства развивались как бы в пустоте, без заметного взаимодействия с народом. В итоге работа продвигалась примерно так, как едут на цирковом велосипеде с перевернутой трансмиссией: бешено вращая педалями, но едва перемещаясь в пространстве. Монопольно царствующая над умами, догматическая идеология продолжала держать общество и самого Хрущева в плену поработочных ходульных схем. Получилось так, что, расшатав лагерные зоны в прямом значении слова, Хрущев остался в границах обширных зон ста-

линизма, охватывающих собой все сферы жизни. На почве «ГУЛАГа с человеческим лицом», естественно, нельзя было справиться с главными проблемами послесталинского общества.

В начале 60-х годов в центральных газетах развернулась знаменитая экономическая дискуссия, в ходе которой были подняты все те вопросы, которые сегодня составляют пакет преобразований в рамках проводимой экономической реформы. Ярчайший пример принципиального противоречия Хрущева: он не запретил дискуссию, он даже ее санкционировал, но остался к ее содержанию равнодушным.

Хрущев хотел развить в «верхах» и «низах» общества атмосферу подвижничества, но ни там, ни тут, в сущности, никто не хотел или же не мог двигаться. Здесь была коварная ловушка. Лишенная стимула страха, сталинская система лишалась и остатков эффективности: на уговоры и призывы она не реагировала.

Можно сказать многое о коварстве послесталинского общества. Система не только ведь карала людей, но и пригревала, опекала. Тому, кто не был за решеткой ГУЛАГа, о ком «заботилось» государство и кому очень нравилось жить без ответственности и забот, — очень трудно объяснить, чем плох сталинизм. Реформы в России — трудное дело тогда, да и теперь тоже. Должна вырасти и развиться большая масса людей, почувствовавших вкус к тому, что называется свободной работой.

И административно-бюрократическую структуру, включая парт-аппарат, Хрущев с течением времени все меньше устраивал. Он, конечно, жил и действовал внутри нее, но отнюдь не заодно с ней, а в известном смысле и против нее. Нельзя было выступать против Сталина и его методов, никак не затрагивая сущность режима, основы системы. Думаю, именно эти особенности и следствия действий Хрущева получили ярлык «волюнтаризма» (субъективизма), поскольку фактически расшатывали казарменный строй.

Сигнал XX съезда, получив отклик в интеллектуальной среде, стал духом и потоком XXII съезда, притом духом и потоком творческим. Сигнальщики уже трубили «отбой», а у сил культуры был самый «подъем». Ярко вспыхнули новые имена, родились новые театры, неузнаваемыми стали страницы некоторых газет, тонких и толстых жур-

налов; да еще массой замечательных признаков обновления было отмечено то время. Безоговорочный сторонник коммунизма, Хрущев все-таки сумел сделать достаточно много для разложения конкретной формы коммунистического режима. На пригласительном билете на конференцию в Москве в честь 100-летия Хрущева написаны его слова: «Умру я... Положат люди на весы дела мои. На одну чашу дела худые, на другую - добрые... И добро перетянет...» Я с этим согласен.

И это не только открытые ворота ГУЛАГа, но и упорное стремление сдвинуть с места неподъемные проблемы запущенной, растащенной временщиками страны. Например, продовольственную и жилищную проблемы. А поток социального творчества влек дальше, глубже — к «корневым» структурам. Вслед за развенчанием Сталина встал вопрос об устранении сталинизма.

Во второй половине 60-х годов, осознав смертельную для себя опасность «волюнтаризма» Хрущева, консервативные бюрократические силы сплотились, и поток XX съезда, показавшийся было необратимым, сошел на нет. Но остались вовлеченные в него люди, чьи пути под давлением застывших обстоятельств, конечно, разошлись. Большинство их, тех, кого родило хрущевское десятилетие, продолжали противиться реставрационной политике, цепляться за всякую возможность поддержать «ересь», сняться с мели и возродить движение. События и люди в свете культуры очищаются и укрупняются. Они облагораживаются, освобождаясь от всего суетного, «временщиковского», что было им, возможно, присуще как таковым. Объективизация истории и исторической личности — долгий процесс. Несомненно, благодаря Хрущеву духовно просветлилась, распрямилась значительная часть интеллигенции. Хрущев как бы открыл смотровую щель, — остальные ее расширили, поняли, наконец, что мало снимать памятники — надо сносить и пьедесталы. И когда в стране началась горбачевская перестройка, взорвалось то интеллектуальное ядро, которое восходило к XX съезду.

Всегда озабоченная накоплением общих ценностей, культура угадала в Хрущеве нечто более значительное и вечное, чем он сам мог бы в себе предположить. Те, кого он вытащил и пригрел около себя на вершине власти, поспешили предать его забвению. А вот те, кто не был

избалован его лаской, наоборот, постарались навсегда сохранить его образ и ввести его имя в предание. Предание, которое еще предстоит превратить в полноценное историческое описание, относится не только к самому Хрущеву, но и к его эпохе мощного первотолчка, пошатнувшего тюремное здание сталинизма.

Декабрь 1994 г.

Лен Карпинский

Трижды репрессированный

Пока в Чечне продолжается кровопролитие, а усилия честных людей сосредоточены на том, как его прекратить, думать о чем-либо другом сейчас как-то не с руки. И все же следует постепенно подбираться к ответам на главные вопросы: что же все-таки произошло? какова, если хотите, идеология правительственной авантюры в Чечне и есть ли реальные возможности исключить подобные варварские фокусы в будущем? Представляется, что причины и механизм возникновения военного пожара — все в том же административно-командном всевластии, в том же государственном фетишизме, под знаком которого страна жила долгие годы.

* * *

У сторонников ракетно-бомбового решения чеченской головоломки, включая президента, на все есть один ответ: «интересы государства», «воля государства», «защита государства»... Так, например, Владимир Шумейко был с самого начала откровенней: «В конце концов, речь идет о сильном государстве, таком государстве, с которым бы считались». Мы слышим в данном случае речь не мальчика, но государственного мужа, и эта простая мысль является движущей пружиной авантюры в Чечне.

Вопреки стойкому предрассудку россиян, будто коллективное начальство (то есть государство) и есть Отечество, — государство, между тем, вовсе не тождественно обществу. Государство вырастает из общества, но, увы, обслуживая какие-то его потребности, как правило, обособляется от общества и в лице исполнительной власти стремится господствовать над ним.

Наступая на общество, государство «перерабатывает» общественную жизнь в функционирование бюрократических структур, строит из материалов общества свое аппаратное тело. В результате подобной «ассимиляции» энергия общественного развития превращается в процветание чиновников. В известной мере государство всегда паразитирует на общественном организме. В соответствии со своими эгоистическими целями оно искусственно создает в общественной жизни фальшивые обстоятельства. Для государства истинно только то, что выгодно. Тот, кто хорошо устроился под крышей государства, всегда доказывает, что полезное государству полезно всем гражданам. Но это не так.

Пожилой полковник МВД, чье мнение о чеченских событиях решило как-то выяснить на улице телевидение, вспомнил о «колесе истории», которое, когда повернется, все сотрет из памяти россиян — и смерть, и кровь, и надругательства над конкретными людьми, а останется только «великая целая страна». Вот мы и опять фигурируем в качестве навоза истории. Исповедуя культ государства, этот человек откровенно сообщил: «Так воспитан». Очевидно, так же воспитаны лица, имеющие в стране власть.

Кремлевские силовики клянутся, что защищают в Чечне основные права и свободы граждан. Но основное право — это право на жизнь, а основная свобода — свобода распоряжаться своей жизнью. Спрашивается: сколько же крови надо пролить, сколько раз нарушить право на жизнь, чтобы наконец войти в царство полного соблюдения прав человека?

Всё юридическое словоблудие («легитимность — нелегитимность» режима Дудаева, «конституционный порядок», «целостность» и т.п.) в устах московских чиновников выглядит кощунственно в момент, когда льется кровь и каждую минуту насильственно прерываются человеческие жизни. В сталинское время человек по конституции тоже наделялся некими правами, но при этом лишался жизни. Права человека есть, а самого человека — нет.

Присутствующий на похоронах полковника Алексеенко, одного из первых погибших в чеченских сражениях, генерал сказал: «Простите нас, что мы живы, а его нет». Президент, наоборот, выразил полное

удовольствие по поводу первых итогов войны, которая «закруглилась» не чем иным, как тысячами жертв.

Так же устроены государственные мозги у основного активиста карательной акции в Чечне вице-премьера Егорова. Он, по его словам, вновь и вновь убеждается в правильности выданной Чечне военной порки: «Иначе бы мы потеряли миллион граждан России». И никак этот «стратег» не увидит разницу между миллионом потерянных для унитарного государства (хотя и не для демократической федерации) не граждан, но здравствующих людей и тысячами потерявших не какое-то гражданство, а свои человеческие жизни.

Судя по телевизионному выступлению президента о положении в Чечне, глава государства от своей приверженности силовому «общению» с этой республикой в принципе отступить не намерен. Не существует больше надежд на то, что президент поймет: российские граждане протестуют не против права государства применять насилие вообще, а против безответственного использования этого права и длительного уклонения российских властей от мирных путей решения чеченской проблемы.

Упрямство президента дополняется упрямством правительства. Единственное, в чем счел возможным упрекнуть свое правительство Виктор Черномырдин, так это в том, что крутые меры в Чечне должны были быть приняты гораздо раньше: «Мы на несколько лет опоздали». Таким образом, премьер еще раз одобрил военные действия по существу. Между тем, и теперь, и три года назад подобные действия следует считать не только ошибочными, но и преступными. Безответственные действия правительства РФ сегодня являются продолжением и завершением его безответственного бездействия в прошлом. Это длительное бездействие показывает, что предпочтительной формой решения чеченской проблемы с самого начала мыслилось вооруженное насилие.

Вина правительства в том и состоит, что оно не только не сумело найти других путей решения проблемы, кроме военного, но особенно и не искало их. Эти политики — не опоздавшие, они — прогульщики. Строго говоря, они саботажники. Ведь уже не раз было замечено: там,

где действует армия, бездействуют все остальные государственные институты. Лишь несколько штрихов к этой истории.

В начале 1992 г. сам президент Ельцин публично заявил, что решение проблемы Чечни, не подписавшей Федеративный договор, он видит в дополнительных трех-четырёх пунктах к Федеративному договору, которые предстоит обсудить на встречах делегаций сторон. Где же эти пункты (и эти встречи), посредством которых и чеченское руководство надеялось легитимизировать взаимоотношения с Москвой «не по вертикали, а по горизонтали»?

На последнем этапе переговоров, напомним, российская сторона выдвигала в качестве условия прекращения кровопролития разоружение «незаконных вооружённых формирований» на основе Конституции России; чеченская же сторона настаивала на предварительном выводе из республики российских вооружённых сил и на одновременной выработке механизма разоружения на основе Конституции Чечни. Конфликт, поднятый на уровень войны конституций, казалось бы, не имеет выхода. Но принципиально выход давно был найден в другом месте: существует Договор от 15 февраля 1994 года между Российской Федерацией и Республикой Татарстан, а также 14 межправительственных соглашений, развивающих этот исторический Договор в своеобразную государственно-правовую и политическую платформу объединения России и Татарстана на основе согласования и взаимодействия двух конституций.

Так в чем же дело? Почему российское государство игнорирует исламскую роль этого договора в построении нового федерализма в целом?

Военным действиям в Чечне предшествовала, по выражению академика Петракова, «политика ничегонеделания», «центральная власть, по неумению или по недомыслию, полностью отторгала возможности, которыми обладает политика, и проявила удивительное презрение к диалогу, к компромиссу».

Правда, летом 1993 г. глава временного правительства национального доверия Чечни Яраги Мамадаев вел с российскими властями интенсивные переговоры по проекту договора между Чечней и

Россией, в котором для Чечни предусматривался «особый статус» в составе РФ. Где результаты этих переговоров или хоть какое-то их продолжение до начала военной кампании?

В том же году в правительстве и парламенте Чечни, уставшей от конфронтации «чеченского волка» (герб ЧР) с «российским медведем», царило радостное настроение по поводу подписания заместителем председателя ВС РФ Юрием Яровым и заместителем председателя парламента ЧР Бектимаром Межидовым итогового документа, которым Россия де-факто признала политическую независимость и государственный суверенитет Чечни. Стороны договорились о создании комиссии по вопросам государственно-территориального разграничения между РФ и ЧР, о намерении иметь единую военную доктрину, единое экономическое пространство, согласованную финансово-бюджетную политику и т. п.

Какое развитие получили эти договоренности и как впоследствии правительство РФ реагировало на явное стремление Чечни найти точки соприкосновения с Россией, доказать ей свою способность к компромиссам?

Ответов на эти вопросы не существует, если не считать грохот танков универсальным российским ответом на все вопросы. Не какой-нибудь апологет дудаевского режима, а один из самых непримиримых его противников Яраги Мамадаев считает, что нынешний поворот событий в Чечне подготовлен «неуклюжими и противоречивыми действиями российского руководства в 1991-1993 годах».

История правительственного ничегонеделания - яркий пример государственной «халявы», когда сама власть считает себя достаточным основанием любых поступков. Государство «все может» только потому, что оно государство.

Теперь президентско-правительственные заговорщики пытаются выйти из скандального положения с помощью фразеологических упражнений типа: «Нет партии войны, есть партия конституции». Но что же меняется по существу, если конституция насаждается путем войны? Если избранное средство — война, то все, в том числе и конституция, стреляет. В какую «светлую» голову вообще могла забрести мысль об

освободительно-умиротворяющей способности армии? Ведь именно разрушение предметного мира и истребление живой силы являются ее исходной, структурообразующей функцией, на реализацию которой нацелены и ее оснащение, и ее личный состав. Этот механизм смерти устроен настолько же однозначно, как пасть акулы, в которую никто не додумается залезть, чтобы принять морскую ванну. Там, где заведенная на войну с врагом армия присутствует и хоть как-то шевелится, она производит смерть и разрушения. Это ее природа. Политики, спустившие с цепи военную машину, всегда обязаны были об этом помнить.

Да, в Чечне, как и в других регионах, гуляет преступность, чеченцы, как и «лица» других национальностей, совершают преступления. Ну и что? В таком случае почему бы не применить артиллерию и авиацию против Курской и Тамбовской областей, а также города Санкт-Петербурга и Еврейской автономной области, где в минувшем году наблюдался наибольший прирост числа преступлений?

Что касается преступлений, совершенных в Москве жителями Закавказья и Северного Кавказа в этом же году, то на Грузию, например, пришлось 468 человек, Азербайджан — 380, Армению — 131, Дагестан — 120, Чечню — 61. Очевидно, Чечню решили наказать за то, что в этом списке оказалась крайней. Истерия, поднятая правоохранительными генералами Ериным и Ильюшенко по поводу чеченской преступности, предназначена вовсе не для того, чтобы помочь делу, а для того, чтобы внушить мысль о преступности самой Чечни - как региона, как этнического сообщества, как республики. Вся эта казенная демагогия об «особо преступном» этносе (регионе) дает достаточно оснований соглашаться с Леонидом Шаровым («Общая газета»), утверждающим, что государство в нынешнем его состоянии, говоря о «гражданской войне против преступности, прикрывает войну против народа».

«Ах, война, что ты, подлая, сделала!» — известная строка из песни Булата Окуджавы. Основой всех узлов и линий, крупных и мелких эпизодов трагедии в Чечне является война, а война развязана именно Москвой, и это неустранимое первичное обстоятельство. В свете войны все события и процессы приобретают странные очертания. Даже демонстративно развернутая российским правительством гуманитарная

помощь населению Чечни получает некий кощунственный смысл. Пища поступает вместе со снарядами, а гуманитарная бомба — это что-то новое в жизни человечества.

«Российским солдатам негде погреться, и воды-то у них нет». «Ах, эти злые чеченцы заставляют страдать нашего воина!» «Ах, сто тысяч русскоязычных, которых упрямый Дудаев, не желая капитулировать, подставил под артиллерийский обстрел!..»

Трудно сказать, наносились ли российской стороной бомбовые удары как раз тогда, когда переговоры в Моздоке начинали достигать какого-то результата, — чтобы свести на нет эти результаты? Исследования покажут. Но ясно одно: после того как проливается кровь, переговоры принципиально затруднены. Они некоторое время даже невозможны, так как возникает жажда отмщения. Теперь необходима не только способность враждующих сторон в чем-то согласиться друг с другом, но и способность друг друга простить. Лживый насквозь официоз любит тем не менее учить прессу объективности: дескать, показывайте обе стороны конфликта.

Да нет никаких «обеих сторон». Стороны принципиально несопоставимы. Как справедливо заметил генерал Громов, нельзя ставить на одну доску политические амбиции и человеческие жизни. Первым грош цена, вторые бесценны. Здесь должен действовать запрет на сравнения. В этой связи удивительна эволюция «демократа» Козырева, вдруг показавшего себя мастером бездушной софистики. Там льется кровь, гибнут люди, а он с профессорским апломбом рассуждает о необходимости «делегитимизировать режим Дудаева» и о «правомерности крови» для покорения сепаратизма. Не знаю, войдет ли министр Козырев в историю российской дипломатии, но в качестве пропагандиста «превентивной крови» (или «возмездия впрок») страна его не забудет.

Строго говоря, любые военные действия не являются правовыми, так как отнимают у людей право на жизнь. Российское государство, прикрываясь Конституцией, поступает с Чечней не как правозащитная структура, а как государство-правонарушитель.

Чья это война? Не только генералов, возглавляющих вооруженную систему страны, а также бывшего милицейского участкового Егорова, но и немалого числа прочих наследников октября 1917 г. и октября 1993 г. — тех, кто давно или недавно пристрастился жить не трудом или капиталом, а от щедрот государства, на костлявой власти. Всемерное увеличение этих щедрот посредством укрепления упомянутых костылей является кровавой кормушкой для разного рода «государственных людей». Вот вам и новая (взамен утраченной демократической) социальная база, переодетая в камуфляж президента.

* * *

Такие активисты «партии войны», как секретарь Совета Безопасности Олег Лобов или мыслители из ФСК, напирают, применительно к Чечне, на понятие части общероссийского целого. Не забывают при этом подчеркнуть слово — «неотъемлемой», умалчивая о том, что имеют дело с частью особой, даже уникальной. Президент предпочитает пользоваться словом «единство», вероятно запамятовав, чего стоили, например, понятия «единство партии», или, того хуже, «единство партии и народа», или прочие мертвящие монолиты, на нерушимости которых держался тоталитарный строй.

В обоих вариантах нам опять предлагается спекулятивная конструкция, где все составляющие — на одно лицо. Сказать этим людям, что они чистокровные сталинисты, — пожалуй, обидятся (а может быть, наоборот, обрадуются?), но именно такое членение страны на бескачественные административно-территориальные единицы позволяет в каждой из них видеть и принимать в расчет то же самое, что и в другой. В Чечне то же, что, скажем, и в Брянской области, а именно — неоспоримую «руку Москвы». Подобный метод не балует нас глубиной и разнообразием, зато позволяет распорядиться в Чечне, как у себя в чулане. Этому же требуют и нефтяные интересы Москвы, если нефтепровод от новых разработок на Каспии пойдет через Чечню.

Дело не в том, можно или нельзя было решить миром проблему Чечни, а в том, что из мирного (переговорного) решения выросла бы

какая-то форма правового партнерства федерального центра и субъекта федерации. Кому-то такая перспектива явно не понравилась. Спор между российскими политиками, вызванный чеченским кризисом, происходит на различных языках и как бы в отсутствие переводчика. Логика сторон разворачивается в параллельных мирах, которые нигде не пересекаются. Московская власть фактически всегда имела в виду единство не России, а ее административного каркаса, обеспечивающего проходимость авторитарных импульсов из центра к периферии. По существу, инициаторов войны волнует только один вопрос: сможет ли московский чиновник просто-напросто приказывать грозненскому или должен будет как-то деликатничать — предлагать, просить, согласовывать, поддерживать дух партнерства, чтобы принимать именные совместные решения?

То, что ради подобных бюрократических треволений льется кровь — как чеченцев, так и русских, — по сравнению с разборкой «кто над кем» не имеет в глазах кремлевских командиров существенного значения. О каких субъектах федерации в унитарном государстве вообще речь? Они здесь не более чем объекты управления (и усмирения) со стороны административного центра. Но уже если пользоваться понятием субъекта, то для апологетов войны Чечня только субъект федерации, но не субъект истории. Между тем фундаментальное значение имеет последнее. Помнят ли (а если помнят, то принимают ли в расчет) кремлевские политики, что причиной восстания кавказских народов, в том числе чеченцев, в XVIII — XIX вв. против России было не только их территориальное вытеснение, но и государственно-административная экспансия царизма, силой насаждавшего в крае свое политическое и административное устройство в противовес издавна существующим там нормам и социальным институтам?

Блистательные успехи Шамиля опирались не только на свободолюбивый нрав кавказских народов, но и на созданную им стройную политико-правовую систему имамата — государства, располагавшего, наряду с регулярным войском, народным ополчением («незаконные вооруженные формирования»), признавшего право ношения оружия в знак уважения традиций горцев, со своим мусульманским и частично свет-

ским судопроизводством, просуществовавшим в Чечне до его ликвидации большевиками в 1926 году, особого рода представительной властью и системой политического самоуправления в виде регулярных съездов и постоянно действующего Высшего совета и т. п.

Способен ли будет «конституционный порядок», принесенный в Чечню человеком с ружьем, как-то предусмотреть и трансформировать, наряду с элементарным современным набором демократических прав и свобод, еще и исторические формы республиканского образа правления в Чечне, такие как Мехк-Кхел, то есть Совет страны из представителей тейпов (территориально-родственных гражданских общин), как своеобразный механизм разделения властей, при котором достигается автономное функционирование каждой ветви власти и вводится периодическая сменяемость должностных лиц, присягающих не нарушать имеющиеся законы и, что очень важно, не вводить по своему усмотрению новые?

Куда там, когда дальше «неотъемлемой части» своих ведомств московские чиновники в Чечне ничего не различают. Если уж претендовать на установление конституционности в этой республике, то исходить следует не из фельдфебельских представлений о порядке, а из мнения специалистов, единодушно считающих, что право и закон, писанные в Москве, унифицирующие всё разнообразие культур и цивилизаций народов России, для Чечни абсолютно непригодны. Правовой нацизм инициаторов установления в Чечне нивелирующего «конституционного порядка» военной силой обусловлен тем, что они отрицают нацию как коллективную индивидуальность. Тем более что не вводить надо такую конституцию в Чечне, а выводить ее из всей России и ставить на капитальный ремонт. Россия не может без сохранения своей целостности, Чечня не может без сохранения своей независимости.

Демократическая мудрость президента и правительства РФ должна была состоять в том, чтобы найти такую форму договора, которая сохраняла бы независимость Чечни и одновременно обеспечивала целостность России. А подобные формы существуют, ибо как независимость, так и целостность — не абсолютные застывшие категории. Речь идет о добровольной мере зависимости, которая определяется сво-

бодным выбором. И о целостности, которая бы допускала максимальную самостоятельность части. Каков способ построения федеративных отношений, таков и результат. Если применяются цивилизованные способы, то и отношения возникают цивилизованные. Такие, например, как с Татарстаном — уникальным субъектом федерации.

Подлинная целостность такой многонациональной и социально разной страны, как Россия, может строиться только на кооперативных началах, где разные части по-разному относятся к федеральному целому и друг к другу. Действительный смысл творимой Кремлем «государственной целостности» в Чечне проясняет тот факт, что плечом к плечу с армейскими соединениями по территории республики движутся отряды милиционеров, тут же и решающие «кадровые вопросы», создающие на месте «нормальные» органы, суд и прокуратуру. Вот в чем прежде всего наша государственная целостность: в унифицированной силовой конструкции. Вслед за солдатом приходит каратель.

Репрессивная власть не замедлила явиться, а где же власть представительная? Орудия подавления человека заранее готовы, — о средствах обеспечения его прав и свобод власть, идущая под девизом установления «конституционного порядка», даже не думала. Лишь в последний момент появилась идея какой-то народной палаты, избираемой под грохот пушек прямо в населенных пунктах.

Если государство как «суррогат коллективности» берется что-либо интегрировать, то всегда велик риск получить суррогат интеграции. В данном же случае стержнем и механизмом присоединения чеченской части к федеративному целому служит даже не государство во всей полноте своих институтов и структурных возможностей, а лишь один из его примитивных функциональных отростков, специализированных на принуждении: не государство как таковое, а номенклатура. Благостная конституционная маскировка, заготовленная для сил вторжения, быстро рвется и слетает. «Конституционный порядок», приносимый в Чечню на штыках, не похож на гладкие словесные кружева писанной конституции; он воспроизводит ее реальность — жесткий авторитарно-полицейский каркас, который кремлевская власть сумела сколотить из материала этой же хитроумной конституции. Таким обра-

зом, в чеченской акции Москвы можно предположить некую сверхзадачу.

Незавершенный («бархатный») авторитаризм из Москвы вывозится в Чечню, доводится здесь до нужной кондиции, превращаясь в настоящую диктатуру на почве оккупационного режима, и затем ввозится обратно в Россию, обеспечивая таким образом «целостность» ее репрессивной политической системы. Не исключено, что эта экспортно-импортная операция и явилась главным мотивом чеченской войны.

Целостность, устанавливаемая комендатурой и сплюснутая в бюрократической плоскости государства, дает не общую жизнь и законную власть. Вместо интеграции мы получаем унификацию, скучный и унижительный шаблон. Распространяется безразличие к самому существованию этнической сущности и ее традициям. Государственный унитаризм, как и пролетарский интернационализм, не признает отечества.

Нет, российская власть не прозевала, не упустила время, она его использовала, как ей было выгодно. Потому что способ построения отношений между народами (как и между людьми) определяет и качество самой постройки, как ее общую архитектуру, так и отдельные детали. Если путь к целостности отутюжен гусеницами танков, то этот первоначальный грех создания проникает под оболочку созданного, и внутри полученного целого будет насилие. Федеративному центру, похоже, того и хотелось.

* * *

Более ста лет назад великий русский драматург Александр Островский ввел в оборот понятие самодурства, пояснив, что «самодур... никого не слушает... Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежат, а то беда...». Тысячекратно возрастает беда от огосударствленного самодурства, составляющего существо авторитарного режима.

В президентстве позднего Ельцина явно ощущается синдром, связанный с прежней монопольной ролью КПСС в системе власти. Объем полномочий (привилегий) президента в новой Конституции в принципиальном измерении сопоставим со знаменитой 6-й статьей в Конституции СССР, которая не без участия Бориса Ельцина была отправлена в небытие. Но он сам стал преемником и душеприказчиком повернутой всевластной структуры компартии не случайно: президентская модель ближе всего к устройству власти по тоталитарной схеме, которая остается нашим самым тяжелым наследством, а программа «укрепления российской государственности», выдвинутая президентом год назад, фактически осуществлялась как новое государственное общество, хотя и с использованием коммерческих рычагов и квазирыночных форм.

Президент поведал телезрителям о своем «напряженном диалоге» с представительной властью по чеченской проблеме.

Где? Когда?

По-моему, даже мимолетных контактов не было. В эти дни войны высшая бюрократия, несмотря на возгласы возмущения и протеста со стороны общественности, и ухом не повела. Логично: у критиков — ни танков, ни пушек, ни самолетов. Фактическое присвоение всех видов власти президентской олигархией (в лице Совета Безопасности) послужило действенным способом «умерщвления» общества в объятиях государства. «Укрепленная» российская государственность предстала в виде нагло ухмыляющегося лица врущего военного министра, физиономии набравшего в рот воды директора ФСК и иже с ними. Когда отставной министр юстиции Юрий Калмыков поведал с телеэкрана о грубом вторжении президентского аппарата — «этого новоявленного поллитбюро» — в работу правительства, то в сущности ничего нового он нам не открыл. Но здесь важно то, что оспорить в Совете Безопасности силовой вариант решения чеченской проблемы оказалось невозможным. Таким образом, авантюристическое решение по Чечне носит, как говорят, структурный характер, то есть обусловлено структурным поведением высших должностных лиц и их представлениями о взаимоотношениях центра с регионами. Чеченский кризис является проявлением общего кризиса иерархических систем, получивших в советском госу-

дарстве безраздельное господство и, увы, сохранивших свои позиции в новом российском Левиафане.

Небезынтересны в этой связи фигуры двух Сергеев — Шахрая и Шойгу.

Первый теперь заявляет, что военное вторжение правильно и законно, за ним последует фаза политических решений. Однако еще не все забыли, как в начале 1993 года Сергей Шахрай на встрече глав законодательной и исполнительной власти республик, краев и областей РФ в Кисловодске, прославляя защищенный механизм «саморегулирования межнациональных взаимоотношений на Северном Кавказе», отрекся от своих прежних высказываний относительно «силового обеспечения российских интересов», называл эти высказывания ошибочным и уверял всех, что считает использование военных методов при решении «любых проблем на Кавказе» абсолютно неперспективным. Когда же Шахрай говорил правду? И вообще, какой из этих людей — Шахрай? К тому же отметим, что именно Шахрай год назад имел, по его собственным словам, мирный план развязки конфликта с Белым домом, но смолчал в угоду президенту.

Что касается Сергея Шойгу, то недавно он дал понять, что у него есть свое мнение о путях решения чеченской проблемы, но выскажет он это мнение когда-нибудь, когда не будет членом Совета Безопасности...

Поскольку самоцелью государства всегда остается власть, любое событие в глазах государства имеет особый смысл, навеянный сообщениями власти и далеко не совпадающий с объективным содержанием. Власть по-настоящему волнует не то, что происходит, а то, как это преподносят и показывают. Еще предстоит в полной мере оценить инициативную миссию российских парламентариев в Грозном. Не случайно президент, а также милицейские генералы, злокачественный думский болтун Жириновский и интеллектуальные «соколы» Ельцина так единодушно накинулись на Сергея Адамовича Ковалева, чей голос из осажденной столицы Чечни, разрывая информационную блокаду, не только опровергает официальную ложь, но разрушает великодержавную конструкцию псевдопатриотизма, опрокидывает варварские стереотипы

и с чистых нравственно-правовых высот указывает подлинно «наших» и определенно «не наших». Ему мы обязаны окончательным прояснением сути происходящего: конечно, не война России с Чечней или русских с чеченцами, а война кремлевских самодуров с народом, и не только чеченским.

Лучше видно и другое: чего стоят, например, утверждения иных политических фанатов о якобы незаменимости Бориса Ельцина в президентской роли. Общая подоплека бесчисленных иезуитских вывертов властей вокруг Чечни — этих сквернейших анекдотов нашего времени — лежит в новом резком витке отчуждения государства от общества. Действующих в иерархической системе лиц отличает невменяемость, свидетельства обстоятельств и голос общественности доходят до них не в собственном адекватном значении, а заранее просеиваются.

Генерал Грачев врет, но врет не только он персонально, его устами врет государство. Генерал Степашин долго молчал (говоря языком его ведомства — «не кололся»), скрывая вербовку военных в Чечню, но в его лице молчала и запиралась тайная полиция государства. Черномырдин лукавил, когда назвал единственным недостатком правительства опоздание с войной, однако вместе с премьером лукавило своекорыстное государство. Лично Шахрай виляет, но в его образе виляет все бюрократическое государство. Канал «Останкино» скрывает, подменяет и искажает факты, но этим занимаются не дикторы, которых мы видим, и не редакторы, которых мы не видим, и даже не только правительство информационное сито, а в их лице — само государство.

Эти лица озвучивают внутреннюю ложь государственного строя. Когда президент публично заявляет о чеченских взятках «некоторым СМИ», а также о корыстных мотивах действий «некоторых политиков», не согласных с правительством, он не только характеризует сам себя, но и обнажает кухонные мозги и кляузническую душу возглавляемого им государства. Когда главный по Чечне — Николай Егоров категорически ратует за штурм Грозного, он демонстрирует свой собственный пещерный кругозор. Но одновременно это и кругозор его государства.

«Мы правильно поступили, что сделали обсуждение закрытым и не пустили на него прессу: там было много такого, что является секре-

том», — заявил спикер Госдумы Иван Рыбкин после первых думских словопрений по Чечне.

Если представитель института власти, существующего для обеспечения осведомленности народа, начинает хлопотать о создании особых зон секретности, значит, он поет с чужого голоса — голоса государства, где парламент прислуживает чиновникам и генералам. Едва ли не лучше было, когда парламент (Верховный Совет) мешал действиям правительства, чем теперь, когда он вообще не может в них вмешиваться. По той же причине «добряк» Рыбкин пожалел президента: ему, дескать, было «нелегко» начать войну, но он выбрал решение, адекватное в сложившейся ситуации. Ситуация сложилась как бы сама собой, а наш герой, как всегда, в критический момент вытаскивает страну из трясины. Сжатое и перекошенное в иерархической клетке политическое поведение оказывается, по существу, сугубо приспособленным. Бюрократическая функция как бы вшивается в индивидуальный образ власть имущих, подчиняя себе этот образ. Здесь уже невозможно то, что сегодня называется сотрудничеством свободных специалистов как единственно эффективный принцип принятия безошибочных решений в сложных условиях.

Войну в Чечне развязали накануне нового 1995 года, того самого, когда будет отмечено десятилетие перестройки. Казалось, пути назад нет, страна необратимо идет к новой цивилизации. Война в Чечне свидетельствует, что мы, в сущности, топчемся на месте. На недавнем высоком общеевропейском собрании Борис Ельцин устроил выволочку европейским лидерам: «Российскую демократию рано хоронить!»

Весьма смелое заявление президента в момент, когда он сам и персонажи из его окружения уже копали на территории Чечни глубокую могилу российской демократии. Тем не менее нельзя согласиться с тем, будто история с военным вторжением в Чечню вся в прошлом: дескать, что было, то было. Полагаю, что основное у этой истории еще в будущем. В будущем, как выразился поэт по иному случаю, «мы поименно вспомним тех, кто поднял руку».

Для демократа, да и для всякого порядочного человека уже не предмет спора — верным или неверным было армейское нашествие на

Чечню. Скорее, это — предмет судебного разбирательства. Действительной же проблемой является поиск и мобилизация общественных сил, способных остановить безумие, обуздать безумцев, организовать возмездие — политическое и нравственное — и обеспечить реабилитацию чести и достоинства страны. Место окончательного разрешения чеченского кризиса расположено в центре Москвы - в тех кабинетах, где принимаются основные политические решения. Тут не только остро не хватает новых хозяев, но насущно необходима радикальная перепланировка помещений. Если авторы безответственных решений действовали структурно, то избавляться необходимо и от этих структур.

*Опубликована с сокращениями
в «Московских новостях», N1, 8-15 января, 1995г.*

Лен Карпинский
Валерий Писигин

Слово о Гефтере

Чаще всего его называли историком. Но о том, каким неполным и беспомощным выглядит такое сугубо профессиональное определение этой выдающейся личности, дал как-то понять сам Гефтер в интервью швейцарскому радио.

Вопрос: Михаил Яковлевич, что значит для вас история?

Ответ: **История — моя профессия, но это и моя жизнь. А стало быть, и то, что я в ней приобрел, и то, что потерял. Чего было больше? Чтобы ответить, нужно бы о многом сказать и назвать немало имен...**

Один из нас познакомился и сошелся с М.Я. где-то в конце 60-х годов, когда последние надежды хрущевской «оттепели» были раздавлены гусеницами наших танков в Праге и перед московскими интеллигентами в который раз встал извечный российский вопрос: **«Что делать?»**

Другой — в начале горбачевской перестройки, когда активно формировалось демократическое движение и той же интеллигенции уместнее было задаться вопросом: **«Чего не делать?»**

Но не только мы можем подтвердить, что многие, и, быть может, лучшие ответы тех лет были рождены на «сходках» в маленькой квартирке Гефтера в Черемушках, под воздействием его необычайно мощного интеллекта. Эти ответы вошли в сердцевину идеологии демократических реформ, которые с середины восьмидесятых, что ни говори, все-таки взяли свой старт.

И тут к самому Гефтеру можно целиком отнести то, что он сказал в свое время об Андрее Дмитриевиче Сахарове:

«То, что сделал Сахаров, — это дал людям “спасающее время”. Не формальную оттяжку, не просто некий срок, который суждено отбыть на этом свете, а смысл бытия в данном застойном временном поле, чтобы осадить, обуздать, разложить и пережить тиранический режим».

Всего за несколько дней до своего рокового часа Гефтер звонил по телефону и после обычных в таких случаях расспросов обо всех домочадцах, вслед за характеристиками действий российской власти в Чечне, неожиданно бросил, как бы вскользь: «Вот и моя жизнь пошла прахом».

Истинный смысл сказанного можно понять, лишь зная Гефтера, исключительно остро переживавшего за все происходящее вокруг. Но здесь примешалось еще и другое. Гефтеру всегда хотелось объять необъятное. Хотя он при этом лучше других представлял себе неприступность универсального. Этот неугасимый утопический импульс — не каприз, а склад гефтеровского ума, необычайно близко стоящего к универсальной природе человеческого мышления в целом.

А каков диапазон его интересов!

Поиски передовой русской мысли XIX века и «Мир Миров» кануна века XXI; Пушкин и Шекспир, Маркс и Россия, народники и Ленин, Герцен и Бухарин; многоукладность предоктябрьской России и современная кооперация; законы эволюции мировых цивилизаций и перестроечная злоба дня, а также многое другое.

Мозг небывалой вместимости тем не менее испытывал тяжелые затруднения, как бы постоянно задыхался от нехватки физического времени, от сопротивления материалов земной жизни, к тому же — спертый воздух социального времени, в котором мыслителю выпало жить: разгром сектора методологии истории, которым руководил Гефтер; уход в середине 70-х из института истории АН СССР на досрочную пенсию; выход из КПСС в 1982 году. Такое «обретение» свободы не приносило освобождения от заботы о хлебе насущном. Жизнь Гефтера — пример острейшего конфликта между беспредельными возможностями и притязаниями духа, действующего в своем собственном

вольном ритме, и затвором косной телесной реальности, в который, увы, от первого до последнего вздоха был заключен мыслитель.

И еще одно, горькое и обидное. Фронтовик-доброволец с 41-го, боец истребительного батальона Красной Пресни, сражавшийся и тяжело раненный на подступах к столице, кавалер ордена солдатской Славы, Михаил Гефтер всего каких-то 3-х месяцев не дожил до 50-летия Победы.

Вместе с тем конфликт внутренний, касающийся индивидуальности Гефтера, мучительно сказывался и на отношениях этой личности с обществом. Гефтер и в самом деле намного опередил свое время. И это не из ряда затасканных выражений, а строгий факт его биографии. Например, все «открытия» перестройки, объявленные «сверху» и приводившие в восторг их авторов, а также часть экзальтированных интеллигентов, для Гефтера таковыми не являлись. В статьях и выступлениях тех лет он как бы недоумевал, огорчаясь: «Ну что вы застряли и сидите на этакой мели? Настоящие глубины еще впереди».

Общаясь с Гефтером, многие улавливали в нем отчетливые черты гениальности. В том смысле, какой вкладывал в это понятие еще Гете: способность все воспринять и соединить в собственное открытие. Он был постоянно как бы погружен в облако новых начинаний, литературных и исследовательских замыслов, новых проектов, набросков, изысканий. И то, что воплотилось, по сравнению с необъятной массой замыслов кажется карликом. Однако открывшие книгу Гефтера «Из тех и этих лет», единственную изданную при жизни автора в 1991 году благодаря заботам энтузиастов-кооператоров из российской провинции, вполне смогут оценить величие этого маленького шедевра. «Былое и думы» Гефтера здесь только заявлены, но заявлены вполне определенно. Поразительная особенность книги в том, что по большей части самиздатские тексты «тех лет», то есть доперестроечного периода, принципиально не отличаются от работ «этих лет», созданных уже в годы дозволенного самовыражения и гласности.

Гефтер всегда работал, как бы забыв о существовании цензуры, не ведая характерной для «просвещенного» советского мозга самоцензуры. В обоих отрезках времени, вопреки огромному их различию, сам

Гефтер - одинаков. Он оставался самим собой. Когда было «нельзя», он думал и поступал так же, как и тогда, когда стало «можно». Поэтому духовное наследие Гефтера исключительно целостно и внутренне едино. Его структура изначально задана суммой главных проблем, поставленных историей перед страной и перед всем человечеством и бесстрашно включенных историком в ход своих мыслей.

В статье о Гефтере его более молодой друг Владимир Максименко точно определил значение опыта М.Я., насущного и для всей современной цивилизации, — опыта «негласного противостояния и самостоянья единиц. Тех, для кого старая задача — "жить не по лжи" — обернулась другим вопросом: “как во лжи — жить?” Как жить, разделяя судьбу своего народа, но отвергая подлог мыслей и самоумерщвление души, на которые толкала "разумная действительность"?»

Десятилетие реформ показывает, что опыт Гефтера оказался весьма плодотворным. И что важно: в этом опыте наработан колоссальный задел и достигнуты такие духовные высоты, к которым мы едва только начали приближаться. Надежды современников Гефтер, можно сказать, оправдал. Однако современники не во всем оправдывают надежды Гефтера. В упомянутом телефонном разговоре, имея в виду вандализм в Чечне, Михаил Яковлевич заметил: **«Это не частность. Что-то на рубеже тысячелетий происходит с человеком...»**

Зная многочисленные суждения Гефтера на эту тему, можно допустить, что он бы мог выразить свою мысль и по-другому: «Человек все еще не произошел. Возможно, он только-только происходит в истинно человеческом образе, но это лишь предположение, скорее желаемое, чем действительное». Несмотря на все уроки XX века, не произошло формирования, как выражался Гефтер, нравственности мозга, то есть органичного самому мышлению свойства согласовывать и проверять свои поступки и действия с нравственным императивом. Несметные стада лишенных этой способности, так называемых «неполных людей» (Герцен), карабкаясь по лестницам разбухших властных структур, забрались на подмости мировой истории и взывают оттуда: «За нами!» В этом новом нашествии варваров Гефтер видел смертельную опасность для всей человеческой цивилизации на выходе XX века, и

особенно для сохранения и благоденствия России, испокон веков терзаемой чудищем бюрократии.

Как историк, более того — специалист по философии истории, Гефтер мог бы жить-поживать в прохладной тени отвлеченных понятий, безмятежно созерцая «твердую поступь истории». Но не было для него более чуждой и враждебной философии, особенно в отношении человеческой истории, чем это хамство «общих соображений», которыми в чисто эгоистических целях попирают и топчут живое отдельное, частное, конкретное и индивидуальное. Когда, ссылаясь на «поступь истории», уничтожают человека. Во всех своих звеньях историческая философия Гефтера перекликается со знаменитой строкой поэта: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

Особенное омерзение нынешней чеченской войны Гефтер видел в упрямых, хотя и неуклюжих попытках ее поджигателей оправдать разбой некими высшими интересами. Сильнейшее негодование у него вызывали заявления новоявленных великодержавных милитаристов и их политических адвокатов, вроде того, что колесо истории, повернувшись, сотрет в памяти россиян конкретные страдальческие черты чеченской трагедии, бесчисленные кровь и смерть, надругательства над людьми, оставив взамен нечто «великое единое целое». Он считал подобные доводы лежащими за пределами обсуждения, подлыми по мотивам и спекулятивными по существу.

«...Если б довелось мне успеть сказать последнее слово, то (да простят мне близкие, мною любимые) этим словом было бы сейчас — о м е р з е н и е».

Это чувство оказалось «впопад» (гефтеровское слово!) с настроениями многих и уже не раз цитировалось. Но Гефтер не был бы собой, если бы, вслед за тем как прозвучал его «голос из вынужденного одиночества», не постарался использовать еще один шанс. И как только вернулись силы, он пишет свой последний проект — «Кодекс Гражданского Сопротивления», — в котором выдвигает проблему «упреждающего сопротивления».

«Окраинный Грозный, — пишет Гефтер, — испепеляемый, с небранными трупами на улицах, подвел черту. Нет, он не упразднил (по-

ка?) все новшества, клонящие к демократизации. Но он обнаружил с пронзительной силой их НЕДОСТАТОЧНОСТЬ. И их **несоединяемость** в солидарный заслон — без особого усилия, которое, не требуя от его участников тождества во взглядах, позволит им, однако, совместно оградить граждан России от авторитарного беспредела».

«Упреждающее сопротивление — вот проблема внутри всех проблем», — считает Гефтер. «Опоздание опасно и преступно. Иллюзии сотрудничества с хозяевами Кремля на условиях, ими же диктуемых, уже вчера достигли степеней регулярного самообмана, сегодня же прямо поощряют обман, какой силится достичь любого человека и завладеть им».

И далее М.Я. формулирует некоторые исходные положения Кодекса, в том числе следующие:

«Насилие является едва ли не самой драматичной коллизией современности. Масштабы и суть его сугубо непросты и вряд ли могут быть ограничены невиданным ростом преступности, ее набирающей силу организованностью и просачиванием во все эшелоны власти. Это лишь верхушка айсберга, придонное основание которого — спазматический быстрый разлом привычных ценностных ориентиров. Страх встает в общую строку с вожделениями скорой наживы и с высвобождением инстинктов, подавлявшихся десятилетиями, но не уничтожимых по самому происхождению своему...»

В идее Гражданского Сопротивления Гефтер видел гигантский по своей потенции «феномен антинасилия». **«Гражданское Сопротивление освобождает от массового страха и дает выход энергии суверенности и отпора, направляя ее в русло предметно реализуемой инициативы. Особенно сказанное, — подчеркивал Гефтер, — относится к молодежи».**

Будет ли этот последний гефтеровский проект услышан? И если да, то не окажется ли еще одним «невпадом»?

Михаил Яковлевич часто говорил и писал вопросами. Их в его текстах, в его размышлениях, пожалуй, больше, чем ответов. Новыми вопросами он как бы раздвигал диапазон человеческих проблем. Он и молодых призывал: **«Спрашивайте! Но ответ вам придется добывать**

самим, беря на себя и тяготы добывания, и ответственность за найденные решения — перед теми, кто будет после вас».

...И вот мы — уже «после него». А он, обзревавший «Мир Миров» и всю жизнь старавшийся понять «страну стран», лежит перед нами спокойный, такой маленький и беззащитный, столь много думавший о смерти и о том, «каково там». И он как бы говорит нам: «Простите. Вот и я ухожу...»

Простите и Вы нас, наш дорогой Михаил Яковлевич, наш дорогой М.Я.

*«Московские новости», N13,
19-26 февраля, 1995г.*

Лен Карпинский
Валерий Писигин

К годовщине со дня смерти В. А. Тихонова

16 марта исполняется ровно год, как ушел из жизни Владимир Александрович Тихонов — ученый, общественный деятель, лидер новой российской кооперации.

Тихонов был человеком необычайной скромности и огромного внутреннего обаяния. Кроме того, он был наделен поразительной добротой, столь счастливым и редким сегодня даром. Это знают и помнят все, кого Владимир Александрович одарил своей дружбой, знакомством, деловыми и партнерскими отношениями. Но ценность любого деятеля не ограничивается лишь душевными добродетелями или пороками. На поверхности всегда остается вопрос: а что он оставил после себя?

И в этом отношении Тихонова можно назвать одной из ключевых фигур в десятилетии российских реформ. Он был одновременно и их пророком, и их чернорабочим. Владимир Александрович не только глубоко изучал причины возникновения и векового господства государственного монополизма в России, не только искал способы и возможности его мирного демонтажа, но он сумел воплотить свои академические наработки в реальную политэкономическую доктрину, приняв самое непосредственное участие в выработке и утверждении самого радикального и, на наш взгляд, самого значительного документа десятилетия — Закона о кооперации в СССР.

Но и это еще не все. После принятия этого закона, высвободившего огромную созидательную энергию миллионов людей, Владимир Александрович возглавил движение кооператоров страны, став президентом Союза кооператоров СССР, реформированного затем в Лигу

кооператоров и предпринимателей России. И спустя год с того дня, как В.А.Тихонова не стало, в то время как Россия все глубже вязнет в трясине периферийных войн и столичных политических «разборок», в то время как все чаще и активнее заявляет о себе навязчивая «безальтернативность», — самое время вспомнить человека, стоявшего у истоков действительной демократической альтернативы, и саму эту альтернативу - новую кооперацию.

Главным врагом демократических реформ в стране, по мнению Тихонова, была и остается монополия. Разлагающую роль всякого монополизма он объяснял предельно просто: «Сравнить его не с чем, и конкурировать с ним некому». Особую злокачественность хозяйственной монополии советского типа Тихонов усматривал — и в этом был прав — в ее всеохватывающем, всепроникающем характере.

Монополия — не только всевластие центра, но также принцип построения и действия всей социально-экономической структуры, её, если можно так сказать, руководящий дух, укорененный во всех разветвлениях, на всех этажах и в каждой из бесчисленных ячеек иерархической системы. Живя в этих ячейках уже как бы автономно, независимо от состояния целого, монополизм, к удивлению наших реформаторов, странным образом сохранился, несмотря на весьма радикальные перетряски экономики, в результате которых старая система была раздроблена на части.

Вот почему либерализация цен, вместо устранения характерного для монополии ценового произвола, — лишь распространила подобный произвол на все уровни хозяйственной жизни, вплоть до самых нижних. Вместо одного или нескольких деспотичных центров, назначающих цены, страна получила миллионы мелких деспотов («не с кем сравнить, и некому конкурировать»), залезающих в карманы потребителей повсеместно, постоянно и в массовом масштабе.

Вторую злокачественную особенность отечественного монополизма Тихонов усматривал в сращивании ведомственных экономических монополий с аппаратом политической и административной государственной власти. Иными словами, в полном огосударствлении и политизации экономики. Не диктат производителя над потребителем, а

диктат чиновника над ними обоими — вот в чем корень зла. Последовательная критика Тихоновым «государства на каждом шагу» представляется в высшей степени актуальной. Столкнувшись с объективными сложностями, а также с естественным возмездием за субъективные ошибки в проведении рыночных реформ, многие бывшие либеральные реформаторы в панике бросились назад к государству, под его укрытие и опеку (в действительности — к нему в рабство). Когда Тихонов слышал что-нибудь вроде того, что «государство может все», он незамедлительно реагировал: **«Я вам скажу: лучше частник, который людей кормит, чем государство, которое и петь — не поет, и есть не дает».**

Государство, непосредственно командующее хозяйством, всегда преследует интересы и цели не хозяйства, а свои собственные. Этим оно разрушает и истощает экономическую жизнь, питаясь ее соками для сохранения и воспроизводства стоящих над народом бюрократических структур. Государство, заведующее экономикой безраздельно, то есть монопольно, заведует ею и беззаботно, так как живет совершенно другой, внеэкономической, жизнью.

По мнению Тихонова, нельзя добиваться реального укрепления государства, то есть совершенствования присущих ему функций и задач, не стремясь одновременно к его устранению из тех сфер гражданского общества, где государству категорически нечего делать, где его назойливое пребывание просто смерти подобно для страны.

Важно вспомнить Тихонова и его дело еще и вот почему.

В последнее время среди интеллигенции, в том числе либеральной, стали усиливаться сомнения в самой возможности, а значит, и в целесообразности демократического устройства нашего общества. Режиссер Марк Захаров, в частности, рассуждает на страницах «Известий» от 11 марта о «необходимости особого временного законодательства и особого силового прикрытия демократических реформ в переходный период», а Леонид Радзиховский пишет (в «Известиях» от 7 марта) о необходимости установления в России «просвещенного авторитаризма»... На последнем тезисе остановимся подробнее.

Радзиховский, приводя исторические примеры социальных реформаторов различных направленностей (от Александра II до Сталина и Горбачева), утверждает, что мотором и субъектом всех реформ, а также «единственной силой в стране является бюрократия и связанные с ней денежные мешки». Эта безальтернативность бюрократической системы, по словам Радзиховского, «особенно ярко проявляется, когда сама бюрократия впадает в «ступор», как в 1917-м или в 1991-м, а сменить ее физически просто некому. Видна эта безальтернативность и по той карикатурной картине, которую представляют собой все чахлые ростки гражданского общества в России. Почему это так, какие свойства русской почвы делают ее невосприимчивой, каменно-мертвой для семян гражданского общества — особый вопрос». И чтобы не утруждать себя ответами на этот «особый вопрос», следует вывод: «Если у России и есть на кого надежда в обозримом будущем, то только на "хорошую", государственно мыслящую администрацию».

Не на шутку напуганные жириновскими, веденкиными и баркашовыми, разочарованные радикальными реформаторами, а также народом, наши мыслители уже бросились идеологически обслуживать набирающую силу авторитарную власть, стремясь найти и её «высокое» расположение, и нелишнее покровительство.

С народом и «русской почвой», вообще, в самом деле проблемы немалые. Равно как и с демократическими реформами. Но в действительности именно российская бюрократия всякий раз воссоздает «каменно-мертвую почву» для семян гражданского общества. Вспомним историю новой кооперации 1987 — 1990 гг.

Какая еще страна могла похвастать таким безудержным темпом развития частной инициативы и предпринимательства?

Тогда многие говорили об отторжении обществом кооперации. Но знающие люди уже тогда понимали: это миф. Отторжение кооперации обществом носило эпизодический и кратковременный характер. Другое дело — государство. Именно оно, в лице чиновников, объявило настоящую войну кооперации, стало ее могильщиком. Может, неуместно, но стоит вспомнить имена видных сегодня бизнесменов Рыжкова и Павлова, которые в те времена с таким рвением боролись за «чистоту»

вхождения в рынок, что буквально разрушали негосударственный сектор экономики, загоняли его в подполье.

Надо вспомнить и радикалов гайдаровского призыва, которые без передышки говорили о «демократии» и свободе, но лишь до тех пор, пока речь не заходила о главном: о поддержке кооперации и малых форм хозяйствования. В ответ всегда раздавалось наукообразное: «Никаких эксклюзивов!» (Так отвечал, в частности, бывший министр экономики Нечаев на просьбы В.А.Тихонова поддержать кооперацию.) Ну а сегодняшняя «государственно мыслящая администрация» про какую-то там кооперацию даже и не вспоминает.

Тихонов же, напротив, считал, что развитие демократии, борьба с монополизмом и состоят в самом настоящем «эксклюзиве» по отношению к кооперации, а значит — к человеку и его свободному труду. То, что народ оказался невосприимчивым к демократическим реформам, такой же миф, как и якобы неприятие им кооперации и рынка вообще. В течение нескольких лет в кооперацию пришли миллионы людей. Рассчитавшись с казенным сектором экономики и взяв для первоначального капитала свои «выходные пособия», они бросились в рыночную стихию, формируя собой почву для демократии.

Новая кооперация становилась действительной альтернативой, своего рода национальной идеей и тем, что называется «особым путем» России. В ней выражался настоящий, а не «квасной» патриотизм: «Не хотим быть бедными в бедной стране!»

Кооператорами были созданы свои региональные и межрегиональные структуры, ассоциации, кооперативные банки и банковские союзы. Они создали товарные и финансовые потоки и стали заменять ими железные скрепы, которыми была столько лет насильно скреплена гигантская империя. В центре этого мощного созидательного движения находился Владимир Александрович Тихонов.

В 1987 году было произведено товаров и услуг на 349,7 миллиона рублей; в 1988 – на 6,1 миллиарда; в 1989-м – на 40,3 миллиарда. За два года объемы товарооборота выросли в 116 раз! Это увеличение объема производства и продажи товаров и услуг производственными кооперативами осуществлялось тогда, когда начался прогрессивный распад го-

сударственной экономической системы. (Посмотрите, чем хвастается сегодня Чубайс.) 4,8 миллиона человек нашли применение своим силам и способностям в кооперации. Вместе с семьями это составляло более 15 миллионов человек. Как не похожи были те лица на сегодняшние лица «новых русских». Начав с нуля в 1987 году, кооперация к концу 1989 года дала около 5 процентов всего валового национального продукта. Много это или мало?

В.А.Тихонов отвечает: «Конечно, в масштабах страны не так уж и много, если не забывать, что это достигнуто всего лишь за два года, и добавить, что все это получено без единой копейки государственных дотаций в любых формах, без единого рубля государственных инвестиций. Да к тому же еще в постоянной борьбе, а то и в войне с государственным аппаратом снизу доверху, с лживыми обвинениями и клеветой, произволом властей и карательных органов, мракобесами из черносотенных изданий».

Слышите ли вы, адвокаты «просвещенного авторитаризма» и разочарованные странники демократии, эти тихоновские слова? Ни о чем они вам не говорят, ни на что не подвигают?

Тихонов и при жизни оставался неслышанным, переживал, расстраивался. Но его можно вполне назвать счастливым человеком, потому что он видел свою правоту, причем не абстрактно, а реально. И прежде всего в тех свободных людях, которые сотнями и тысячами приходили к нему на Токмаков переулок, и в тех делах, которые эти люди совершали, в тех надеждах, которые ни на минуту не покидали (и не покинут!) первых свободных людей новой России.

«Московские новости», N17, 12-19 марта 1995 г.

Лен Карпинский

Демократия: периода отлива

Отмечая десятилетие реформ в стране, именно либерально-демократическая интеллигенция — в отличие от нынешней власти — должна признать и подчеркивать свою кровную связь с перестройкой горбачевского периода. Сегодняшние российские правители, толкающие страну к авторитарной реставрации, склонны отмежеваться от начальных этапов демократического обновления, изображая дело так, что только ельцинская группа, окончательно завладев страной после августа-декабря 1991 года, начала настоящую реформаторскую деятельность.

Парадоксально, но пионерский нигилизм политических нововведений в определенном смысле символичен, поскольку практически они предстают наследниками не перестроечных процессов второй половины 80-х годов, а предыдущего застойного состояния. Режим Ельцина все нагляднее демонстрирует свое генетическое родство с режимом Брежнева на его закате. Это и явное вырождение персонального облика высшей власти, и грехопадение номенклатуры с ее патологическим стремлением к криминальной роскоши, и беспробудное вранье правительственных чинов, и срастание экономики с мафиозными структурами, берущее начало с брежневских времен, и полицейский прищур власти в отношении с народом, и многое-многое другое.

В то время как кремлевские управляющие во главе с Ельциным полагают, что им удалось подняться выше и шагнуть дальше перестроечных достижений, — новая демократическая оппозиция видит угрозу потери достигнутого и скатывания общества в доперестроечную пропасть. Она считает себя обязанной защищать такие несомненно ценные рубежи, как свободные выборы, разделение властей и формирование

основ парламентской системы в целом, гласность и независимая пресса, утверждение политического плюрализма, приоритет права в жизни государства и общества, твердое заявление о приоритетности прав человека, признание равноправия всех форм собственности, включая частную, и другие демократические ценности, без которых вхождение России в цивилизованное общество невозможно. Но именно поэтому демократы-интеллигенты не могут не думать о своих собственных ошибках. Сегодняшний не очень веселый итог десятилетнего демократического процесса, когда он, в сущности, остановлен, обусловлен не только объективно. Он закономерен, но нельзя думать, что был фатально predetermined. Были и остаются альтернативы, существовали и существуют варианты. Много зависело и зависит от демократических лидеров и от широких слоев демократической интеллигенции.

Итак, в чем заключались ошибки демократов горбачевского и более позднего периода?

Теперь я думаю, что демократическая интеллигенция начальной перестроечной волны не особенно гордится эффективностью своей интеллектуальной работы. До сих пор считается, будто умственное обновление общества в результате критической деятельности интеллигенции было всеохватывающим и глубоким. На самом деле теоретический старт перестройки был весьма слабым. Аналитические изыскания интеллигентов-перестройщиков во многих случаях являлись как бы приложением к стихийным митинговым страстям и укладывались в формулу «Долой!».

Разоблачение тоталитарного режима с целью его низвержения, дискредитация его исторических оснований не исчерпывали задач проектирования демократического будущего. Реального проекта перестройки общества, в сущности, не было. Вместо него были выдвинуты абстрактные идеалы экономической свободы и политических прав человека безотносительно к тому, на какой фактической почве они должны были вырасти, через какие неизбежные национальные осложнения пройти.

Все твердили о том, что надо бы эту систему «завалить», но не постарались предусмотреть, каким образом она будет падать, как имен-

но «валиться», какие уродливые позы и причудливые гримасы примет в ходе довольно длительной исторической агонии, пытаюсь как-то выжить. Например, характер и последствия номенклатурной приватизации в достаточной мере обнаружались лишь недавно, главным образом после публикаций Г.Водолазова и Ю.Буртина, хотя заранее было ясно, что рыночная экономика у нас будет рождаться в совершенно иных условиях, чем в свое время на Западе: не от самостоятельных крестьян и не от городских ремесленников, не от торгового капитала, а из тела государства как такового, из его же структур и на почве его институтов.

Рынок и демократия, вырастающие из бюрократии, — это нечто совершенно уникальное. Государство зацепилось за рынок, более того — удержало в рынке и собственности господствующие позиции. И что же, опять «умом Россию не понять»?

Теперь нельзя не замечать, что рынок с командными высотами в руках авторитарной диктатуры не лучше, чем экономика нэпа с командными высотами в руках диктатуры пролетариата. Реалиям тоталитарной системы демократические лидеры перестройки слишком долго противопоставляли «идеалии» свободы в виде некоторых отвлеченных символов. Никто из демократов, собственно, серьезно не вникал в проблему «переправы на тот берег цивилизации». Такая самоуверенность демократической интеллигенции принесла достаточно горькие плоды. Отто Лацис недавно писал в «Известиях», что беды общества, идущие от длительного засилья тоталитарной хозяйственной системы, теперь сваливаются на реформаторов. Да, вина тех, кто совершил поджог и раздул пожар, несопоставима с ответственностью тех, кто пытался, хотя и не без ошибок, загасить пламя. Только и при тушении пожара могут, например, броситься выносить мебель, в то время как дети и старики еще остаются в горящем здании.

В сущности, ваучерный этап приватизации на самом деле поставил бюрократический заслон вхождения в собственность широких масс населения. Предстоит заново формулировать задачи и методы проведения экономической реформы. Правительственные уверения, будто мы уже почти «выкарабкались», не следует принимать всерьез. Это не более чем предвыборная самореклама.

Не была осмыслена демократическими идеологами и вся глубина социально-психологической деформации населения, прожившего многие десятилетия в аномальных условиях советской казармы. Не была оценена вся мера, если хотите, его душевной и умственной «инвалидности». Поэтому оказались преувеличенными гуманитарный, реформаторский потенциал народа, его возможности быстрого распрямления и выхода из состояния крепостной зависимости от государства. Дело в том, что тоталитарное государство выступало не только как деспот, но и в качестве опекуна, обеспечивавшего кое-какое кормление «за выход» к рабочему месту. Миллионы пристрастились к такой замаскированной «халяве», и она глубоко внедрилась в образ советской жизни.

Словом, приходишь к выводу, что либеральная демократическая интеллигенция оказалась несостоятельной именно в выполнении своей интеллектуальной функции идейного лидера реформ.

Почему?

Думаю, потому, что сама эта интеллигенция, вопреки собственным декларациям, во многом проявилась как наследница большевизма, с присущим ему самомнением, убежденностью в абсолютной правоте своих суждений, в возможности «все сотворить» одним большим скачком, посредством волевого усилия. В этом смысле перестроечная интеллигенция шла в русле старой революционно-демократической традиции наивного и губительного мессианства. Мы стали свидетелями (и участниками) некоего донкихотства, или, если больше нравится, шапкозакидательства. Как в свое время пел известный певец Поль Робсон: «Ай да ребята, жизнь по-своему переделывают!» Вот это сознание, точнее, подсознание «героической кичливости», думаю, в значительной мере ослабляло наши позиции.

Общий цикл десятилетнего процесса — скачок вперед и затем довольно резкий откат по многим линиям назад — мне представляется действием некоторой внутренней исторической пружины: длительное время тоталитарная система «въедалась» в человека, который, получив, в свою очередь, возможность свободно действовать, уже из самого себя начал развертывать стереотипы и отношения, прочно заложенные в него тоталитарным строем. Основное поле ошибок интеллигентов-

демократов в перестроечном процессе — если допустимо говорить об ошибках, а не о чем-то более серьезном — лежит в области отношения к власти. Той власти, которую интеллигенты вроде бы разрушили, но в которую фактически стремились попасть сами. Собственно, повторилось зачатие многих классических революционных потрясений: «карьера через революцию». Причем карьера именно бюрократическая — в той же самой структуре властных коридоров и кабинетов, которыми революционеры стремятся завладеть.

В первые перестроечные годы в ниспровергатели КПСС записывались толпами. Любой мелкий госслужащий, рассчитывающий спрямить свой путь вверх, любой научный сотрудник, ошивающийся без дела в какой-нибудь гослаборатории, в одночасье становились демократами, мечтающими не о разрушении властной системы, а лишь о вытеснении из ее гнезд бывших своих начальников и замещении созданных вакансий. В этом и заключена тайна поражения (надеюсь, временного) демократического движения. Овладев аппаратом власти в ее прежнем бюрократическом виде, демократы быстро мутировали и перерождались в новую, молодую смену той же бюрократии. В этом, между прочим, тайна выдвижения Ельцина к вершине власти и последующей фетишизации этой фигуры. Собственно, все в лагере прогрессивной интеллигенции видели угрожающие изъяны в этом человеке, сохраненные им от своего партийно-фараонского происхождения. Тем не менее даже демократы-интеллигенты высшей пробы всеми силами выдвигали Ельцина, закрывая глаза на его пороки и считая, что все окупится, когда вслед за этим человеком к власти придут и они, когда он их подтянет на ключевые позиции в новом государстве. Возьмите хотя бы пару Ельцин и Бурбулис или многих других демократических деятелей перестройки.

Ничего удивительного, между прочим, нет в том, что демократия рассматривалась интеллигенцией не только как самоценность, но и как средство чисто чиновничьей карьеры. Движение, одухотворенное даже самыми светлыми целями и идеалами, никогда не бывает свободно от хлопот его участников о «себе любимом». Демократ рассчитывает най-

ти в демократическом устройстве власти определенное положение и для себя лично.

Хождение демократов во власть и их превращение в заурядных чиновников-корыстолюбцев привели к тому, что прежде такая уважаемая в народе категория, как демократия, быстро обернулась презираемой «дерьмократией». Да и, кроме того, сама финансово-экономическая политика, посвященная спасению государства, а не народа, мало укрепила авторитет демократических ценностей. Интеллигенты, обожающие государство, так торопились в начальники, что забыли о необходимости радикального преобразования властных структур. Для перестройщика с карьерными установками как раз и не нужен был слом тоталитарной государственной машины. Нужна была ее незыблемость. То есть сохранение и умножение мест, которые можно было в ней занять. Поэтому энергия демократического движения парадоксальным образом превратилась в наращивание бюрократических материй — одно из удивительных свидетельств закона превращения форм энергии и материи в обществе.

Демократическое движение увязло в бюрократическом болоте. Колоссальный рост российского аппарата чиновников даже по сравнению с союзным — факт общеизвестный. Но откуда взялись энергия и материал для такого роста?

Это и есть материал и энергия вторжения во власть армии перестроечной интеллигенции. Такова насмешка истории.

Ну, допустим, что эти и еще многие ошибки были совершены интеллигентами-демократами, возмнившими себя в очередной раз лидерами исторического процесса. Но что делать? Вечный российский вопрос. Я вижу ряд возможных подходов к решению этого вопроса. Один: как бы от поговорки — «повторение — мать учения». Начнем делать то, что делали, но избегая прежних ошибок и, наоборот, развивая продуктивные начинания.

Второй подход может быть приблизительно определен по известной формуле: «пойдем другим путем». Иначе говоря, попытаемся строить демократическое общество не через власть и не в сфере власти, а прежде всего через обыденную ткань самой жизни, в области прозаиче-

ской повседневности, если хотите, на житейском уровне. Это и уровень местного самоуправления, и решение региональных проблем, сгущенных вокруг многообразных человеческих интересов.

Думаю, что на практике должен быть реализован смешанный вариант. Российская демократия, строившаяся десять лет с разными показателями успеха, требует своего продолжения. Должна быть, конечно, продолжена работа интеллигенции по самопознанию российского общества, особенно прогностическая деятельность.

Массовая независимая пресса все-таки должна покончить с пренебрежением к анализу, теории. В том числе во многом заново предстоит обсуждение национальной модели экономических реформ. «Рынок», который образовался как обмен властными возможностями внутри различных подразделений номенклатуры, это совсем не то, к чему стремились демократические силы.

Опять же, должно быть продолжено, а то и возобновлено «хождение во власть» — в смысле отстаивания конституционных норм, касающихся своевременных перевыборов парламента и президента. Не исчезают опасения насчет попыток президентского окружения и самого президента, после того что они наделали в Чечне, избежать оценки избирателей, которая, разумеется, будет нелестной.

Итак, выборы во что бы то ни стало. В сроки, назначенные Конституцией. Это очень важно. Вообще, формальную, процедурную сторону демократии надо отстаивать перед лицом большевистско-ельцинской традиции попирающей закон ради пресловутой «политической целесообразности». Нелепыми выглядят ссылки некоторых интеллигентов на отсутствие альтернативы Ельцину. Конечно, Ельцин вошел в историю, тут нет вопроса. Вопрос в другом: что нужно сделать, чтобы он поскорее из нее вышел и, таким образом, опять бы появились шансы на демократическую Россию. Кто придет на смену Ельцину — решат избиратели. И это решение относится к будущему. К настоящему же относится нечто иное: то, что Ельцину категорически больше не место в президентах.

Отстоять сроки выборов и обеспечить победу новых людей — не единственная задача. Существуют значительные возможности расши-

рения правового пространства, укрепления плацдармов демократического развития. Подлежит существенной корректировке сама конституция, принятая впопыхах под нынешнего президента. Нельзя, конечно, дальше мириться с позорным бессилием парламента, который лишен власти не только пресечь хулиганские действия правительства и президента в Чечне, но даже пригласить министров к себе и выслушать их объяснения. Такая разбалансированность функций ветвей власти ничего общего с демократическим строем не имеет.

Многое предстоит поменять и в организации регионального управления, в устройстве власти на местах. Речь давно идет, например, о выборности губернаторов, которые бы несли ответственность перед своим населением, а не только перед кремлевской бюрократией. Наряду с расширением выборности и подотчетности власти, продвижением в жизнь судебной и армейской реформ, возникают задачи социальной защиты ослабленных слоев населения. Неверно, что демократы отдали проблему на откуп коммунистам и прочим патриотам-государственникам. Либеральная интеллигенция имеет свои представления о социальной защите: не вопреки, а именно благодаря рыночной экономике. Это не государственная опека, а социальное обеспечение с помощью доходов предприятий, через разные фонды накопления, созданные в условиях рынка.

Несколько соображений о второй линии демократической работы — на почве реальных жизненных нужд и органичных общностей населения. В «Общей газете» под рубрикой «Балаганчик» была напечатана заметка о неожиданной деятельности Геннадия Бурбулиса, кажется, в Саратовской области, где он занялся конкретными вопросами школьного образования, а также жилищным строительством, системой услуг и торговли, то есть обыденными заботами людей. Рубрика «Балаганчик», видимо, указывает на некоторую курьезность такого персонажа, как Бурбулис, чей образ не вписывается в прозаические занятия. Но на деле здесь заложен и развернут большой смысл: открыта важная стратегическая перспектива демократических усилий. Тем более что политические оппоненты демократов действуют на этом направлении весьма активно. Недавно состоялся «Конгресс русских общин», образовавший «Союз

русских общин» как общественно-политическую организацию, претендующую на власть. Это серьезно, так как акция составлялась не на пустом месте, а на почве уже имеющихся формирований, устойчивых общностей.

У нас, например, есть союзы потребителей, основанные в свое время по инициативе академика Петракова. Есть, между прочим, союзы вкладчиков, не прогоревших, а преуспевающих, как первичный тип частного собственника, предпринимателя, действующего на бирже ценных бумаг. Существует масса клубных объединений, созданных по жизненным интересам людей. Вот здесь и должна гнездиться работа демократов, отсюда строятся демократические структуры.

*Опубликована с сокращениями
в «Московских новостях», N32,
7-14 мая, 1995г.*

Валерий Писигин

Государство вчерашнее, Преступность — сегодняшняя

После очередного убийства какого-нибудь крупного бизнесмена начинаются громкие стенания по поводу разгула преступности и неприменная апелляция к высшим должностным лицам, к государству вообще, с требованием защитить отечественный рынок от обнаглевшей мафии, уберечь банкиров и крупных предпринимателей от посягательств на их жизни... Высшие должностные лица, в свою очередь, кивают всепонимающе и обещают прекратить беспредел, поймать, наказать, создать условия...

И действительно, милиционеров становится все больше, их обмундирование дороже, внешний вид суровее, законы строже, а заявления все увереннее и увереннее – «Покончим! Остановим! Обуздаем!». А с другой стороны, все больше телохранителей и бронированных лимузинов, подбираются все опытнее и опытнее кадры, обеспечивающие безопасность своих толстосумных шефов, все бóльшие статьи расходов на безопасность...

Воз же и ныне там.

Слышится за этим нескончаемым обреченно-траурным маршем не только самоуверенное: «Убивали, убиваем и будем убивать...», но и снисходительная, еле слышная подсказка всем нам: «...пока вы, дураки, своими набриолиненными головами не начнете думать и не поймете наконец, в чем собственно дело!»

А дело вот в чем.

Все существующие государственные институты, включая системы МВД, госбезопасности, прокуратуру и суд, — являются составной и неотъемлемой частью обанкротившегося тоталитарного государства, главной задачей которого было все что угодно, но только не защита

частной собственности и собственников вообще. Мы с полной уверенностью можем сказать, что задачи государства были прямо противоположные: отчуждение собственности у ее законного владельца с последующей защитой этой собственности (уже как «социалистической») от посягательств кого бы то ни было. Десятилетиями этот удивительный организм пестовался, вышколивался и утверждался, его безраздельным полем деятельности была империя от Шанхая до Мадрида, а в отцах у него были такие особи рода человеческого, что безвредно демонтировать эти конструкции под силу лишь редкостному таланту.

Государство — штука устойчивая, а традиционное авторитарное Российское государство, кажется, вообще неменяемо, причем ресурсы нашего государства к своему воспроизводству поистине неисчерпаемы. Здесь на службу могут быть призваны любые идеологии, на его фасаде могут развеяться самые разные флажки и транспаранты, использованы самая экзотическая атрибутика и уникальные филологические изыски. Суть же остается неизменной: монополия на любой общественный и частный процесс, на всякую инициативу и совершенный произвол в отношении подавления этих инициатив.

Эта тысячелетняя практика под влиянием всевозможных причин и следствий (каких именно — мы не касаемся) оказалась обанкротившейся и, для своего выживания, вынуждена была уступить место некоторым экономическим свободам для некоторых своих подданных. Но это вовсе не значит, что государственные учреждения изменили свои основные родовые функции, это не значит, что правящие институты в одночасье превратились в полноценных защитников прав и свобод граждан, тем более частного капитала, тем более крупного частного капитала. Наш отечественный бизнес, как, впрочем, и оргпреступность, есть составная часть новой реальности, новой жизни. Может показаться парадоксальным, но при наличии у того и у другого своей страны, — как бизнес, так и оргпреступность не имеют своего государства.

Обветшалое государство пытается (и не безуспешно) реанимироваться, а новое еще не выстроилось, не структурировалось. Мало того: о его необходимости никто не говорит вообще, а еще меньше — об этом думают. Но если от оргпреступности ожидать подобных инициатив

нельзя (не станут же бандиты создавать институт борьбы с собою же), то почему о необходимости государственной трансформации молчат наши бизнесмены — не совсем ясно. То ли от невежества, то ли, может, им выгоднее жить без своей законной «крыши»? Ведь в этом случае наши бизнесмены, равно как и оргбандиты, находятся как бы под шапкой-невидимкой. Их действительная деятельность слабо или вообще никому не видна, кроме них самих. И обществу, и государству заметны эти инородные тела лишь тогда, когда шапка-невидимка неожиданно срывается: пулей, ядом или еще как-то. Только тогда и поднимаются проблемы, но, увы, до очень невысокого уровня: например, как снова эту шапку-невидимку надеть. Тогда только и возникают претензии к государству и настойчивые челобитные высоким чиновникам. А при чем здесь чиновники?

Вам, господа бизнесмены, по целому ряду причин не просто позволили жить, но даже подпустили к рынку, а кое-кого — очень даже близко. Но это не значит, что вас в этом рынке должны защищать. Защищать себя вы должны сами и прежде всего использовать свой потенциал, и не только духовный, для организации своей власти и формирования новых государственных институтов.

Речь не о том, чтобы привести к власти своего ставленника, выдвигенца или рекрута. Свой, карманный, президент или премьер-министр — мечтания многих. Да только такой мелочью не обойтись. Если хотите жить, то надо решать вопрос о глубинной трансформации всего государства в целом.

Не сможет ни ваш Ельцин, ни ваш Черномырдин, ни вся нынешняя система МВД, ни система безопасности вообще решить чужеродные для себя проблемы. Туда, в эти ржавые и бездонные государственные ёмкости можно закачать хоть бюджет США — результат будет тот же. Образно говоря, мы можем увеличить в сотни раз количество мышеловок, даже сделать их золотыми, а на приманку, вместо старого сыра, класть черную икру — мы никогда не поймем даже одного волка, а ведь именно с волками сейчас приходится иметь дело. Вот в чем вопрос.

Итак, бизнесменов стреляют волки, а они апеллируют к власти, которая ничего другого, кроме мышеловок, предложить не может. И, гонимые страхом и инстинктом выживания, взывая к усилению силовых и карательных ведомств, наши предприниматели невольно способствуют реанимации (а не трансформации) силовых структур и структур сыска, которые, в свою очередь, являются испытанным инструментом отчуждения и присвоения частного капитала. Я уже не говорю о том, что в указанные «мышеловки» попадают люди, много людей, что продолжает существовать среда для воспроизводства чрезвычайных ситуаций, воссоздается и формируется политическое поле, в котором нет места для частной инициативы и свободного предпринимательства.

Что делать?

Прежде всего, серьезно размышлять над проблемой. Можно потратить миллион долларов на поиски убийцы, но можно и нужно тратить не меньше на то, чтобы поднять саму проблему трансформации обанкротившегося авторитарного государства, на то, чтобы разработать и выдвинуть четкую концепцию такой трансформации. Надо внимательно посмотреть на тех политиков, которые способны и готовы к решению подобных задач, и привести этих политиков к высокой власти. Образно говоря, нашему бизнесу надо определиться, чья именно политическая выделка стоит шкур. Здесь скупиться — себе дороже. Ведь всем известно, о чьих именно шкурах идет речь.

Только тогда новая экономика, свободный бизнес, а вместе с ним и российская демократия получат **свое** государство, а оргпреступность — своего неминуемого могильщика.

10 августа 1995 г.

Валерий Писигин

Простые рассуждения об одном сложном чувстве

Никогда еще человек из наших Сальских степей
не поднимался на такую высоту!

*Из интервью с земляком Николая Тимофееви-
ча Рябова. НТВ, «Герой дня»,
30 октября, 1995г.*

Одна из характерных проблем российского бытия — взаимоотношения нашего народа со своим начальством. Здесь, за фасадом, сотканным из чиновничества, лести и откровенного лизоблюдства, в действительности скрывается традиционная ненависть с одной стороны и такой же традиционный произвол с другой. Покончить с этой традицией, точнее, с таким бытием мы сможем, наверное, очень не скоро. Да и можно ли с этим покончить вообще, если даже внутри каждого индивидуума происходят процессы несовместимости и неуживаемости, способные иной раз вызвать очень сложные и даже бурные чувства?

Представьте автовокзал. Погода прескверная: ветер, дождь, снег. Стоит рейсовый автобус. Возле него — толпа, именуемая пассажирами. Дети, старики... До отправления еще минут десять, но все уже сгрудилось у передней двери и вот-вот пойдут на ее штурм: можно ведь и не вместиться в автобус, не поспеть куда надо, не прибыть к сроку, не добраться до места, да мало ли еще чего такого может случиться, о чем даже и подумать нашему человеку страшно. А кроме того, всем просто холодно. От этого всего все злые.

Все, кроме одного — здорового водителя автобуса, который развалился в водительском кресле и, разморившись от тепла (когда очень жарко, тоже ведь нехорошо), поплеывает семечки через открытую форточку. Продержав людей на морозе десять минут и еще несколько сверх того для порядка, он наконец открывает дверь. Толпа устремляется в салон, при этом расталкивая друг друга руками и ногами. Водитель в это время смотрит на возбужденную толпу и вздыхает: «Ну что же это за народ у нас!» А потом он будет рассказывать своим товарищам по автопарку об этом самом народе, о его хамстве, невежестве, жестокосердии...

Конечно, одному Богу известно, сколько ненависти и злости сосредотачивается за те десять минут в душах пассажиров. Была бы возможность, водителя бы попросту растерзали. Но только что значит для нашего шофера вся эта ненависть и это презрение в сравнении с тем блаженством, восторгом и удовлетворением, которые он испытывает в эти же самые десять минут! Да ради этих минут, которые и выпадают не всякий день, может быть, он и живет на свете! Да даже и не ради них живет, а благодаря им. Ведь чем еще может самоутвердиться и заявлять о своем существовании здоровый мужской организм в суровой постсоветской действительности? (А в советской не так ли утверждались? А в досоветской?)

«А что, у каждого, наверное, бывают такие минуты, и у кого-то их не десять и не двадцать, а даже целый час и более (у парикмахеров, например), а кто-то вообще так всегда живет. Вот кого ненавидеть надо!» — и с этими мыслями Николай Степанович, так звали водителя, повез пассажиров в соседний поселок. Повез так, чтобы поближе к кромке дороги, чтобы по кочкам, по ухабинам, чтобы потрясло немного, а то уж больно «развозмущались». А если еще шуметь будут, так у него еще одно средство есть — помедленнее ехать: по районной инструкции с недавнего времени нельзя быстрее 60 км в час. Так что можем ведь ехать и по инструкции. А куда спешить?

* * *

Но что за блаженство у какого-то водителя автобуса из глухой провинции? Просто смешно. Могут ли на таком уровне рождаться настоящие чувства? Вот если подобным образом наклонить людей не из толпы, не серых и безвестных, а знатных, уважаемых, влиятельных? Да так, чтобы на всю страну, чтобы с шумом. Каковы ощущения от унижения сильного, умного, красивого?

Кто следит за политической жизнью страны знает, что председатель Центризбиркома Николай Тимофеевич Рябов человек не амбициозный и звезд с неба не хватает. Он не морозит людей на холоде и вообще добр и уступчив. Можно сказать, что он скромн и даже незаметен. (Его лицо помнишь, пока видишь.) Ведь и Центризбирком, и сам Николай Тимофеевич вспоминаются лишь от случая к случаю, поскольку и сами демократические процедуры в России — случайность. А между этими процедурами Николая Тимофеевича как бы и нет вовсе. Он, конечно, есть, работает, что-то делает, что-то производит, у него есть бюджет, штат и машина, но всего этого нет для нас, и, по-видимому, это обстоятельство не может не мучить Николая Тимофеевича.

Но вот спадает жара, опускаются на болота туманы, наступает период любви у зубров, оленей и лосей, зайцы-русаки мечут в третий раз детенышей, земноводные и пресмыкающиеся зарываются в землю, а ерши, краснопёрки и щуки собираются в большие стаи и уходят на глубину. Оживляется президент. На Россию надвигаются выборы...

Выходят на охоту орды политологов и социологов, точат перья и оговаривают тарифы журналисты, появляются легионы самонадеянных имиджмейкеров, способных произвести в президенты даже вышеупомянутого провинциального шофера (вопрос в цене), — словом, грядет политическая жатва: денег, дивидендов, карьер, еще чего... Начинаются те самые блаженные «десять минут» Николая Тимофеевича Рябова...

Сначала люди вдруг узнают, что таковой имеется, затем, что таковой чего-то там «наверху» решает, наконец, что он прямо-таки — вершит! И не парой-тройкой ефрейторов, не автобусным парком, а

судьбами миллионов, чаяниями и надеждами целой страны. Страшно сказать: от него зависит демократия и целостность!

Так-то оно так, но ведь повершит-повершит и опять затихнет, замолкнет, ляжет на дно, и все о нем забудут до следующих выборов. И если товарищ Рябов упустит это время, если не использует открывшиеся возможности и не реализует свои способности, не запасется чувствами и эмоциями, то что же останется за душой? Чего будет стоить тогда эта несчастная душа, лишенная радости самоутверждения и самовыражения? Вот вопросы, которые терзают душу и не дают покоя Николаю Тимофеевичу. И пока выборы — идут к Николаю Тимофеевичу маститые политики: демократы, либералы, коммунисты, любители пива, генералы, штатские... И выносит нелегкая нашего Николая Тимофеевича на недостижимую высоту, ставит над различными политическим схватками, над идеологиями и над прочими предрассудками, ставит в один ряд с самыми могущественными и сильными, и даже выше их! А Николай Тимофеевич им всем — красным и зеленым, консерваторам и либералам — про Конституцию, про Закон, про порядок... А кто ж в нашей-то стране против закона? Кто против Конституции, против порядка?

И вот стоят перед Николаем Тимофеевичем лидеры блоков и партий, движений и течений, руководители нынешних и будущих фракций, кандидаты в президенты (а значит, и сам будущий президент стоит), и все они оправдываются, доказывают, переминаясь с ноги на ногу, что, мол, не волки они, не козлы какие и не верблюды... А не доказав, начинают трубить вовсю про чей-то политический заказ, про преследование инакомыслящих и про произвол, шутка сказать, больному президенту достается (дескать, недоглядел). А при чем тут президент и политика, если у Николая Тимофеевича цикл «блаженств»? Точь-в-точь как у того водителя автобуса. И не надо никаких глубокомысленных обобщений, не надо речитативов — все гораздо проще: заурядному чиновнику (из «низов») хочется самоутвердиться, и у него имеются для этого свои, законные, «десять минут». Грех ими не воспользоваться.

Николай Тимофеевич это понимает и потому спешит.

Согласимся с Григорием Явлинским: куражится товарищ Рябов, куражится. Покуражится немного — да и впустит всех на демократические выборы, также как его безвестный тезка-водитель впустил всех в казенный автобус. Забудет и про инструкции, и про законы, и про Конституцию. А если еще и президент что-нибудь скажет, так и про свое отчество забудет. Живем-то в России, и нам эти англосакские замашки, эти апелляции к закону, к Конституции, к районной инструкции и к прочей чепухе — ой как не к лицу! Все ведь знают цену и этим апелляциям, и тому, что в действительности движет нашими большими и малыми начальничками — от Москвы до самых до окраин.

31 октября 1995 г.

Валерий Писигин

Российские задачи и российские политики

(К началу президентских выборов 1996 г.)

Как-то на одной, весьма узкой, встрече зашел среди прочего разговор и о том, каким должен быть будущий российский президент.

Поскольку собравшиеся слыли профессионалами, то и подход к данной теме был, что называется, системным: по пунктам, по параметрам. Утверждалось, что президент России должен быть непременно русским, примерно пятидесяти пяти лет от роду, лучше юристом или, на худой конец, выходцем из технической интеллигенции. Он должен быть статным, высоким (народ больше доверяет крупным) и умеющим ладить с различными политическими деятелями (находить компромиссы). Искомый президент должен быть известным в среде интеллигенции и в народе, незапятнан в кровавых конфликтах и войнах; были высказаны также основанные на научном анализе мысли о том, что для России на данном этапе подойдет, скорее всего, социал-демократ, но с таким государственно-патриотическим «уклоном», могущий показать и силу, и жесткость, и темперамент. Тем не менее это не должен быть держиморда: лучше, чтобы наш президент был все-таки «с человеческим лицом» или хотя бы с его подобием. Утверждалось также (в одном из последних пунктов), что лучше, если будущий кандидат будет из провинции, чтобы не очень досаждал своими московскими привязанностями и привычками, ну и так далее. Одним словом, речь шла о том, что должно подобрать среди российских мужей (о женщине речь, понятно, не заходила) некое существо, в котором бы счастливо соединились надежды и чаяния столичных интеллектуалов и в котором бы отражалась старинная формула, звучащая примерно так: «восприимчив душой и податлив на воспитание». Последнее — для наших политпрофессионалов, чтобы можно было «через него» воздействовать на

власть, а также на умы и сердца граждан. (Помнится, ряд московских интеллигентов таким образом «придумывали» Ельцина. Где теперь этот ряд?)

Что до решения частных проблем нашей повседневной бременной жизни, со всеми её гнусностями вроде экономики с ноющими шахтерами, учителями и пенсионерами, с пограничными войнами, бандитизмом, со всей этой дороговизной, безнадёгой и прочей чепухой, то об этом даже никто не вспомнил. Проблемы – «на потом, когда уже придем к власти».

Разговор годичной давности вспомнился не случайно, но в связи с прошедшими парламентскими выборами, когда подводятся итоги и безостановочно говорят политологи, аналитики, комментаторы и прочие специалисты, а газетные полосы заполнились скороспелыми публикациями насчет того, как следует понимать происшедшее. Наш постперестроечный новояз вот-вот пополнится еще парой-тройкой новых слов, суть которых в предстоящие шесть месяцев будет сводиться к следующему: «Все решат президентские выборы!»

А до этого наши политспецы писали и говорили о том, что все решат думские выборы, а до того — какое-нибудь «внеочередное заседание», а до него — некий Указ, а еще раньше — прошлые выборы и так далее, хотя мы-то знаем, что никто у нас ничего не решает. Ни те, кого выбирают, ни те, кто выбирает.

А почему? Вот вопрос!

* * *

Присмотритесь внимательнее, прислушайтесь: вокруг чего, собственно, весь сыр-бор? Вот идет денно и ночью разговор о коалициях, о компромиссах, о том, кто и с кем будет блокироваться, кто с кем договариваться, а кто от кого отрещиваться. Тут же – полемика о том, кто «правый», а кто «левый» и который из них более подходит стране. Здесь же обсуждаются рейтинги, графики, сравниваются высококвалифицированные опросы различных фокус-групп (новое название народа?). Идет спор вокруг Конституции и легитимности самих выборов...

(А ведь когда в России учащаются разговоры про Конституцию — жди беды!) Нельзя, говорят, в России без легитимного парламента (как будто танку не все равно!). Вспоминается обязательно Германия начала тридцатых и её бесноватый — вечный аргумент-жупел у хороших политиков в борьбе за непонятливый электорат. А над всем этим — фамилии, фамилии, фамилии... И все они — об одном и том же, с одним и тем же — к одному и тому же. Так обналиченные нули демонстрируют свою беспомощность.

Среди этого восторженного шума «ни о чем», уместны ли вопросы о все тех же частных проблемах? О своевременной выплате пенсий и зарплаты (не говоря уже об их мизерности); о том, что в больницах нет лекарств, чтобы лечить; у школ — учебников, чтобы учить; у милиции — средств, чтобы защитить; у пожарных — чтобы тушить, у строителей — чтобы строить, и так далее... Кто нам расскажет о том, что и как он собирается с этим всем делать?

А вопросы экономической взаимосвязки наших разных регионов и политического урегулирования отношений некогда братских стран? А что делать с нашими границами, с армией вообще? Какова, кстати, доктрина нашей национальной безопасности? Что делать с нашими промышленными комплексами, с «мирным атомом», который из-за нехватки средств уже и не мирный вовсе? Кто из политиков способен хотя бы грамотно и последовательно сформулировать эти задачи? Кто, вслед за тем, сможет взяться за их успешное решение?

Нет. Вместо этого нескончаемый разговор о том, что станет, если Лебедь блокируется с Зюгановым, Черномырдин с Явлинским, а Жириновский с еще кем-то, или что станет, если Ельцин выставит свою кандидатуру, и каково тогда будет Лужкову? Наконец, обязательно у нас должно всплыть какое-нибудь гипотетическое пугало. Сегодня оно сформулировано примерно так: «Самое страшное, если во второй тур выйдут Жириновский и Зюганов».

То есть политологов интересует абсолютно бесполезный с точки зрения будущего страны вопрос об очередном и тривиальном перехвате власти. При этом нет речи о том, что мы уже имеем сегодня реальную (а не гипотетическую) ужасающую картину, состоящую из войн и

комплекса унижений нации: от нищеты, безысходности и страха за будущее.

Мы говорим: «Посмотрите окрест. Сколько бед рядом с нами! Ежедневно гибнут люди в Чечне, плачут отцы и бьются в истерике матери, большинство страдает от бедности, не востребоваваемости, произвола властей и насилия бандитов!»

А в ответ: «Нет, нет, это только прелюдия. Вот подождите, придут коммунисты с жириновцами...»

Нравственно ли пугать людей гипотетическими напастями, оставаясь глухим к уже существующим? Не таким ли образом готовится худшее? Упреждение опасности — суть беспокойного, мыслящего человека. Но если беда уже пришла, уже рядом — суть в прямом и живом участии в этой беде. Сегодня. Сейчас. В этом есть упреждение. Ведь подвигают общество к социальным потрясениям именно сегодняшние, сейчасные проблемы, производное которых — и Жириновский, и Зюганов, и сам черт, которого измученные люди предпочтут скорее, чем пресловутую «стабилизацию».

Посмотрите на удивленные лица некоторых наших известных политиков, обратите внимание на их недоумевающие физиономии и злоязычные реплики насчет того, что кто-то разделил их электорат и открыл путь к победе на выборах коммунистам. Более того, людей обвиняют в скудоумии и дураковатости за то, что предпочли коммунистов и жириновцев, а не хорошую «демократическую» власть. А как было бы с точки зрения развития демократии правильно и для дела «стабилизации» хорошо, если бы народ наш к своей природной дикости добавил еще и ханжество, отдав предпочтение не оппозиции, а существующей власти!

Но что поделаешь с людьми? Не хотят они, чтобы им не платили зарплату, не выплачивали пенсии, не хотят, чтобы их дети гибли в сомнительных или откровенных авантюрах, не желают быть униженными, выброшенными, лишними... (Москва отдала предпочтение правительственному «Нашему дому», а через два дня после выборов начальство повысило москвичам цены на проезд в городском транспорте аж на 50% (!)— и... полная тишина. Москвичи проглотили. И, видимо,

будут глотать дальше. А в остальной России люди, в кои-то веки, ханжами быть не хотят. В чем их вина?)

Конечно, давать жизнь умозрительным конструкциям и абстрактным проектам — это, по-видимому, и есть «большая политика», и именно за знание такой политики получают свой хлеб многие аналитики и комментаторы: распознать и объяснить народу, что значит, если сановный генерал подмигнул левым глазом, а не правым. И мы с вами знаем, что значит, если какой-нибудь «возжигатель царских лампад» буркнет себе под нос что-нибудь значительное. Но только в действительности все это никакого отношения к стране и к ее проблемам не имеет. Не надоело ли с этим жить?

* * *

Каковы все же главные проблемы?

Кратко мы о них упоминали, хотя все о них прекрасно знают, потому что живут с этими проблемами. Так вот, все они, большие и малые, требуют в свою очередь решения одной сверхзадачи — глубинной и комплексной трансформации всего государственного организма. Мы должны понять, что проблема нашей страны не в господствующих здесь идеологиях, а в сути тоталитарного российского государства, банкротство институтов которого мы ощущаем на себе ежедневно и даже ежечасно.

Традиционное российское государство есть агрессивный имперский хищнический организм. Его среда обитания — чрезвычайка, а способ существования — воспроизводство и поддержание чрезвычайных ситуаций. Подобно акуле, наше государство не может существовать вне экспансии, вне агрессии. Мир и созидательный процесс ему противопоказаны, потому что губельны. В свои критические минуты этот монстр перекрашивается, подобно хамелеону, сбрасывает с себя идеологическую шкуру, какого бы цвета она ни была, изрыгает любую словесную риторику — лишь бы сохранить свою действительную неизменную сущность. Какими бы привлекательными лозунгами ни прикрывались государственные устремления, сколько бы ни говорили

госчиновники и их околонаучные адепты о стабильности, конституционности и законности, — цель имперского организма одна: подавлять и присваивать, унижать и растаптывать.

Не столь уж важно, кем осуществляются функции паразитарного государства: монархом-генсеком, олигархией, провинциальным чиновником или преуспевающим владельцем какого-нибудь акционерного общества. В нынешних условиях все они — полномочные представители все той же Моновласти. Разница лишь в том, что в отличие от сталинского государства, державшего народ на казенном кормлении, нынешнее бросило людей в неизвестную им рыночную стихию, отреклось от них и оставило один на один с жесточайшими проблемами, ни одну из которых не способно решить. Не этот ли хищнический процесс предлагается «застабиллизировать»?

Какие бы замечательные и талантливые люди ни приходили на смену друг другу, сколько наивных чаяний ни возлагали бы мы на светлые головы реформаторов, попавших в эти ржавые гостьёмкости, мы должны признать: чудовищный организм отечественного Левиафана подчиняет себе всех и вся, заставляет служить себе всякого, кто по наивной простоте своей решился взяться за его качественное улучшение или даже изменение.

Ни одно из государственных учреждений, доставшихся нынешней администрации в наследство от ЦК КПСС, не отвечает интересам демократической власти. Ни армия, ни система безопасности, ни образование, ни здравоохранение, ни какой другой государственный институт — не могут соответствовать складывающимся новым отношениям и формировать новую жизнь в стране. Напротив, они постоянно реанимируют прежнюю политическую реальность, выстраивают старые иерархии и воспроизводят неизменную для России авторитарную власть. Мы можем предположить, что любой фрагмент старого тоталитарного государства может, подобно гидре, воспроизвести всю государственную вертикаль, реанимировать и выстроить все прежние отношения и бюрократические ценности, от которых, как нам кажется, мы навсегда и бесповоротно избавляемся.

Посмотрите на нашего премьера. Послушайте его послевыборные угрозы в адрес законно избранных губернаторов, обратите внимание на изменившийся в несколько дней тон, на его нервные реплики оскорбленного (десятью процентами) вельможи: «Не будем ничего менять!» Порадуйтесь, любители стабилизации и душевного покоя, как из косноязычного и простоватого чиновника от Газпрома лепится очередная российская напасть. То ли еще будет!

Мы можем подивиться наивности, а может, просто необразованности наших реформаторов, затеявших борьбу с идеологией, но оставивших в стороне существо вопроса — старое государство. С помощью его институтов они попытались проделать демократические преобразования, даже не ставя вопрос о самой возможности подобного начинания. Но даже самый искусный мореход, при самом большом желании, может ли переплыть реку на тракторе? Нет. И даже если возьмем все за его кардинальную переделку, не получится ничего, потому что ни одна деталь этого агрегата не предназначена для плавания. Ни одна! Так почему мы видим, как наши политики, расталкивая друг друга, стремятся забраться в кабину нашего старого трактора, пытаются завести его и двинуться к воде? Или, может, не такие они наивные, чтобы не знать, что на тракторе далеко не уплывешь?

Если так, значит, идут во власть ради власти, стремятся заполучить ее лишь для того, чтобы решать только свои задачи. И не озабочены они действительными проблемами людей и страны именно потому, что заняты перехватом власти у таких же, как сами.

Для решения проблем новой России нам сейчас необходим не перехват власти, а ее комплексная и системная организация на всем российском пространстве. Нас интересуют частные вопросы обеспечения жизни в России и вопрос: кто именно способен сегодня обеспечить поворот от пустой риторики о перехвате власти к действительному процессу трансформации государства?

* * *

Что мы понимаем под «организацией власти»?

Это словосочетание было впервые использовано публицистом и философом Леном Карпинским. Имелась в виду не квазиполитическая риторика вроде той, о которой мы упоминали выше, а кропотливая и ежедневная деятельность по оформлению в нашей стране негосударственной экономики, главным образом развитию малого и среднего предпринимательства, накоплению общественного (а не государственного) капитала и на этой базе — оформлению полноценного гражданского общества, способного противостоять исторически доминирующему в России государственному интересу.

Такая работа мыслилась как действительно реформаторская и не сводилась лишь к демократическим процедурам типа выборов себе начальников, но подразумевала создание всего политэкономического комплекса, с помощью которого можно было бы разломать вековую систему государственного монополизма в России. Весь этот общественный (негосударственный) организм должен был быть представлен в высокой политике и власти.

Работа по организации власти должна начинаться с тщательного и скрупулезного концептуального подхода к проблеме: начиная с учета исторических и геополитических условий, в которых находится наша страна, с констатации ее особого многонационального и разнорелигиозного характера и заканчивая знаниями частного интереса российского человека и его социальной психологии. Подчеркнем также и то, что работа по трансформации существующего государства должна сочетаться с социальным реформаторством, поприщем не менее сложным, но гораздо более продолжительным.

Спустя несколько лет как были сформулированы эти наивные мечтания, можно вместе с подтверждением их актуальности добавить и существенное: а именно то, что работа по организации власти невозможна в условиях нашего обанкротившегося государства. (Звучит поленински, но, между прочим, именно большевикам в свое время удалось трансформировать государственную власть, заменив старое госу-

дарство на свое, новое; мы же пытаемся им пользоваться и даже улучшить – «реформировать».)

Не могут отжившие государственные институты, ориентированные на обслуживание тоталитарной системы, выполнять прямо противоположные функции — обслуживать интересы общества и каждого из его членов. Не может система МВД защитить частную собственность и нас, граждан. Не может сложившаяся система сыска заниматься поиском действительной, а не мнимой опасности для государства и общества. Не способен бывший минсельавтопром выпускать конкурентный автомобиль, а нынешний МИД — соответствовать изменившимся внешним и внутренним политическим условиям. Не может система Центробанка со своими РКЦ отвечать интересам нового рынка, а министерство образования — не в состоянии дать новое миропонимание гражданам, вступающим в этот рынок и эту жизнь. И так далее. Все они тянут страну, нас всех назад, повторим, ежедневно и ежечасно воспроизводя старую политическую реальность и чрезвычайные ситуации для самоподдержания.

Все это говорит о том, что самым главным препятствием, а следовательно, и ключевой проблемой преобразований является существование нынешнего государства. Любая из политических программ, которая претендует на то, чтобы называться демократической, не может рассматриваться серьезно, если не содержит в себе цели — трансформировать существующее государство. Ни один политик, заявляющий свои претензии на реформаторство, не может быть признан таковым, если не преследует именно эту цель. Отношение к существующему государству становится основным тестом, по которому мы можем проверить данного деятеля перед тем, как станем рассматривать обоснованность его претензий на первые роли в России.

* * *

Теперь самое время поставить вопрос о том, кому по плечу такая сверхзадача? Кто из политиков, претендующих на президентское кресло, сможет осмыслить эту проблему, поднять ее до общенацио-

нального уровня, найти способы и формы ее решения, после чего призвать людей к ее решению?

Займемся персонализацией политологии, но рассматривать кандидатов, повторим еще раз, мы будем не по их возможностям занять президентское кресло вообще, не по личностным и биографическим характеристикам вроде тех, с которых начали нашу статью, а с одной единственной, самой важной и определяющей, стороны — их способности решить проблему новой российской государственности.

Вот список претендентов на победу в президентских выборах в июне 1996 года: Ельцин. Черномырдин. Лужков. Жириновский. Лебедь. Зюганов. Явлинский. Остальные не в счет, а новая фигура национального масштаба за два месяца в России не появится.

Ельцина, конечно, убедят выставить свою кандидатуру. Основным аргументом в пользу такого решения станет то, что в кризисный период (а когда он у нас не кризисный?) очень опасно передавать власть в другие руки. Достойного же преемника, считают в окружении президента, у Бориса Николаевича еще нет. (И, кстати, быть не может. При непопулярном правителе преемник-наследник имеет шанс на власть только у монарха или диктатора. В нашем случае такого «преемника» надо тщательно скрывать, чтобы не зашибли, не то чтобы избрали.) Так вот, Борис Николаевич вполне искренне выдвинет свою кандидатуру с единственным и исключительным намерением еще пять лет послужить России и, как он говорит, «россиянам».

В действительности за этим пафосом, конечно же, скрывается совсем другое, более прозаическое: желание сохранить власть. Понятно также, что суетится здесь не столько сам Борис Николаевич, сколько его многочисленная челядь. Помогать Ельцину в усвоении им его исключительной роли в важный исторический момент будут многочисленные вельможные интеллектуалы; зависящие от его чиха крупные и мелкие чиновники; хорошо прижившиеся или находящиеся на кормлении средства массовой информации с приспособившимися к «новым отношениям» журналистами; удачливые крупномасштабные бизнесмены; а также видные представители московской интеллигенции, неплохо усвоившие, что его стабильность — это их стабильность. Всему

этому благодарному легиону глубоко наплевать на то, что вся остальная Россия как раз и есть очаг нестабильности и именно оттого подавляющее число людей хотят законно (!) сменить власть. Преуспевающему меньшинству не приходит в голову та простая мысль, что при нынешней политике у нас вскоре станут возникать массовые катаклизмы и попросту не будет возможности мирно сменить власть. (Вот когда вспомнится «стабильность»!) Все они отказываются понимать и то, что единственное, чем Борис Ельцин может скрасить последние годы пребывания у власти, — это обеспечить её законную передачу. Наконец, сторонники неперемного выдвигания Ельцина на новый срок поступают по отношению к нему просто жестокосердно. Например, Никита Михалков, верный сторонник «стабилизации» во все времена, считает, что уж если Ельцин избрал свой крест, то пусть и несет его до конца (пресс-конференция 4 января).

До чьего «конца»?

Никита Сергеевич хоть и набожный, но, конечно, не Симон Киринеянин: печется не о Ельцине — о себе. Или не знает, что президент серьезно болен, сильно сдал за последний год, что непосильный груз крест раздавил его и еще пять лет он попросту не продержится на этом посту?

А ведь задача не лишь кое-как продержаться. (Это могли позволить себе лишь престарелые генсеки.) Надо ежедневно, ежечасно участвовать непосредственно в решении всех ключевых проблем государства и общества. Надо принимать решения и нести за эти решения ответственность. Причем проблемы таковы, что требуют включения всего потенциала и умственного напряжения. (Или не для нас взволнованные и полные горечи слова супруги Ельцина из ЦКБ?) Может ли наша страна перед лицом грандиозных внутренних и внешних проблем позволить себе физически слабого лидера?

Черномырдин также ассоциируется со «стабильностью». Но у него позиция более благоприятная. Он находится, что называется, на подхвате. В случае чего, власть автоматически переходит к нему, без особых лишних хлопот. В его руках огромные финансовые возможности, разветвленные финансово-экономические структуры, на которые

он «насаживает» еще и структуры политические. У него есть здоровье, есть чиновничьи емкости и инфраструктуры, своя номенклатурная связь. Он прибавляет и как политик. Миграция к нему чиновников из других госструктур показывает, что на него ставят по-крупному. Он очень осторожен с президентом, демонстрирует свою полную лояльность и преданность, понимая, что отождествление его с президентом создает миф о преемственности и делает естественными его претензии. В то же время премьер подчеркивает свою «вторичность» в принятии важнейших государственных решений, представляя перед обществом всего лишь как добросовестный исполнитель высшей воли. И у него, видимо, есть свои аналитики, и комментаторы, и журналисты. А как же без них? Ох как достанется Ельцину, если после него к власти придет Черномырдин! Ведь Виктор Степанович сможет продолжать делать (но только со своими людьми) лишь то, что до него делал Ельцин, а это значит, что единственным отправным идеологическим пунктом в его политике станет безудержная критика (и даже хуже) предшественника (вспомните опыт КПСС, при котором сменивший генсека другой генсек вычеркивал его из истории и даже из памяти). Здесь Ельцину и всему его окружению припомнятся и Чечня с Буденновском, и Беловежская пуща с развалом СССР, и полицейский разгон законного парламента, и коррупция, и взяточничество, и Гайдар с Лужковым, и еще столько всего такого, о чем Борис Николаевич с соратниками даже и не догадываются. Думаю, что кое-кто и вовсе пойдет в казенный дом... Но главное все же не в этом. Черномырдин не решит тех задач, о которых мы говорили выше. Не решит, потому что не талантлив, не масштабен, не умен, потому что не знает страны, ее истории и культуры. Проблемы, стоящие перед страной, несоизмеримы с его потенциалом, который к тому же уже давно и безуспешно исчерпан.

Лужков, если характеризовать этого политика, безусловно, один из самых способных администраторов в стране. Можно предположить, что в рамках существующей системы и нынешнего государства он самый способный из всех находящихся во власти. Лужков научился (а скорее всего, всегда умел) использовать самые разные обстоятельства на благо своих профессиональных интересов. Но дело в том, что его

интересы (это уже вопрос воспитания) не ограничиваются личной жизнью. Получилось, что он избрал целью своих интересов Москву. Учитывая, что Москва - не только цель, но и средства, Лужков добился видимых результатов в своей деятельности. Поскольку в жесткой иерархии недопустимо, чтобы кто-то из ее членов (пусть даже фигура номер два) добивался успехов и популярности при непопулярности первого лица этой системы, против Лужкова стали выдвигаться вполне обоснованные обвинения и предупреждения насчет его президентских претензий. А эти претензии подтверждались вполне продуманными действиями мэра по концентрации в своих руках финансовых механизмов и самих финансов и, видимо, еще чем-то другим, о чем знают лишь очень немногие.

«Я не хочу быть президентом России. Хочу оставаться мэром Москвы!» — ежедневно без усталости твердит на всех углах Лужков. Но кто же ему верит, учитывая, что в политике язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли?

И все же если Юрий Лужков, пренебрегая предупреждениями генерала Коржакова, возьмется за участие в президентских выборах и победит, мы, с точки зрения нашего подхода к кандидатам, можем утверждать, что его деятельность на этом посту будет малоуспешной и для него, и для нас. Россия не Москва. В распоряжении московского мэра — уникальный финансовый и интеллектуальный потенциал, который естественным образом концентрируется в столице из всей России, но именно поэтому повторить московский проект, вылить его в масштабное общероссийское мероприятие, а тем более осуществить трансформацию государства (даже при условии, что Юрий Михайлович знает, что это такое) — ему не удастся.

Повторим, Лужков наиболее умело и удачно из всех начальников использует существующие государственные институты и реализует нынешние номенклатурные связи и традиции. Вряд ли его можно убедить в том, что эти институты — тормоз для будущего России. Скорее всего, Лужков станет доказывать обратное, что, мол, не в институтах дело, но в способных руководителях, профессиональных управленцах, в дисциплине и т.п. Иллюзии Юрия Михайловича и всех, кто так счита-

ет, развеются лишь после скандального разоблачения очередной кукурузной кампании или, скажем, после внедрения в жизнь какой-нибудь Государственной программы по строительству в России автострад.

К Жириновскому не стоит подходить поверхностно, несерьезно. Все-таки он держится в большой политике уже более пяти лет. Причем не на последних ролях. То, что он поддерживает свой высокий политический уровень, находясь вне государственной власти (если не воспринимать, конечно, абстрактную власть руководителя фракции), только подчеркивает его способности. В действительности Жириновский — публичный политик-профессионал, самозабвенно занимающийся своим ремеслом. Он добился признания и несомненного успеха у избирателя не потому, что больше других врал и обещал. (Черномырдин, например, обещал больше и циничнее.) Дело в другом. Жириновский интуитивно понял, что люди с неустойчивой социальной психологией склонны больше доверять гармонии, нежели сути и качеству обещаний. То есть: врать, наглеть и подличать — должен лгун, наглец и подлец. А это именно то, что оказалось по плечу Владимиру Вольфовичу. Согласитесь, но это выглядит более гармонично и привлекательно (а значит, и доверительно), чем если врет и наглеет порядочный человек. (Часто бывает, что единожды оступившийся праведник ненавидим и презираем всеми, в то время как откровенный и последовательный мерзавец даже намеком на добродетель может заслужить любовь целой нации. Таковы человеческие парадоксы.) Если в каждом человеке присутствуют божественное и бесовское начала, то лидер ЛДПР без особого стеснения возбудил последнее. Он сумел сконцентрировать в себе господствующие в обществе злость и ненависть и выступить нравственным (скорее, безнравственным) «гарантом» этой ненависти. Вместе с обещаниями он раздавал своего рода индульгенции, и для многих это было своеобразной возможностью смыть накопившийся грех. Словом, Жириновский действительно завоевал власть — власть психологическую. Это самая сильная власть, потому что проходит не через разум. Она неконтролируема, и ее нельзя запретить, потому что запрет эту власть лишь возбуждает и умножает. Но у такой власти своя особенность: она недолговечна. Если она организационно не закреплена, если

в поддержку ей своевременно не подключена власть финансовая и экономическая, если политик не воспользовался для этого периодом своего харизматического апогея, то психологическая власть быстро тает. Её истоки недолговечны, потому что люди находят себе новых кумиров, соблазняются на новые прожекты, их влекут новые утопии. Еще одна особенность такой власти: к ней нет возврата. Возбудив надежды и ожидания, политик не должен спешить. Жажда власти должна уступить место тонкому и холодному расчету, потому что в политике прийти раньше — опаснее, чем опоздать (опоздавший остается незасвеченным, а значит, еще имеет шанс!). Жириновский поспешил. Он, если провести аналогию со спортом, набрал свою лучшую форму задолго до основного соревнования.

Если же говорить о конкретных делах, сообразуясь с нашими основными требованиями, то очевидно, что лидер ЛДПР на серьезные реформаторские действия попросту неспособен. Он не создал какого-нибудь значительного и полезного дела, не написал сильную и глубокомысленную книгу, не разработал ни одной новаторской программы или проекта, наконец, он не руководил никаким учреждением или предприятием, не является автором сколь-нибудь значительного направления в науке или культуре. В этом смысле Жириновский никто. Он хоть и профессиональный, но все же абстрактный политик. Поэтому нетрудно представить, что явит собой утверждение его в высшей государственной должности. А представив, становится ясным, почему он никогда ее не займет.

Напротив, очень трудно представить в этой роли генерала Александра Лебеда. Неясно, чего он хочет и с чем идет во власть. Те упрощенные реплики и рудиментарные идеи, которые он нехотя излагает, импонируют публике на фоне словесного водопада, который извергают политики типа Жириновского. Можно предположить, что такой немногословный типаж входит в моду. Плюс жесткость, молодцеватость, уверенность в своих силах. То есть те качества, которые можно безусловно отнести к достоинствам его как мужчины и офицера. Но вот беда. Всего этого ничтожно мало для политика, претендующего на высшую власть в стране.

Понятие нравственности вообще существенно отличается от понятия нравственности в политике. Каким бы ни был честным и высоко-нравственным человек, если он заявляет о своих претензиях на высокий государственный пост и при этом плохо представляет себе, как именно он будет решать наши с вами проблемы, он поступает по отношению к нам безнравственно. И мы уже сегодня вправе его об этом предупредить. Если человек всю свою жизнь готовил себя к службе в армии и, как мы знаем, преуспел в этом, но затем, под напором неких обстоятельств, вдруг посягнул на участие в судьбах миллионов людей, мы вправе усомниться в его порядочности именно как политического деятеля. Разве мы все не являемся вечными заложниками у агрессивной посредственности? Разве беды России не от того, что у власти во все времена, за редким исключением, находились люди недалекие и непосвященные? А разве сам генерал Лебедь этого не знает, чтобы трезво оценить собственные способности и сопоставить их со своими претензиями? А если знает, то для чего идет во власть? Ради самой власти. Отсюда и вся цена его благим намерениям, как, впрочем, и его политической нравственности.

С Геннадием Зюгановым ситуация сложнее. Она запутана пятилетней антикоммунистической риторикой, которую вела наша постперестроечная власть. Людям пытались внушить, что Зюганов, а также все, что крутится вокруг него с красными знаменами и транспарантами, и есть коммунистическая оппозиция, рвущаяся к утраченной власти с тем, чтобы восстановить прежние порядки и законы. Нам с поразительно тупой настойчивостью пытаются доказать, что собирающиеся на митинги несчастные старики с перекошенными от злости лицами и есть то страшное и ужасное, от чего Россия с таким трудом уходит. (Как будто это не те самые люди, что всего несколько лет назад голосовали за демократов и избрали себе президента России. Других-то не было!)

Предел цинизма: холёные и сытые государственные начальники, вчерашние товарищи по комсомолу и ЦК КПСС, проведя бездарно и безжалостно политэкономические вивисекции, обвиняют теперь обманутых, разочарованных и несчастных людей в том, что они якобы хо-

тят отобрать у них власть и вернуть ее себе. Этим самообманом можно морочить голову и себе, и некоторым московским интеллектуалам, но, видимо, невозможно долго дурачить всю страну, поэтому очень многие граждане этой страны, насмотревшись на эксперименты новой власти и настрадавшись от нее, решили вернуться к прежнему времени. А что? У московских монополистов на демократические ощущения стабильность ассоциируется с Ельциным, а для миллионов людей в остальной России — стабильность ассоциируется с коммунистами и «застоем» (тоже ведь была «стабильность»!). Это, может, плохо, но это так. Гарантированная пайка ценится дороже, нежели предполагаемый бифштекс. Да, для какого-нибудь поэта личная свобода — самое главное. Ничто не заменит ему возможности купить билет и улететь в Париж, и за это он готов отдать жизнь. Я и сам таков. Но имею ли я право требовать такого же «высокого миропонимания» от всех прочих людей в России? Моими ли представлениями должны определяться понятия свободы для шахтеров какой-нибудь Губахи Пермской области, где месяцами не выдают зарплату и нечем кормить детей? В советский же период шахтеры были там самыми уважаемыми и высокооплачиваемыми людьми. Чья здесь правда-матка?

А какие мысли рождаются в голове, когда видишь разбомбленные города, еще вчера называвшиеся российскими? А гибнущие жители этих городов, а убитые солдаты-мальчишки? Можно ли было представить все это еще несколько лет назад? А отторгнутый Крым с исконно русским Севастополем, а Украина в целом, с её Черным морем и Одессой, а Белоруссия, а Прибалтика?.. Все это уже чужое, почему-то к нам неприветливое. Причем без войны, без чьей-либо агрессии. Так, кто-то пошушукался за шкафом — и все...

Каково это все принять, если не располагаешь развитым философским мышлением и крепкими нордическими нервами? Так люди у нас не норманны и тем более не философы. Они все больше беспокойные, душевные, веселые. Видят — Зюганов! Ведет себя спокойно, даже достойно, не избегает дискуссий, не мечет с телеэкранов искр, не говорит откровенные благоглупости, вроде, мужик ничего. Подошло время законных выборов. Большинство взяли да и проголосовали за него и за

компартию — только и делов. А как еще бывает при демократии? Или демократия это только тогда, когда голосуют «в нашу пользу»? Грош цена такой демократии.

Другое дело, если задаться вопросом: а что будет делать Геннадий Андреевич дальше, после победы на президентских выборах?

Учитывая, что проблема трансформации государства у Зюганова не могла возникнуть в принципе (зачем ему менять то, что лучше всего подходит к его представлениям о власти?), он будет пытаться делать прямо обратное тому, что сделали в свое время «демократы» и Борис Николаевич: поверхностные антипреобразования.

Например: как-то Горбачев, а затем и Ельцин решили вместо генсеков стать президентами. И бюрократия спокойно приняла эту формулу как наиболее адекватно воспроизводящую властную вертикаль ЦК КПСС и Политбюро. Теперь Зюганов захочет отменить «чуждый» институт президентства и восстановить пост генсека. И это тоже будет приветствовать госчиновничество: а какая разница? Суть-то остается прежней. То есть Зюганов в действительности не стремится изменить суть авторитарной власти. Создать парламентскую республику (о чем он постоянно говорит) ему не позволят существующие государственные институты, сложившиеся экономические отношения и вся та бюрократия, которая приветствовала в свое время институт президентства. Эти последние, с их естественным желанием осуществлять политическое руководство регионами (а на создание экономических рычагов Зюганов не потянет), будут требовать сохранения жесткой иерархии, а значит, сохранения и умножения контрольных органов. На этот случай региональное чиновничество предусмотрительно обезопасило себя в Совете Федерации, где федеральным начальством даже не пахнет. Этот безобидный, на первый взгляд, клубик еще покажет себя, и не только Зюганову. Там ведь ребята все ушлые, тоже в основном из бывших товарищей, аналитики еще те и законы власти знают не хуже других, за свою «стабильность» постоят так, что мало не покажется.

Так что Зюганов-президент ничего не даст, кроме некоторого шума и суеты вокруг властных кафедр в Москве. Это будет драчка по сильнее, чем в парламенте, которую мы множество раз видели по ТВ.

Но это не будет ни «хрустальная ночь», ни тем более гражданская война, которой пугают образованного московского обывателя. (Некому и не с кем будет воевать: все заняты собой, и никому ни до кого нет дела. Безвременье хотя и хуже смуты, но в данном случае - лучше.) Ну а если Зюганов-президент ничего не даст, зачем нужен такой Зюганов?

Остается последний кандидат — Григорий Явлинский.

Он заявил о своих претензиях на президентский пост еще в 1993 году, после того как оказались невостребованными несколько его программ, включая «500 дней», «Согласие на шанс», «Договор об Экономическом сообществе» и еще что-то. Решение бороться за верховную власть, таким образом, получило у Явлинского достаточно логичную мотивацию: то, что он предлагал руководству, они не принимали, следовательно, реализовать свои идеи через кого-то - затея бессмысленная. То есть Явлинский самостоятельно пришел к той нехитрой аксиоме, которая утверждает, что только соединение в одном лице носителя абсолютной власти и автора доктрины реформ может породить в России действительного реформатора. Очень важным в политической практике Явлинского является то, что он разрабатывал и участвовал непосредственно в проведении экономических реформ в провинции (в Нижнем Новгороде), решая таким образом вопросы микроэкономики и обретая ценный опыт по организации хозяйственной жизни города и области. Вместе с ним пестовалась команда молодых и способных экономистов. Мне трудно судить о той пользе, которую приобрел Нижний Новгород в лице Явлинского, но то, что для самого Григория Алексеевича это была своевременная и качественная школа, - вне сомнения. Кроме этого, два года Явлинский является руководителем парламентской фракции, по утверждению специалистов самой дисциплинированной и устойчивой. Это, между прочим, характеризует его как жесткого и последовательного руководителя. На выборах 17 декабря его движение — «Яблоко» — оказалось единственным из всех организованных демократических сил, сумевшим попасть в Государственную Думу. Кажется все, если не считать еще нескольких книг по экономике.

Но не только эти вехи в биографии Явлинского убеждают меня в том, что именно ему из всех рассматриваемых претендентов на прези-

дентский пост оказалась бы по плечу историческая миссия по трансформации российского государства. Главное, он не утратил способности к учебе: свойство почти не встречающееся среди российских политиков его уровня. Это выражается в том, что, уйдя с экономической панели, на которой несколько лет состязались наши ведущие демократические политики, Явлинский быстрее других стал открывать и осваивать новые для себя горизонты знаний, и прежде всего обществоведческие. Именно преуспевание в этом позволило ему не только удержаться на высокой политической орбите, но даже и выйти в лидеры среди политиков нового поколения.

Поход во власть — дело амбициозное, и ставить это в упрек политику — все равно что обвинять спортсмена в желании выиграть состязание. Специалисты и коллеги часто упрекают Явлинского в амбициозности, в нежелании договариваться и объединяться ради некоего общего «демократического» дела. Спор о том, справедливы ли эти обвинения, можно оставить в прошлом: победой на выборах Явлинский доказал, что был прав, отстаивая идею демократической альтернативы. Теперь, когда он безусловный лидер демократического движения, вопросы об амбициозности мы вправе задать его критикам. Действительно, а что мешает теперь Гайдару, Хакамаде, Б. Федорову и всем прочим, кто причисляет себя к демократам, присоединиться к Явлинскому? Так получилось, что он оказался в настоящее время впереди прочих, в том числе достойных и порядочных. Может, повезло, возможно, он такой хитрый, а может, просто образованнее, трудолюбивее, может, еще что-то, но такой факт. Нет ли смысла поддержать именно его на предстоящих президентских выборах, учитывая, что Явлинский обладает богатым (может, уникальным) политическим опытом, знает экономику России и мира, умеет создавать работоспособные коллективы и успешно ими руководить?

В пользу Явлинского есть аргументы и посущественнее.

В своих программах (реализованных частично в Нижнем Новгороде) он последовательно отстаивает идею организации российского рыночного хозяйства с явной переориентацией экономики в сторону человека-гражданина. В этих политэкономических проектах роль глав-

ного экономического субъекта отводится гражданам России, а не государству-монополисту. Такая переориентация экономических интересов влечет за собой крупномасштабные политические и социальные изменения, которые, воспроизводя новую жизнь, неизбежно ставят вопрос и о новом государстве. Экономические программы Явлинского потому и были отвергнуты верховной бюрократией, что не оставляли ей места на политической карте страны. Очень чувствительное ко всему, что касается вопросов сохранения власти, наше кремлевское чиновничество предусмотрительно отказалось от услуг молодого реформатора, интуитивно понимая, что его политические концепции несовместимы с существованием старого государства и представляют для него (а значит, и для всей иерархии) действительную, а не мнимую опасность. В этом смысле слова Ельцина, будто бы сказанные им в отношении Явлинского: «Пока я здесь кто-то, он будет никем!» — носят более глубокий и символический смысл, чем это может показаться.

Ельцин, как, впрочем, до него и Горбачев, оказался не реформатором, а реаниматором прежней государственной системы, заменив лишь идеологию мифа о социальном равенстве на нечто неопределенное и безликое. Ничего удивительного или странного в этом нет, так как нынешний президент, проживший и добросовестно прослуживший всю свою жизнь под знаменами КПСС, едва ли готовил себя на роль преобразователя. Его так называемый «демократический потенциал» базируется на элементарной конъюнктуре и развитой интуиции, но не на более серьезной почве.

В то же время политэкономические воззрения Явлинского не могут быть реализованы в отрыве от комплексной и глубинной трансформации государства. Именно это и делает его действительным, а не абстрактным сторонником каждого, кто желает утверждения демократии в России.

Если говорить о той сверхзадаче, которую мы определили как трансформация государства и организация власти, то она, помимо определенных знаний и опыта, требует полной самоотдачи и невероятного упорства в достижении цели. Этими качествами может обладать лишь человек призванный, каким несомненно ощущает себя Явлин-

ский. Вероятно, именно это не нравится многим его критикам, но такое качество не из худших, когда ставится сверхзадача. Явлинский из тех немногих в нашей политике людей, для которых политика — поприще, не жребий, но судьба. В этом смысле он единственный из рассматриваемых нами политических фигур способен взяться (и призвать других) за начало решения самой ключевой задачи в российской политике на ближайшие десять-двадцать лет.

* * *

Мы попытались посмотреть на политику и политиков не с точки зрения абстрактных понятий, коими несомненно являются все математические, прагматические и прочие расчеты в отношении будущих президентских выборов, но с точки зрения непосредственного интереса огромной страны и ее граждан. Этот интерес диктуется прежде всего соответствием государства и его институтов чаяниям и потребностям российских граждан. Мы видим, как, сбросив потрепанный красный кафтан и отбросив коммунистическую риторику, реанимируются (а не реформируются) старое авторитарное государство и его полномочные институты. Эти обанкротившиеся учреждения не соответствуют новым формам жизни в России, ежечасно воспроизводят чрезвычайные ситуации и, вместе с ними, старую политическую реальность. И пока это обанкротившееся государство существует, у России нет шанса выйти на путь демократии и свободы.

Рано или поздно эта задача решится. Россия не должна войти в двадцать первый век такой, какой была в веке двадцатом. Но эта задача не решится сама собой. А значит, над ее решением новому поколению стоит поломать голову. Ему и жить в следующем веке. Вот почему мы, именно с точки зрения решения этой сверхзадачи, и посмотрели на тот очень короткий ряд политиков, которые, по-видимому, и составят основную конкуренцию на предстоящих президентских выборах.

Январь 1996 г.

Валерий Писигин

Об упреждающей пользе зла

В книге историка М.Я.Гефтера «Эхо Холокоста» (Москва, 1995), которая вышла уже после смерти Михаила Яковлевича, приводятся его слова о «неготовности к ужасному», проблеме, которая «стучится во все двери».

«Я не о конкретной неподготовленности. Я — о той проблеме, которая тяжестью своей отодвигает ныне другие: об УПРЕЖДАЮЩЕМ ОТПОРЕ. Даже не о своевременном сопротивлении, а о таком, которое в силах упреждать зло. Как подготовить себя к нему? Какие мыслительные механизмы, какие действия, являемые в поступках, должны и могут способствовать этому?» — задавался вопросами мыслитель.

А действительно, какие такие действия, какие механизмы?

То, что «история ничему не учит», стало общим местом и банальностью, и потому, видимо, мы историю свою не учим. А между тем наша история — далекая и близкая — полна и упреждений, и предупреждений. И вся наша великая русская литература предупреждает, и философия, и прочие искусства и науки — все сплошь одни предупреждения. Никто в целом мире так, как мы, не были предупреждены обо всех несчастьях, кои с нами случались. И не просто так, чтобы кто-то кому-то на ушко что-нибудь страшное предрек. Вовсе нет. Предупреждали и упреждали громко, во всеуслышание, масштабно, со сцен, с театральными подмостков, с постаментов и трибун... Предупреждали со слезами на глазах и с гневом, с ненавистью и любовью. А своих «предупредителей» народ, уж как мог, берег и ценил, и, пожалуй, нет такого, кому бы после его кончины не было поставлено памятника или хотя бы мемориальной доски. А если и есть такие, кому еще не воздано, так только потому, что еще мало времени прошло и не оценен их вклад во всеобщее «предупредительское» дело. Значит, еще не случилось с нами

их «предупреждение», значит, еще есть возможность заполучить какую-нибудь напасть, которая только и позволит оценить то или иное предупрежденнице.

Например, некто сказал, что «мы, такие, какие есть, не имеем права на существование». А мы (куда ж нам, несчастным, деться?), несмотря на предупреждение, существуем. Да еще так, как мало кто существует на этом свете. И это чувствуют все остальные. Особенно те, кто, благодаря нам, сам перестает понемногу существовать. Значит, тот, кто нам вынес такое предупреждение, не может слыть пророком. Ведь пророчество не сбылось... пока. Вот когда оно сбудется, когда мы и без него это поймем, вот тогда другое дело: можно приниматься за памятник или доску или за еще что-нибудь этакое.

Еще одна деталь, можно сказать особенность, — это временной отрезок между предупреждением и событием. Он чем длиннее, тем общество может считаться цивилизованнее. Например, написали нам как-то про бесов, а они еще только через четверть века заявили о себе, а уж бал стали править еще позже. Значит, степень нашей цивилизованности была тогда выше, чем, например, сейчас, когда предупреждают о событии буквально накануне, а то и за пару часов до него. А за пару часов к чему можно подготовиться? Какие такие «мыслительные механизмы» можно включить для своей защиты? Какие уж такие «действия» успеешь совершить между молнией и громом? Разве что перекрестишься.

Впрочем, есть все же в народе нашем испытанные способы «своевременного сопротивления» злу. Это, во-первых, его не замечать. Это очень просто и под силу многим. Так называемые «простые люди» это и делают. Не замечают. Не видят, не слышат... Им, грешным, проще. Другое дело — интеллигенция. Не замечать зло она не может. Окружающие беды и напасти разъедают изнутри и не дают спокойно жить. Начинается хандра и учащенное сердцебиение. Глядящие с полок книги (а еще и портреты) великих упревателей взывают к совести. Не успокаивает ни чистый дачный воздух, ни хорошее питание, ни случающиеся заграничные командировки с лекциями о культуре, ни даже максимально актуализированные и смелые публикации о высоком назначении великой русской интеллигенции. Да, очень непросто быть ин-

теллигентом и не замечать зло. (Не оттого ли пьют наши наиболее совестливые?) Поэтому имеется другой способ «сопротивления», более утонченный: не видеть зла во зле. То есть, пользуясь современной компьютерной терминологией, надо вовремя произвести «переформатирование файла».

Скажем, есть емкое понятие «геноцид» — чудовищное и безоговорочное зло. Но переименуйте «геноцид» в «зачистку» — и уже совсем другое дело. Хоть и противно утонченному интеллигентскому слуху, все ж не геноцид. Но и «зачистку» можно переименовать еще во что-то: скажем, в «выдавливание», «вытеснение», наконец, в «наведение конституционного порядка». В этом случае где теперь здесь зло? Здесь уже сплошная добродетель: отвага, доблесть, честь... Тут уже на ум приходит не геенна огненная, а видение орденов, медалей, знамен...

А еще можно некоторым образом ухитриться из зла выводить добро и, привечая последнее, скрывать первое.

Например, сообщили как-то в теленовостях о том, что не все так плохо у нас в стране, не все развалено или растаскано и есть определенные тенденции к улучшению. И далее следует репортаж из шереметьевской таможни, где правоохранительные органы разоблачили и поймали за руку крупного контрабандиста. Идет видеоряд с арестованным жуликом в наручниках, рядом — горка драгоценностей, кучка сто-долларовых купюр, автоматчики в масках и бронежилетах... Поймали-таки ворюгу, а мы говорим, что все у нас плохо. Ну, где тут место для зла?

Или вот в феврале, точнее — 21-го числа, министр обороны приехал в госпиталь к своим солдатам. Приехал с подарками, орденами, медалями... Конечно, надо и выступить перед воинами, сказать им пару слов, опять же пресса, телевидение. Раненые: кто сидит, кто лежит, без рук, без ног, есть такие, что и без головы, забинтованные, обмотанные, словом, несчастные и покалеченные... А в это время как раз шли ожесточенные бои за очередное чеченское село Новогрозненское. И министр доложил покалеченным солдатикам о взятии села: «Результат очень хороший! *(Так и произнес! — В.П.)* Столько-то врага убито, столько-то захвачено...»

Где здесь зло?

Впрочем, у военных свое представление о добре и зле. Побывал как-то в госпитале Патриарх всея Руси Алексей Второй и с восторгом рассказывал затем об этом генералитету: «Был, знаете, недавно в госпитале. Посетил солдат, пострадавших на войне в Чечне. И что отрадно(!) — на многих из них — крестики...»

Опять же: ну кто здесь за святостью усмотрит зло?

Или вот замечательный пример выведения хорошего из плохого. Добра — из зла. В защитниках у добра на этот раз человек весьма важный, хотя казенный и подневольный — помощник президента по правовым вопросам. Это значит, что в обоснование и защиту добра включается такой элемент, как право, и даже больше того — философия права. А если носитель этой философии еще включит свои «мыслительные механизмы» (чтобы упредить зло), то могут случаться такие перлы добродетели, кои грех не привести дословно.

Журналисты, собравшиеся на его пресс-конференцию 21 марта, спрашивают: «А как вы, уважаемый, расцениваете взятие Самашек, бомбардировки сел и поселков Чечни — и как это соотносится с правами человека?»

Правовед-помощник, немного задумавшись, отвечает: «Плохо соотносится. Ведь не Кощеи Бессмертные сидят в Кремле, а люди. Конечно, главное право человека — это право на жизнь. Если провести эту линию, то мы далеко уйдем, вплоть до индуистского понимания прав человека: во имя чего бы то ни было, каких бы то ни было государственных идей нельзя проливать кровь человека. Но не будет государства, не будет и порядка. Тут сложный клубок вопросов. Сейчас я не хочу вдаваться в философские рассуждения. Но, конечно же, никто не радуется жертвам людей. Если кто-нибудь предложит способ, как отделить зерна от плевел, человечество, наверное, ему поставит памятник»¹.

¹ Дорогой правовед. Будете кушать хлеб - отвлекитесь от госслужбы и посмотрите, нет ли там плевел? Люди никогда бы не стали человечеством, если бы не научились отделять зерна от плевел.

Дотошные журналисты не унимаются и опять спрашивают: «А не кажется ли вам, уважаемый господин Краснов, странным то обстоятельство, что президент Ельцин зачитал свой доклад о правовой реформе именно в то время, когда его войска сносили с лица земли Серноводск?»»

Правовед и помощник отвечает:

«Ваши вопросы заслуживают не дискуссии, а нескольких философских диссертаций и книг. В такое время мы живем, что нам приходится мириться с вещами, с которыми мы не хотели бы мириться. И, может, (*внимание!* — *В.П.*) х о р о ш о, что мы сейчас переживаем это время, ведь тогда, возможно, наши дети станут жить уже в другую, более цивилизованную, эпоху...»²

Продолжая рассматривать способы сопротивления злу, мы должны признать, что есть способ еще более совершенный и утонченный: и видеть зло, и открыто, не прикрываясь, называть его своим именем, и отчасти даже (когда надо) противостоять этому злу, но... вынужденно оправдывать его право на жизнь (то есть право на его продолжение) тем, что оно, зло, — «наименьшее» из всех имеющихся. Мол, в силу сложившихся обстоятельств имеются в наличии много разных нехороших зол. Все они, конечно, противные и несут в себе много неприятностей и гадостей, но... вы ж понимаете. Это от добра добро не ищут. А от зла — зло... совсем другое дело.

Молодой и популярный губернатор размышляет:

«Нравится нам Ельцин или нет, но, если мы не хотим, чтобы к власти пришли коммунисты, на этих выборах у нас нет иного варианта, как голосовать за Ельцина. Мы поставлены в такие условия, что выбирать приходится между плохим и ужасным, между тремя войнами: чеченской, гражданской и мировой. Я все-таки локальную предпочитаю(!), она поменьше...» (См. беседу с Б.Немцовым в «Общей газете» от 4-10 апреля, 1996 г.)

² Наши-то, московские, дети, господин помощник, может, и будут жить и, возможно, доживут даже до "более цивилизованных эпох", а вот самашкинские или ачхой-мартановские...

Интересно, спросил бы Борис Ефимович у своей мамы или у жены, на какой из трех названных им войн они бы «предпочли» потерять собственного сына и мужа, — что и как они бы ему ответили?

Или вот еще другие политики, тоже демократические, заявляют:

«После долгих раздумий(!) окончательный выбор сделали и мы, решив поддержать именно Б.Ельцина, несмотря на его грубые политические ошибки и просчеты, граничащие с преступлениями, — война в Чечне...

...Идея вынужденной поддержки демократами кандидата, представляющего из себя "наименьшее зло", является единственно верной» (из «Заявления для прессы» лидеров «Дем.России» Л.Пономарева и Г.Якунина от 3 апреля).

Но это — политики. В основе их нравственности лежит, как правило, борьба за власть. Другое дело, когда такой «упреждающий» разговор возникает сегодня в интеллигентской среде. Тоже вокруг президентских выборов и кандидатур Зюганова и Ельцина. Про последнего говорят, не стесняясь, что, мол, с ним не повезло, что он, конечно, наше несчастье и беда, и еще хуже того, но... коммунисты и Зюганов — еще хуже. Гораздо хуже. И приводят, между прочим, вернейшие аргументы, чем именно хуже:

«В лагерях погибло 600 писателей, в том числе гениальный Мандельштам; еще при Ленине из страны были изгнаны самые крупные наши философы, например Бердяев и другие³; от голода в Ленинграде умер лишенный средств к существованию великий художник Филонов; при Хрущеве громили писателей и художников; при Брежневе изгнали

³ Классический пример "переформатирования": Ленина обвиняют, что он выслал Бердяева и других мыслителей на Запад якобы за ненадобностью, потому что умных не терпел. Нет, оказывается, не выслал, а спас. Сохранил для потомков, зная, что грядет сталинщина и произвол, что их могут попросту поубивать. Посадил на пароход и отправил в Европу. А чего им здесь делать? Вот не отправил с ними Флоренского — где Флоренский?

из СССР двух будущих нобелевских лауреатов — Бродского и Солженицына и давили бульдозерами художников...

...А аполитичным молодым писателям, поэтам и художникам стоит задуматься, что, если к власти придут коммунисты, им снова придется уйти в андерграунд, им не удастся больше публиковаться ни в России, ни на Западе, они не смогут читать ни Генри Миллера, ни Луи Селина, ни Маркиза де Сада, ни Кандинского и Малевича».

Так «упреждает» нас общество «Российская интеллигенция за Ельцина» в своем пресс-релизе от 14 марта 1996 года. А сам документ заканчивается так: «Чтоб это не повторилось, мы призываем отдать ваши голоса Борису Ельцину. Из двух зол (*имеет место все-таки среди российской интеллигенции признание за Борисом Николаевичем зла — В.П.*) любой нормальный человек выбирает меньшее. Будем нормальными!» — заканчивается документ на высокой ноте.

Вот вам пример «упреждающего отпора». Ведь после того как в России могут запретить чтение Маркиза де Сада, какой нормальный человек станет голосовать за Зюганова и компартию? Под страхом никогда больше не прочесть «Жюстину» меркнут угрозы непрочтения томов Кандинского и Малевича, особенно их, столь обожаемых в народе, романов...

А вообще, сколько размышлений открывает эта непреходящая тема: насилие и талант!

Вот «интеллигенты за Ельцина» говорят: «Да, демократия у нас хотя и недоразвитая, но свобода слова и свобода творчества при Ельцине присутствует в полной мере». Согласимся, «свобода творчества» присутствует. Маловато только самого творчества. Видимо, для творчества одной свободы мало. Ведь беда для молодых писателей и поэтов в том, что, заполучив Зюганова, не сможешь прочесть Маркиза де Сада, а начитавшись де Сада, начинаешь яснее и образнее представлять, что тебя ожидает в случае переизбрания Ельцина. С другой стороны, без коммунистов с их деяниями никогда не состоялись бы Солженицын и Шаламов, рядом с произведениями которых десадовская «Жюстина» выглядит невинным лубком. Еще большая проблема с Бердяевым, Франком, Лосским и прочими философами, начитавшись которых, на-

чинаешь думать о высоком, божественном, и уже как-то не приходит на ум странный тезис о необходимости выбора «меньшего из зол». Почему-то не хочется выбирать зло вообще, ни при каком условии, ни при каких обстоятельствах. И вот уже какая-то девчушка-журналист с косичками спрашивает у интеллигентов — поэтов, писателей, музееведов:

«А почему это в сторону одного из зол надо обязательно склонять население огромной страны? Может, надо кого-нибудь хорошего, честного, Явлинского например. Он вроде бы лучше подходит, и рейтинг у него выше...»

Вот дословный ответ поэта, Кудрявицкого:

«Явлинский несерьезный кандидат. Прежде всего потому, что он интеллеktуал. Я считаю, что Россия еще не созрела до таких».

А вот ответ на тот же наивный вопрос другого интеллигента, не поэта, а писателя и публициста, Нуйкина:

«Явлинский очень плохой(!) кандидат. У него нет шансов, потому что он шибко умный. За Явлинского может в лучшем случае проголосовать интеллигенция».⁴

Видимо, имеется в виду не та интеллигенция, что за Ельцина и к которой принадлежит сам писатель, а какая-то другая, от нее отличная.

Может быть, вот эта?

23 марта газета «Известия» опубликовала открытое письмо демократическим лидерам России. Его авторы — представители интеллигенции из провинции. «Не хотим возвращаться в "светлое прошлое"» — такое у письма название.

Вообще, интеллигент из провинции это не москвич, с его комплексом «полноценности», избалованностью, неспособностью удивляться и воспринимать действительную жизнь. В провинции, разумеется, поле деятельности не столь широкое, нет той возможности засветиться, заявить о себе, нет такого удовольствия прилюдно позаботиться о стране в целом, но зато, будучи в провинции и добившись определен-

⁴ А Ельцин для России, значит, в самый раз. Интересно, кого здесь больше оскорбляют: Россию или ее президента Ельцина?

ных знаний и положения (да даже и без них), можно всегда с гордостью произнести: «Да, мы из провинции, но зато нам из провинции — виднее, чем и как живет глубинная Россия».

Именно с такими словами представители интеллигенции города Томска обратились через центральную газету к ряду демократических лидеров, в том числе к Е.Гайдару, Г.Явлинскому, Б.Федорову, И.Хакамаде и другим.

«Давайте уйдем — хотя бы на время — личное либо партийное самолюбие. Давайте перестанем упиваться красотой своих программ. Сегодня, по большому счету, у всех должна быть только одна программа: удержать наш корабль на плаву».

В целом суть письма-обращения в том, чтобы убедить лидеров демократов отбросить все свои амбиции и объединиться вокруг единого кандидата в президенты России, каковым, по их убеждению, является только Б.Н.Ельцин с командой. Как и столичные, интеллигенты из провинции предусмотрительно отдают себе отчет в том, что представляет собой нынешний президент:

«...Разумеется, этот человек — далеко не идеал. Но разве идеальна та страна, президентом которой он стал? *(Ничего себе аргументик! — В.П.)* Мы, россияне, должны понимать всю невероятную сложность собственного пути, и мы знаем, что этот политик умеет, говоря по мужицки, держать удар. Возможно, в этом смысле он — единственный... ...Давайте же хоть раз представим собою единую мощную силу — иначе нам снова придется испытать на себе все прелести "единства партии с народом". Нам предоставлена последняя возможность уберечь и без того изруганное слово "демократ" от самого уничтожающего эпитета — "глупость"».

Среди подписантов: заслуженные артисты, учителя, академики, членкорры, юристы, врачи, писатель...

Итак, предлагается всем демократическим лидерам, отбросив собственные амбиции, объединиться вокруг Бориса Ельцина, которому только и под силу противостоять Зюганову. Все кажется правильным и логичным, но только на первый взгляд. Дело в том, что такому объединению мешают не чьи-то амбиции, а вполне обоснованные сомнения в

том, в чем нас всех, включая лидеров-демократов, пытаются вновь и вновь убедить, а именно: что Борис Ельцин способен осуществить реформы в стране и успешно противостоять коммунистам на предстоящих президентских выборах.

Эти сомнения базируются на следующем:

— именно Ельцин не сумел создать новую полноценную российскую государственность, ограничив ее бутафорским разделением властей, вот уже в который раз борющихся не за разделение и сочетание такой власти, а за безраздельное овладение ею; своей экономической политикой, сохранением системы госмонополизма Ельцин реанимирует старые авторитарные институты власти и делает неэффективными демократические процедуры; Ельцин является главнокомандующим армии, которая ведет беспрецедентную по своей жестокости военную акцию на территории собственной страны против своего народа; такая карательная участь армии деморализует и уничтожает ее изнутри, одновременно порождая в обществе опасные милитаристские синдромы; именно нынешний президент своей политикой подвел страну и ее народ к реальной угрозе коммунистического реванша, так как нерешаемые проблемы миллионов людей, нищета и невостребованность неизбежно порождают у них коммунистические иллюзии и соблазн воспроизвести их в жизнь; здоровье Ельцина не позволит ему полноценно исполнять обязанности президента в последующие пять лет, что недопустимо в стране, перед которой стоят столь масштабные внутренние и внешние задачи.

Но не только этими главенствующими обстоятельствами вызвано сомнение в том, что именно Борис Ельцин способен противостоять коммунистам и их лидеру Геннадию Зюганову.

Социологические опросы доказывают: Ельцин, в случае выхода его во второй тур президентских выборов, безоговорочно проигрывает Зюганову, чей выход во второй тур выборов предопределен. А это уже обстоятельство иного рода. Его не должны не учитывать даже самые ярые почитатели Бориса Николаевича, не говоря уже о тех, кому дорого то, что все еще называется «демократией».

Но, возражают сторонники неперемного выдвижения Ельцина, все еще впереди:

«Нам рано говорить о безусловном проигрыше Ельцина во втором туре, — говорит Сергей Филатов. — Ведь предвыборная кампания еще не началась, и не известно, как будет меняться рейтинг президента после 16 апреля. Пока что он уверенно растет, опережая рост рейтингов всех прочих кандидатов» (пресс-конференция С.Филатова в московской мэрии 26 марта). Разумеется, до выборов еще есть два с половиной месяца, и активность кандидатов даст о себе знать. Но имеющийся анализ, с учетом высокого уровня инерционности и устойчивости общественного сознания, а также с учетом того, что властные структуры ведут свои выборные кампании не лучше, чем кампании военные, позволяет усомниться в том, что Ельцину удастся кардинально изменить ситуацию и за оставшееся время буквально перевернуть социальную психологию уставших и озлобленных граждан. Тем более что не все сторонники Бориса Николаевича готовы обольщать его неправдой.

Е.Гайдар и Б.Немцов, например, в победу Ельцина над Зюгановым не верят и вместо бесполезной в этом случае поддержки предпочитают смириться и готовиться к худшему.

— Мы согласны в одном принципиальном пункте: по тому, как все идет, победа Зюганова в июне в высшей степени вероятна, если вообще не предопределена... И значит, нам надо думать о том, как жить в случае этой победы, как в том числе создавать какие-то региональные базы для продолжения политики реформ хотя бы в отдельных регионах, для сохранения элементов этих реформ. Для сохранения свободы прессы хотя бы в отдельных регионах, — так учил общественность Нижнего Новгорода лидер партии «Демократический выбор России». (См. Нижегородскую газету «Мужики!», 15 марта, 1996 г.)

Здесь, между прочим, упреждение зла состоит в том, чтобы, учитывая так называемую реальность, «сохранять элементы реформ».

* * *

Упреждение опасности — суть беспокойного и мыслящего человека. Но если опасность уже пришла, если беда уже в доме, уже рядом — суть в прямом и живом участии в этой беде. Сегодня, сейчас. В этом есть упреждение. Проще говоря, суть не в том, чтобы рассказывать или писать о гражданском подвиге писателя Короленко во времена военного коммунизма, но в том, чтобы самому становиться таким, как Короленко. Упреждение зла сейчас в том, чтобы не дать людям вновь и вновь быть втянутым в ложное и унижительное состояние безальтернативности, при котором царит вечное зло, из малого становясь большим, из большого — всеобъемлющим.

Обратимся еще раз к Гефтеру. Лежа на больничной койке, он выводил последние в своей жизни строчки:

«О м е р з е н и е... от нашего покорства российской нашей судьбе. И от понятного по-человечески, но человеку же непростибельного равнодушия. И от медоречивых изъявлений преданности, и от призывов к единству вопреки всему. И от нашей беспомощности, которая едва ли не хуже всего остального...»

Историк писал и думал на этот раз не о прошлом, которое все равно «ничему не учит», а о Чечне, о той трагедии, что сегодня, сейчас, за окном. Обращался с настоящим — к сиюминутному:

«Борис Николаевич! После "плановой операции", в вынужденном перерыве от управления Россией, возьмите в руки томик Толстого. Многое поймете, уверяю. И насчет горцев, и по поводу российских самодержцев.

А вдруг скажете, закрыв последнюю страницу: ухожу!

Пора! А с господами, которые вас "подставляют", и с теми, кто нас в этом пытается убедить, мы справимся как-нибудь сами. Без крови. "Цивилизованно" — посредством обыкновенного избирательного бюллетеня. Ведь не худшие мы на свете. Да и не на один салтык мы нынешние». (См. Голос из вынужденного одиночества // Независимая газета. —1994. —17 декабря.)

«Ведь не худшие мы на свете...» — так считал один.

«Россия еще не созрела до умных», — считает сегодня другой, пишущий стихи и принадлежащий к Обществу «Российская интеллигенция за Ельцина».

Ну вот, а Гефтер в последней строке своей последней публикации сокрушался: «Как бы нашим потомкам не пришлось изъять из лексикона слово "интеллигенция"».

И все же, что все-таки движет частью нашей интеллигенции, какие такие расчеты берутся ими во внимание, кроме, конечно, обескураживающего аргумента насчет способности «держания удара», как будто речь идет не о руководителе страны в критическое для нее время, а о штатном боксере? Что вообще заставляет в общем-то неглупых, честных людей (а мы имеем в виду не только подписантов из провинции), к голосу которых, наверное, прислушивается общество, поступать вопреки принципам, которые они же так часто до этого повторяли? Почему ими принят столь унижительный лозунг о выборе «наименьшего из зол», почему не стыдятся поддержать нынешнюю «партию власти», почему считают себя вправе сказать остальным: «Россия не созрела до умных» — и не верят, что люди способны сами решить свою участь?

Почему они не дают себе труда поразмышлять о завтрашнем, а не только о сегодняшнем дне, почему не способны заглянуть в свою же историю и повторяют вновь и вновь роковые ошибки? Почему не прислушиваются к звучащим предупреждениям?

Мне кажется, вот почему.

Эти достойные люди, увы, все еще рабы, хотя и приписаны к интеллигенции. К демократии они просто не готовы и уповают больше не на демократические процедуры, коими являются выборы, а на начальственные силовые решения. Ельцин для них — всего лишь тривиальный жандарм и огородное пугало от зарвавшегося коммунистического воронья. Ничего, что страшен, неотесан, сумасброден, — лишь бы отпугивал.

Не будем лукавить. В Ельцине видят человека, способного силой власти, а не с помощью мирных выборов победить коммунистов на выборах. В его сторону и к его ногам заставляет многих достойных людей

припадать то унижительное «понимание», что в конце концов Ельцин подключит армию, госбезопасность, наконец, своего друга генерала Коржакова и разгонит всю эту зюгановско-анпиловскую нечисть. За это ему прощается очень многое. Ему прощается все, и будет прощаться еще большее. Понимая это, Ельцин ведет себя так, как и положено вести себя с рабами, то есть как хочет. Он откровенно унижает демократов: повыгоняв их из властных и околоставных структур, он затем говорит с презрительной ухмылкой в их адрес (в присутствии улыбающегося президента Белоруссии!): «Никуда не денутся, прибегут»; он вызывающе ведет себя по отношению к сторонникам прекращения массового убийства в Чечне и публично плюет на миллионы собранных подписей против войны, в то же время приближает к себе главных палачей Чечни: делает своим канцелярским начальником Егорова, лобызает и награждает медалью со своим изображением(!) Павла Грачева; он говорит о своей готовности к мирным переговорам в Чечне, а вслед за этим устраивает ракетно-бомбовые обстрелы чеченских городов и сел; он устраивает истерику Госдуме за выборы в спикеры коммуниста Селезнева, а сам через несколько дней проталкивает на пост спикера Совета Федерации коммуниста и члена Политбюро ЦК КПСС Строева; он устраивает еще большую истерику вокруг договора о денонсации Госдумой Беловежских соглашений, а сам, спустя пару дней, договаривается с президентом Белоруссии о подписании нового союзного договора; он пугает бизнесменов грядущей национализацией в случае победы Зюганова, а в недрах его исполнительских структур готовится свой закон о национализации; наконец, в Норвегии, во время официального визита, Ельцин позволил себе сказать, то ли в шутку, то ли всерьез: «Я — выше, чем судья!»

В поистине животном страхе от угрозы коммунистического реванша наша интеллигенция отказывается видеть, что таковой реванш уже совершается, более того — давно совершен. Но это не коммунистический реванш, это реванш номенклатурный, чиновничий, это реванш имперского государственного интереса над частными интересами человека. Вместе с победой президента Ельцина на выборах 16 июня (если таковая все же состоится) получит свое подтверждение реаними-

руемое с его помощью и в его лице авторитарное российское имперское государство. В своих деяниях оно будет свободным и вольным по отношению к кому бы то ни было, начиная от такого рудимента, как ничемный парламент, и заканчивая провинциальной газетой. У такого развития есть своя логика и свои неукоснительные законы, которые еще не раз заставят вспомнить пресловутый тезис о «меньшем из имеющих зол».

Коммунистический реванш действительно опасен. Достаточно представить генерала Макашова в роли министра обороны, Вареникова на должности председателя КГБ, а Анпилова — руководителем телевидения. Появятся и другие, не менее колоритные, фигуры, желающие «чертовски поработать» на благодатной политической ниве. Не сомневаюсь, что такой реванш будет сопровождаться местью по отношению к нынешней власти и тем, кто способствовал ее утверждению. В действительности сама эта месть явится первым пунктом в политической программе коммунистов. Ничего другого, кроме насилия, у них попросту нет, а это значит, что политика коммунистов слишком очевидна, чтобы она воплотилась в реальную власть. Люди это знают, видят, понимают, и именно они, граждане России, отвергнут коммунистический реванш и не дадут ему состояться ни при каких условиях. Люди России на демократических выборах, а не силовики Ельцина гарантия от реванша и действительный щит российской демократии.

По всем социологическим опросам, совокупный процент сторонников нормального, демократического развития общества выше, чем сторонников коммунистов. Мы можем сказать, что партия коммунистов и Зюганова — это партия меньшинства. Ее успех предопределен лишь при одном условии: если Ельцин не откажется от власти в пользу нового демократического лидера и будет, вопреки предупреждениям, участвовать в президентских выборах. Иллюзией советского казенного интеллигента является то, что Явлинский, Гайдар, Святослав Федоров смогут заставить своих сторонников голосовать за единого кандидата от демократических сил Бориса Ельцина. Люди, называющие себя сторонниками демократии в России, не стадо и не стая, повинующаяся матерому вожаку. Они скорее предпочтут не голосовать вообще, чем со-

гласяся на унижительный и опасный выбор, потому что хуже всего - ответственность, которая ляжет на всякого, кто откроет дорогу к власти Зюганову или будет рабски способствовать развивающемуся авторитарному режиму с Борисом Ельциным во главе.

Вот о чем мы хотим предупредить граждан России, нашу общественность, в том числе провинциальную, за два с половиной месяца до выборов президента России.

Март 1996 г.

Лен Карпинский и Валерий Писигин. 31 июля 1988 г.
г.Набережные Челны, республика Татарстан

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданское сопротивление Лена Карпинского _____	4
Как защитить демократию от демократов (Л.Карпинский) _____	16
Возбуждение унтерпришибеевских начал (Л.Карпинский) _____	19
Мавроди - сводный брат Гайдара (Л.Карпинский, В.Писигин) ____	30
Боевой залп в честь Конституции (Л.Карпинский) _____	38
Утопический коммунизм Н.С.Хрущева (Л.Карпинский) _____	46
Трижды репрессированный (Л.Карпинский) _____	53
Слово о Гефтере (Л.Карпинский, В.Писигин) _____	70
К годовщине со дня смерти В.А.Тихонова (Л.Карпинский, В.Писигин) _____	77
Демократия: период отлива (Л.Карпинский) _____	83
Государство вчерашнее, преступность — сегодняшняя (В.Писигин) _____	92
Простые рассуждения об одном сложном чувстве (В.Писигин) _____	96
Российские задачи и российские политики (В.Писигин) _____	101
Об упреждающей пользе зла (В.Писигин) _____	123

Лицензия ЛР № 030643 от 28.04.95 г.
Подписано в печать 12.05.96 г. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Печать высокая. Тираж 5000 экз. Заказ № 2221.
Отпечатано в ГМП «Первая Образцовая типография»
Комитета Российской Федерации по печати.
113054 Москва, Валовая, 28

ЛЕН

КАРПИНСКИЙ

(1929-1995 гг.)

Публицист, социолог, философ, автор многочисленных работ по теории и истории советского тоталитаризма.

В 60-е годы занимал ряд ответственных должностей в комсомоле, в том числе пост секретаря ЦК ВЛКСМ.

В 70-е близок к диссидентским кругам, исключен из партии.

С начала перестройки - активный ее участник.

В 1989-1991 гг. - политический обозреватель,

а в 1991-1993 гг. - главный редактор газеты "Московские новости".

В

АЛЕРИЙ

ПИСИГИН

(р. 1957 г.)

Публицист, историк, автор нескольких книг и статей по проблемам взаимоотношений государства и гражданского общества в России.

В 80-е годы возглавлял полит-клуб им. Бухарина в Набережных Челнах.

В 1988-1992 гг. - президент Межрегиональной кооперативной федерации СССР.

В 1991-1992 гг. - издатель и главный редактор "Провинциального еженедельника "Континент".

В 1992 г. входил в президентский Совет РФ.

С 1994 г. - президент ассоциации "Общество и политика".